ISSN 2219-0279

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ: ХОЗЯЙСТВО И ЭКОНОМИКА; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО; ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ **№8 (135), 2021**

Периодичность 12 номеров в год Издается с 2010 г.

Учредитель:
Некоммерческая организация «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых **должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических / экономических / политических наук**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
от 21 июля 2010 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41365
Почтовый индекс в каталоге Почты России - П8224

Главный редактор:
Григорян Сергей Александрович,
доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; учредитель, генеральный директор некоммерческой организации «Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области»

Заместители главного редактора:
Бугаян Илья Рубенович, доктор экономических наук, профессор
Казаринов Ильдар Александрович, магистр права
Лебедева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент

Редакционный совет:
Арсеньева Валерия Александровна, доктор экономических наук, доцент
Кобилев Алексей Геннадьевич, доктор экономических наук, профессор
Максимов Андрей Владимирович, доктор экономических наук, профессор
Назаров Сергей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Овакимян Михаил Амиранович, кандидат экономических наук, доцент
Осипов Юрий Михайлович, доктор экономических наук, профессор
Радачинский Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Рукавишникова Ирина Валерьевна, доктор юридических наук, профессор
Старостин Александр Михайлович, доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Андреева Лариса Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Анопченко Татьяна Юрьевна, доктор экономических наук, профессор
Артеменко Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент
Артюхин Олег Александрович, кандидат политических наук, доцент
Аствацатурова Майя Арташесовна, доктор политических наук, профессор
Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, доцент
Досаева Глера Сулеймановна, доктор юридических наук, доцент
Дробышевская Лариса Николаевна, доктор экономических наук, профессор
Дудукалов Егор Владимирович, кандидат экономических наук, доцент
Кизим Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор
Колесник Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, доцент
Котов Сергей Владимирович, доктор политических наук, профессор
Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор
Кюрджиев Сергей Пантелеевич, доктор экономических наук, профессор
Любашиц Валентин Яковлевич, доктор юридических наук, профессор
Магомедов Гусейн Багавдинович, кандидат юридических наук, доцент
Мархгейм Марина Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент
Мишина Наталья Вячеславовна, доктор политических наук, профессор
Никитина Анна Александровна, кандидат юридических наук
Овчинников Алексей Игоревич, доктор юридических наук, профессор
Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, доцент
Позднышов Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Понеделков Александр Васильевич, доктор политических наук, профессор
Пономарев Александр Иванович, доктор экономических наук, профессор
Семенцова Ирина Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Смоленский Михаил Борисович, кандидат юридических наук, доктор социологических наук, профессор
Храпунова Екатерина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Чапурко Татьяна Михайловна, доктор политических наук, профессор
Чапчиков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент
Шмалий Оксана Васильевна, доктор юридических наук, профессор
Яценко Татьяна Сергеевна, доктор юридических наук, доцент

Адрес издателя и редакции:
344030 г. Ростов-на-Дону, пер. Нальчикский, 34
www.journal-nio.com; e-mail: journal.nio@gmail.com
Тираж 1000 экз.

© Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2021

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

О.В. Евграфова, А.П. Кручина Перспективные профессиональные навыки постпандемической эпохи: трансформация и содержание 7

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

А.А. Кизим, В.О. Толмачева Нишевый бизнес как инструмент эффективного участия малого и среднего предпринимательства в международном бизнесе посредством государственных закупок 12

И.В. Сароян, С.Г. Шагинян Методология и методика оценки концентрации отраслевого рынка как основа антимонопольного регулирования 17

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
ECONOMIC SECURITY

Л.Г. Риполь-Сарагоси, Е.В. Гомелева Налоговое администрирование как инструмент обеспечения экономической безопасности 21

З.М. Яковенко Инвестиции и инновации в системе экономической безопасности предприятия 24

МЕНЕДЖМЕНТ

Р.В. Колесников Функциональное описание концептуальной модели управления сферой медицинского туризма Российской Федерации 26

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Д.Е. Белоусов, Е.А. Буханова Учет доходов и расходов хозяйствующего субъекта в системе финансового контроля и аудита 30

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

И.В. Бухарова Теория нравственности по теории права и государства Л. Петражицкого 33

С.С. Габрелян Сущность теории социологической юриспруденции Питирима Сорокина 37

Н.В. Горбунова Правовое положение дворянства Войска Донского в контексте государственной политики 30 – 40-х годов XIX века 40

М.В. Кича Проблемы понимания частного права в западной юридической науке 45

Г.С. Працко Структурная характеристика западного либерализма как политико-правовой идеологии 47

С.В. Филатов О проблеме реализации права на отдых колхозных крестьян СССР 51

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

М.В. Мархгейм Право на национальность в фабуле конституционных поправок и национальных интересов 54

М.В. Мархгейм, С.А. Ядута Дисциплинарная ответственность публичных служащих в ракурсе императива предоставления сведений о доходах 57

И.С. Масликов Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации 62

Н.В. Федоренко Сущность и назначение судебной власти в условиях демократизации российского общества 65

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

С.Г. Михайлов Некоторые аспекты регистрации права собственности доли на земельный участок под многоквартирным домом 69

Т.А. Мосиенко, К.С. Мухиддинов Сравнительный анализ порядка ведения исполнительного производства в России, Узбекистане и Беларуси 73

Н.Г. Шатверян, Д.А. Орлова Реализация трудовой деятельности на условиях неполного рабочего времени: преимущества и недостатки 76

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

М.В. Лисицкая, Ю.Т. Эрганов Защита прав субъектов предпринимательства 79

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Т.А. Мосиенко, А.А. Григорьева Теоретические и практические вопросы усыновления (удочерения) детей в России 82

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

С.Т. Ахмедханова, Б.С. Баталова Юридические и фактические ошибки в уголовном праве: проблемы квалификации 86

А.А. Безуглая, С.Н. Безуглый Свобода слова в киберпространстве: уголовно-правовые меры борьбы с клеветой 89

Д.А. Берестовой Деструктивные объединения, деятельность которых причастна к ауто-агрессивному поведению: уголовно-правовые аспекты 94

М.С. Диденко Развитие института наказания в российском праве в советский период 96

В.П. Мосиенко Особенности расследования уголовных дел в отношении несовершенно-летних 100

В.Н. Севумян Понятие и признаки провокативной деятельности как института уголовного права России 103

Д.В. Тынянский, А.Л. Клочкова Общая характеристика принципов уголовной политики государства 105

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

А.В. Гаврицкий, К.С. Панчихин Суд присяжных и его значение в отправлении правосудия в уголовном судопроизводстве России 108

Р.Г. Непранов, И.А. Кметь Процессуальный статус следователя как участника уголовно-процессуальных правоотношений 111

Е.С. Тесленко, О.М. Гайбарян К вопросу оценки полноты и объективности заключения эксперта по судебно-почерковедческой экспертизе в уголовном процессе 114

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.П. Фоков Электронное правосудие в Китайской Народной Республике: цифровая реальность и организация «умного суда» 119

Т.Ю. Кулик Доказательственные возможности смарт-контрактов 125

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Т.А. Комахидзе Актуальные вопросы прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности, осуществляемого прокурорами транспортной прокуратуры 128

ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н.В. Федоренко, Д.М. Дорофеева Вопросы применения медиации в поликультурной образовательной среде 133

Ю.В. Федоренко, М.А. Элибекян, М.Р. Полозова История становления института нотариата в России и за рубежом 136

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

М.А. Аствацатурова, А.В. Понеделков Новое прочтение старых проблем Северо-Кавказского Федерального округа (политико-управленческое Дежавю) 139

РЕЦЕНЗИЯ

А.П. Фоков Рецензия на монографическое издание «Судебная власть: институционально-правовые аспекты: монография / В.К. Аулов, Е.В. Бурдина, Г.Т. Ермошин и др. / под ред. Ю.Н.Тугунова. М.: РГУП, 2019. 404с. 144

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

O.V. Evgrafova, A.P. Kruchina Promising skills of the postpandemic era: transformation and content 7

ECONOMICS AND NATIONAL ECONOMY ADMINISTRATION

A.A. Kizim, V.O. Tolmacheva Niche business as a tool for effective participation of small and medium-sized businesses in international business through public procurement 12

I.V. Saroyan, S.G. Shaginyan Methodology and methods of assessment of the concentration of the industry market as a basis for antitrust regulation 17

ECONOMIC SECURITY

L.G. Ripoll-Saragosi, E.V. Gomeleva Tax administration as a tool for ensuring economic security 21

Z.M. Yakovenko Investment and innovation in the economic security system of an enterprise 24

MANAGEMENT

R.V. Kolesnikov The functional description of conceptual model of management of sphere of the medical tourism of the Russian Federation 26

FINANCE, MONEY TURNOVER AND CREDIT

D.E. Belousov, E.A. Bukhanova Accounting of incomes and expenses of an economic entity in the system of financial control and audit 30

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

I.V. Bukharova The theory of morality according to the theory of law and state by L. Petrazhitsky 33

S.S. Gabrelyan The essence of the theory of sociological jurisprudence of Pitirim Sorokin 37

N.V. Gorbunova The legal position of the nobility of the Don Army in the context of state policy of the 30-40s of the XIX century 40

M.V. Kicha Problems of understanding private law in the Western legal science 45

G.S. Pratsko Structural characteristics of western liberalism as a political and legal ideology 47

S.V. Filatov On the problem of the exercising of the right to rest by collective farm peasants of the USSR 51

CONSTITUTIONAL LAW

M.V. Markhgeym The right to nationality in the plot of constitutional amendments and national interests 54

M.V. Markhgeym, S.A. Yaduta Disciplinary liability of public servants from the perspective of the imperative of providing information on income 57

I.S. Maslikov The constitutional-law status of the president of the Russian Federation 62

N.V. Fedorenko The essence and purpose of the judicial power in the conditions of democratization of the Russian society 65

CIVIL LAW

S.G. Mikhailov Some aspects of registration of the ownership right of a share in a land plot under an apartment building 69

T.A. Mosienko, K.S. Mukhiddinov Comparative analysis of the order of executive production in Russia, Uzbekistan and Belarus 73

N.G. Shatveryan, D.A. Orlova Labour performance practice under the conditions of part-time employment: pros and cons 76

ENTREPRENEURSHIP LAW

M.V. Lisitskaya, Yu.T. Erganov Protection of the rights of business entities 79

FAMILY LAW

T.A. Mosienko, A.A. Grigorieva Theoretical and practical issues of adoption of children in Russia 82

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

S.T. Akhmedkhanova, B.S. Batalova Legal and factual errors in criminal law: qualification problems 86

A.A. Bezuglaya, S.N. Bezugly Freedom of speech in cyberspace: criminal-law measures of fight against libel 89

D.A. Berestovoy Destructive associations which activities are involved in the autoaggressive behavior: criminal-law aspects 94

M.S. Didenko The development of the institution of punishment in Russian law during the Soviet period 96

V.P. Mosienko Specific features of criminal cases in respect of minors 100

V.N. Sevumyan The concept and types of provocative activity in the criminal legislation of the Russian Federation 103

D.V. Tynyansky, A.L. Klochkova General characteristics of the principles of state criminal justice 105

CRIMINAL PROCEDURE

A.V. Gavritskiy, K.S. Panchikhin Jury trial and its importance in the administration of justice in criminal proceedings in Russia 108

R.G. Nepranov, I.A. Kmet Procedural status of the investigator as a participant of criminal procedure legal relations 111

E.S. Teslenko O.M. Gaybaryan On assessing the completeness and objectivity of the opinion of the expert on forensic handwriting in the criminal procedure 114

COURT PRACTICE

A.P. Fokov Electronic justice in the People's Republic Of China: digital reality and the organization of a "smart court" 119

T.Yu. Kulik Evidence-based capabilities of smart contracts 125

PROSECUTOR'S PRACTICE

T.A. Komakhidze Topical issues of prosecutor's supervision over the legality of operational investigative activities carried out by prosecutors of the transport prosecutor's office 128

ADVOCACY AND LAW-ENFORCEMENT PRACTICE

N.V. Fedorenko, D.M. Dorofeeva Issues of mediation application in the polycultural educational environment 133

Yu.V. Fedorenko, M.A. Elibekyan, M.R. Polozova The history of the formation of the institution of notary in Russia and abroad 136

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNIQUES

M.A. Astvatsaturova, A.V. Ponedelkov New perspective on old challenges of the North-Caucasian Federal District (political-and-administrative Déjà vu) 139

REVIEW

A.P. Fokov Review of the monographic publication "Judicial power: institutional-law aspects: monograph / V.K. Aulov, E.V. Burdina, G.T. Yermoshin et al. / ed. by Yu.N. Tugunov. M.: RSUP, 2019. 404p. 144

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.34

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ ПОСТПАНДЕМИЧЕСКОЙ ЭПОХИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ И СОДЕРЖАНИЕ

© 2021 г. О.В. Евграфова, А.П. Кручина

Ростовский филиал
Российской таможенной академии
344000, г.Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of
Russian Customs Academy
20 Budennovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000

В 2020 году пандемия COVID-19 динамично и остро актуализировала потребность в новых профессиональных навыках работников. Быстрый рост масштабов цифровизации экономических процессов и онлайн-занятость предъявляют новые требования к сотрудникам, которым в большинстве в настоящее время требуются новые, дифференцированные навыки для успешного выполнения профессиональных ролей в контексте кардинальных изменений и бизнес-приоритетов, устанавливаемых их компаниями. Не менее важна и роль работодателей в развитии и приобретении тех навыков, которые сделают бизнес и его отдельных сотрудников готовыми к будущему.

Ключевые слова: *пандемия, цифровизация, навыки, «компетентностный разрыв», повышение квалификации, эффективность, трансформация навыков*

In 2020, the pandemic COVID-19 dynamically and keenly updated the need for the new professional skills of employees. The rapid growth in digitalization of economic processes and online employment place new demands on employees, who in most cases now need new, differentiated skills to successfully fulfill professional roles in the context of the fundamental changes and business priorities set by their companies. Equally important is the role of employers in developing and acquiring skills that will make the business and its individual employees ready for the future.

Keywords: *pandemic, digitalization, skills, «competency gap», skills development, efficiency, skills transformation*

В настоящее время становятся все более очевидными срочность и важность преодоления «компетентностного разрыва» в навыках, и в некоторых отраслях эти процессы актуальнее, чем когда-либо. Формирование новых навыков (в большей степени, чем наем новых работников, заключение трудовых срочных контрактов или перераспределение сотрудников) является наилучшим и проверенным практикой инструментом устранения пробелов в навыках, что и доказали компании, которые за период кризиса COVID-19 удвоили свои усилия по повышению квалификации сотрудников [1]. Результаты этой трансформации указывают и на изменение наиболее важных навыков развития, которые, как правило, носят социальный и поведенческий, эмоциональный характер: например, эмпатия, лидерство и адаптируемость. Но, независимо от задействованных в процессе трудовой деятельности навыков, можно утверждать, что существует четкий рецепт успеха по их преобразованию, который заключается в масштабных, программных усилиях по поддержке и сопровождению процесса формирования требуемых современному миру навыков, чтобы сотрудники могли адаптироваться к принципиально изменяющимся требованиям своих текущих профессиональных ролей или получить новые. Когда компании следуют практикам, которые поддерживают преобразование навыков – например, оценка спроса и потребности в конкретных навыках в будущем, разработка портфеля инициатив по устранению пробелов в навыках или создание организационной структуры, которая посвящена обучению, – шансы на успех почти гарантированы.

За 2020 год устранение пробелов в навыках в рабочей силе стало наиболее приоритетным направлением кадровой работы. Необходимо отметить, что во время пандемии компании направили свое первоочередное внимание на систему повышения квалификации, которая сейчас является более распространенным явлением, чем до пандемии (рисунок 1); при этом 69% организаций формируют навыки именно за счет этих программ по сравнению с 7% компаний до кризиса COVID-19, что позволяет сделать вывод, что необходимость устранения пробелов в навыках является как никогда актуальной [2]. Также из диаграммы следует и значительный рост усилий компаний по оставшимся четырем направлениям.

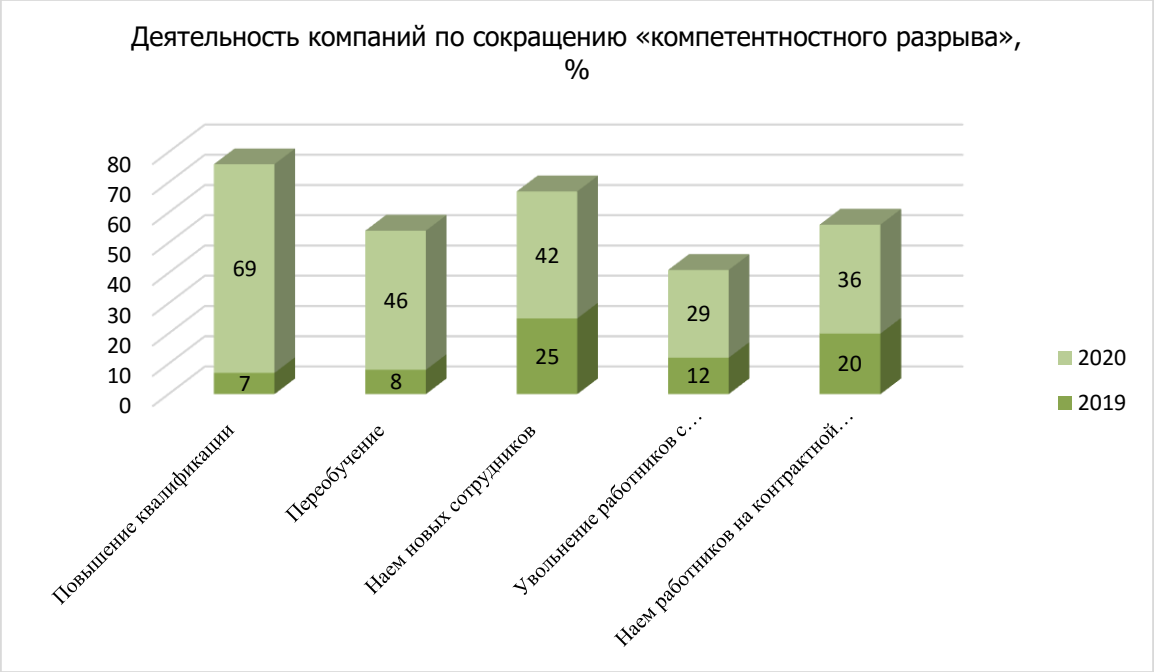

Рисунок 1. Направления деятельности компаний по устранению пробелов в навыках сотрудников

Перераспределение работников на новые профессиональные роли, что часто требует определенного уровня повышения квалификации, также стало более обычным явлением за последний год, что способствует увеличению числа компетентных сотрудников. Кроме того, результаты показывают, что эта приверженность повышению квалификации представляет собой более, чем единовременную инвестицию. Большинство компаний планируют увеличить расходы на обучение и повышение квалификации сотрудников в течение последующих лет по сравнению с объемом инвестиций с конца 2019 года.

Необходимо обратить внимание, что усилия компаний по повышению квалификации работников были сосредоточены в основном на «soft skills» и передовых когнитивных навыках. По данным исследования из 25 конкретных навыков, которые компании определили в качестве приоритетных для решения проблемы «компетентностного разрыва», более половины направлены на развитие лидерства, критического мышления и принятия решений, а также навыков управления проектами. По сравнению с данными 2019 года многие навыки подразделяются на две категории: социальные и эмоциональные (которые составляют три из пяти самого большого прироста) и передовые когнитивные навыки (рисунок 2). Например, доля, говорящая о том, что их компании занимаются межличностными навыками и навыками сопереживания, за последний год почти удвоилась [3].

Базовые цифровые навыки также стали основным приоритетом для компаний с момента начала пандемии: доля запроса организаций на эти компетенции выросла на 16% по сравнению с 2019 годом. Есть также и некоторые отраслевые различия: в развитых отраслях промышленности необходимость в цифровых навыках меньше, что может объясняться укомплектованностью цифровыми кадрами до пандемии. Промышленные предприятия отдают предпочтение технологическому проектированию (50%), тогда как только 15-28% организаций в других отраслях испытывают в нем недостаток. Компании государственного и социального секторов, а также здравоохранение и фармацевтика испытывают необходимость межличностных навыках и эмпатии.

Еще до пандемии компании признавали, что нехватка навыков является насущной и критической проблемой. В настоящее время более половины организаций начали трансформацию компетенций, чтобы осуществлять их формирование на постоянной основе и в больших масштабах. От 71% до 90% руководящего персонала отмечают, что трансформация навыков оказала положительное влияние на четыре результата деятельности компании: способность реализовывать стратегию организации, производительность труда и степень удовлетворенности сотрудников, а также репутацию работодателя [4].

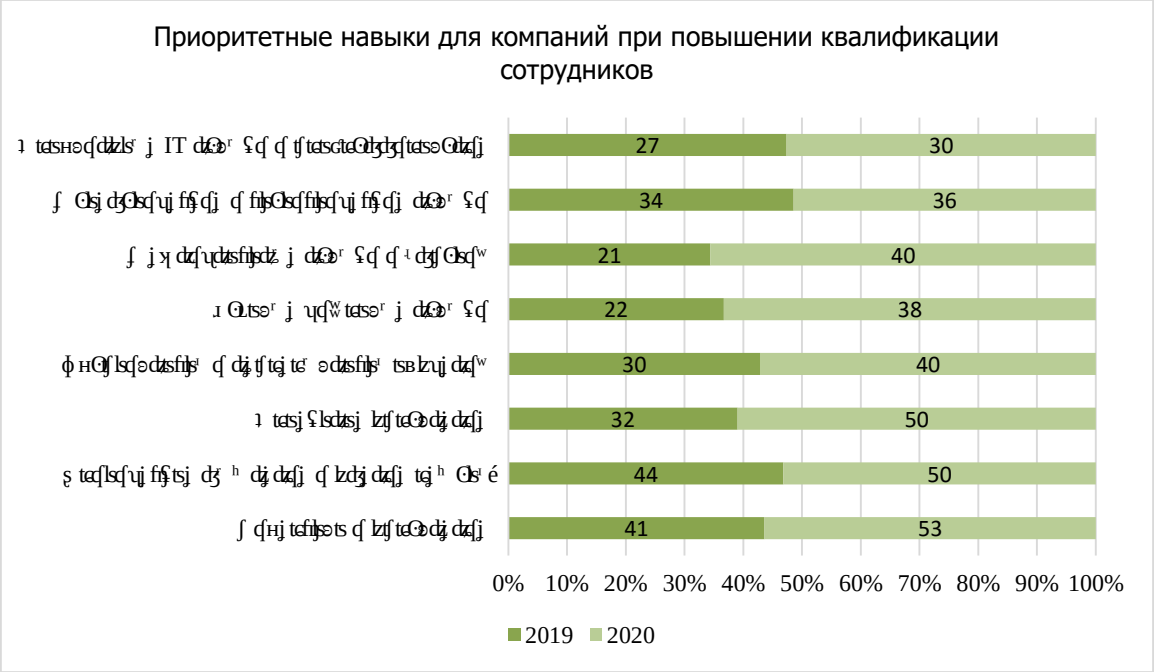

Рисунок 2. Структура приоритетных навыков современных компаний

Несмотря на постпандемический энтузиазм, внедрение преобразований в формировании навыков не всегда получается легким. Опыт крупных компаний показывает, что организация может опираться на девять ключевых инструментов с целью повысить вероятность эффективной трансформации (рисунок 3). Первые три инструмента предполагают оперативное кадровое планирование для выявления пробелов в навыках, которое включает сравнение текущего состояния навыков компании со спросом на определенные навыки, исходя из ее стратегических стремлений, цифровой повестки дня и общей бизнес-модели.

Рисунок 3. Инструменты эффективной трансформации навыков

Далее необходимо уделить основное внимание тому, как компании формируют стратегию обучения навыкам для устранения ожидаемых пробелов путем нахождения правильного сочетания действий (т.е. формирования навыков, а также перераспределения, найма, заключения контрактов и увольнения сотрудников). Поскольку повышение квалификации и перераспределение кадров часто являются основными направлениями деятельности компаний, наиболее важные инструменты включают в себя и используемые форматы обучения, способы проектирования и осуществления учебных поездок для сотрудников, а также создание необходимой инфраструктуры и систем управления обучением.

Следующие три инструмента предусматривают осуществление масштабных действий по повышению квалификации в рамках всей организации: обеспечение формирования необходимых навыков у сотрудников, существование специализированных организационных структур для обучения (например, центров обучения) и жесткой, но при этом динамичной системы отслеживания воздействия обучения на эффективность экономической деятельности компании. Результаты показывают, что организации, которые внедрили все рассмотренные инструменты, достигли почти 100-процентной эффективности в трансформации навыков, что в 2,5 раза превышает показатель успеха для организаций, которые не внедрили хотя бы один из рассмотренных инструментов [5].

Хотя все девять способов компетентностной трансформации имеют первостепенное значение, верно также и то, что некоторые из них успешно применяются чаще, чем другие. По данным исследования компании, как правило, наиболее успешны в использовании трех способов трансформации, связанных с кадровым планированием и оценкой: оценка спроса и потребности в конкретных навыках в будущем (56% эффективности), определение текущей потребности в навыках (56%) и анализ пробелов в навыках (54%) [6]. Более мелкие организации особенно хорошо владеют методами кадрового планирования, по-видимому, потому, что они часто обладают большей прозрачностью в отношении потребностей организации, лучше знают кадровый состав и могут более точно определить требуемые базовые навыки.

С другой стороны, компании в наибольшей степени сталкиваются с трудностями, связанными с формированием инфраструктуры непрерывного обучения: например, только 23% организаций, которые начали трансформацию навыков, внедрили динамическое и системное отслеживание зависимости между изменением уровня подготовленности к выполнению профессиональных ролей, производительностью труда работников, и общим влиянием трансформационных процессов на эффективность деятельности компании.

Но очевидно, что в целом лучше всего использовать комплексный подход к обучению и формированию навыков (рисунок 4). Из 12 форматов обучения более всего сотрудникам компаний подходит в среднем пять из них. В компаниях, которые уже начали трансформацию навыков, уровень успеха выше, когда компании внедряют большее количество форматов обучения: 50% эффективности для тех, кто использует менее четырех форматов, и более 70% для тех, кто внедряет восемь и более форматов обучения сотрудников [7].

Рисунок 4. Направления успешной трансформации навыков

Необходимо отметить, что и другие менее распространенные способы обучения также демонстрируют достаточную эффективность. Экспертное обучение и умение работать в команде способствуют успешным преобразованиям, что является ключевым компонентом эффективных стратегий обучения.

Многие компании сейчас находятся на критическом этапе, когда необходимо непрерывное профессиональное развитие сотрудников, и для процветания или даже выживания в будущем необходимы кардинальные изменения. Для того чтобы «окрепнуть» после пандемии, организациям необходимо вкладывать средства в преобразование навыков и использовать уроки прошлого года для определения своих текущих и будущих потребностей в компетенциях. Компании должны применять комплексный подход к трансформации навыков и сосредоточить внимание на всех девяти инструментах, которые способствуют успеху. И в процессе формирования требуемых навыков организации не должны попасть в ловушку акцента на «жестких», технологических компетенциях или только цифровых каналах обучения. Пандемия показала, насколько критически важными оказались межличностные навыки и адаптивность персонала и что их создание требует различных способов обучения для успешного развития в будущем.

Литература

1. Евграфова О.В. Цифровые компетенции специалистов: рескиллинговые программы и рост эффективности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. №3 (40). С. 42-44.
2. Coronavirus: Leading through the crisis // URL: https://www.mckinsey.com/.
3. Alexander A. What executives are saying about the future of hybrid work? McKinsey & Company. 2021.
4. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
5. Цифровая трансформация в России: итоги 2020 года и перспективы развития // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 2020.
6. Федеральная служба государственной статистики. Единый портал государственной статистики // URL: https://rosstat.gov.ru/
7. The Reskilling Revolution: Better Skills, Better Jobs, Better Education for a Billion People by 2030 // URL:https://www.weforum.org/press/2020/01/the-reskilling-revolution-better-skills-better-jobs-better-education-for-a-billion-people-by-2030/

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 334

НИШЕВЫЙ БИЗНЕС КАК ИНСТРУМЕНТ ЭФФЕКТИВНОГО УЧАСТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ БИЗНЕСЕ ПОСРЕДСТВОМ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

© 2021 г. А.А. Кизим, В.О. Толмачева

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Kuban State University
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040

Попытка проникнуть на большой рынок, а тем более на международный, и построить успешный бизнес может быть сложной для малых и средних предпринимателей. Когда на рынке существует множество конкурентов, которые борется за одних и тех же клиентов, завоевать даже часть аудитории может очень тяжело, особенно когда этими конкурентами являются крупные корпорации, имеющие сильных сторонников. Одним из решений проблемы преодоления входных барьеров рынка может быть нишевый бизнес. Главной идеей является то, что ориентация на конкретную часть рынка поможет компании стать экспертом в своей области и отличиться от крупных корпораций.

Ключевые слова: *малый и средний бизнес, государственные закупки, нишевый рынок, международный бизнес*

Trying to penetrate a large market, and even more so internationally, and build a successful business can be difficult for small and medium-sized entrepreneurs. When there are many competitors in the market that are fighting for the same customers, it can be very difficult to win even a part of the audience, especially when these competitors are large corporations with strong supporters. One of the solutions to the problem of overcoming market entry barriers may be a niche business. The main idea is that targeting a specific part of the market will help a company become experts in its field and differentiate itself from large corporations.

Keywords: *small and medium enterprises, government procurement, niche market, international business*

Одной из основных задач социально-экономического развития России является сокращение зависимости развития страны от экспорта сырьевых ресурсов и обеспечение развития инновационной экономики. Малое и среднее предпринимательство во многом определяет перспективы развития экономической и социальной сферы в стране.

В последние годы, когда рынок заполнен конкурентами, малому предприятию может быть сложно начать вести и развивать свой бизнес, несмотря на наличие государственной поддержки. Одним из возможных способов обеспечить себе постоянную аудиторию является нишевый бизнес. В данной статье будет раскрыта эффективность работы малых и средних предприятий на нишевом рынке, а также возможность участия нишевых компаний в государственных закупках.

Признание рыночной ниши и постоянное ее освоение могут иметь решающее значение для успеха бизнеса, поскольку может быть создана новаторская прибыль. Рыночные ниши и, следовательно, с точки зрения предложения, перерабатывающие компании (нишевые конкуренты, нишевые провайдеры) обладают высокой прибыльностью. В отличие от универсалов, нишевые конкуренты реализуют свои конкурентные преимущества посредством специализации, индивидуализации и концентрации. Многочисленные интернет-магазины занимаются дистрибуцией нишевых продуктов и, таким образом, обогащают предложение рынка различными способами.

Основной задачей нишевого рынка с узкой специализацией является выживание среди многочисленных компаний, которые создают жесткую конкурентную среду.

Термин «нишевый» в экономике берет свое начало из биологии. Чарльз Дарвин впервые ввел понятие экологической ниши в науку в 1859 году как часть своей теории эволюции. В экономической науке понятие ниши было представлено, в частности, в эволюционной экономике, основанной Й. Шумпетером [14].

Нишевый предприниматель четко представляет свою целевую аудиторию, и вся его деятельность направлена на удовлетворение существующего потребительского спроса конкретной части рынка. Свою нишу компании находят разными способами, одним из наиболее популярных является предложение услуги или продукта на рынке, где ранее возможность реализации была недоступна или не-

возможна по тем или иным причинам. Таким образом, выходя на рынок с уникальным в условном географическом разрезе предложением, компания занимает свою нишу и охватывает ту клиентскую базу, которая была упущена. Успех нишевого бизнеса продиктован тем, что его деятельность направлена на удовлетворение конкретного спроса узкой группы потребителей.

Однако существует разница между нишей и сегментом, которая заключается в охвате аудитории. Если сегмент рынка – это продукты питания, то нишей будет являться та часть клиентов, которые предпочитают продукты для вегетарианцев.

Одним из серьезных входных барьеров для малого бизнеса является конкуренция, стремясь преодолеть которую компании стараются предложить уникальный товар или услугу тем клиентам, чей спрос еще не был удовлетворен. В случае успеха предприниматель занимает узкую нишу и становится единственным в своем роде, а именно на своем рынке. В таком случае предприятие получает: большую маржу, высокую рентабельность и возможность устанавливать свои правила игры. Однако при этом специализированный бизнес не создает монополии как таковой. Барьеры, которые препятствуют началу деятельности на рынке, достаточно высоки, но не непреодолимы, за счет чего в нишевой отрасли остается конкуренция и сменяемость лидеров в рыночной среде [10].

В общем и целом, нишевый рынок – это часть более крупного рынка. Объединив рынок и нишу, мы можем найти сравнительно небольшой рынок, в котором нет крупных игроков. Идеальным нишевым рынком можно назвать такой рынок, в котором есть достаточно большая группа энтузиастов, интересы и потребности которых пока не удовлетворены [2].

Наиболее часто бизнес уходит в собственную нишу, когда он направлен на инновационную деятельность или адаптирует зарубежный опыт успешных бизнес-компаний, который ранее не применялся на отечественном рынке. Нишевый бизнес предполагает высокую рентабельность, что и привлекает предпринимателей, однако это не единственное достоинство такого рода бизнеса (рис.1).

Конечно, высокая рентабельность является главной выгодой для компании, которая предлагает уникальный товар или услугу, так как такое предложение единично и, поскольку фирма своего рода монополист в этом сегменте, ее предложение не с чем сравнить, и группа потребителей будет готова приобрести товар или услугу за установленную компанией цену.

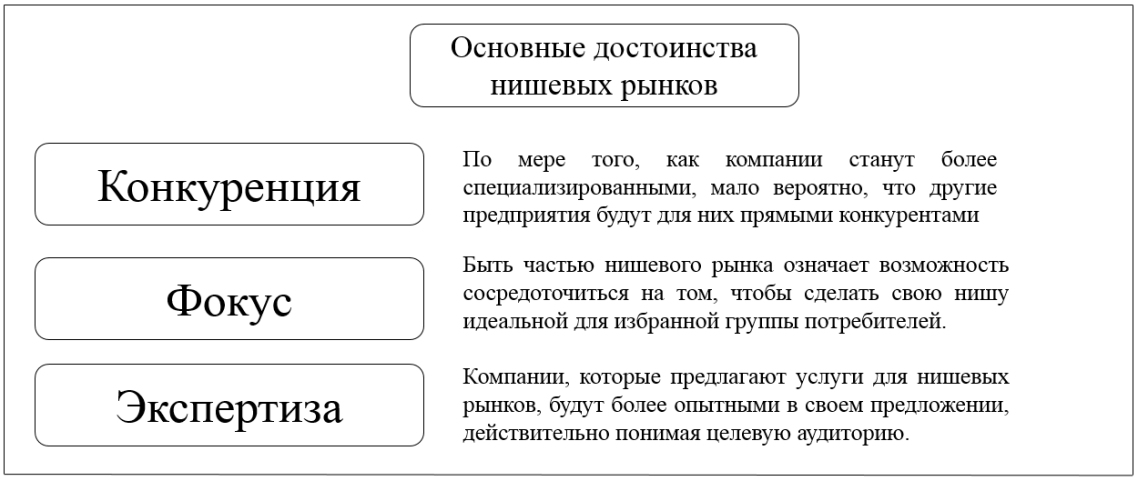

Рисунок 1. Перечень преимуществ малых предприятий на нишевых рынках [8]

Таким образом, малые компании, имеющие узкую, индивидуальную специализацию, находятся в более выигрышном положении, поскольку они точно знают потребности своего клиента. Еще одним значительным плюсом является тот факт, что такой вид бизнеса не требует от малых предприятий больших капитальных затрат. Поставщик, предлагающий индивидуальный товар, не имеет строгих ограничений по времени доставки или цене, так как его предложение практически не имеет аналогов на рынке. Это имеет большое значение в случае сотрудничества нишевой компании с зарубежными организациями.

Нишевые компании как отрасль приобрели большую популярность, чем другие виды деятельности, потому что они предоставляют владельцу уникальную возможность установить лучшие отношения со своими клиентами, что приводит к повышению лояльности потребителей и потенциально долгосрочных потребителей.

Рассмотрим экспорт и импорт как два хозяйственных процесса, которые противопоставлены друг другу и связывают между собой группу стран, обеспечивая экономическую выгоду и заинтересованность этих стран в сотрудничестве. Путем организации импорта и экспорта компании взаимодействуют друг с другом в международном бизнесе [7].

В среднем конкурентоспособность предприятий, сотрудничающих с зарубежными организациями, выше, чем конкурентоспособность предприятий, которые не имеют опыта международного сотрудничества. Важность экспорта в Российской Федерации не может быть переоценено. Одним из главных способов продемонстрировать всему миру возможности страны, а также заручиться доверием в качестве надежного партнера для долгосрочных и взаимовыгодных экономических отношений является выход на международный рынок в качестве поставщика. Для выхода на внешние рынки посредством экспорта малой нишевой компании нужно предложить какой-либо инновационный продукт, которым располагает только она. В последнее два года экспорт в сфере малого и среднего предпринимательства имеет положительную тенденцию, несмотря на ряд ограничений, вызванных пандемией, что продемонстрировано в таблице 1.

В то же время важность импорта заключается в источнике новых технологий и стимуле производительности и конкурентоспособности страны. Хотя роль импорта в экономических исследованиях часто оказывается занижена, нельзя не учитывать роль импорта в ускорении производительности. Соответственно, компания может занять свою нишу, выступая посредником между крупным зарубежным производителем того или иного товара и отечественным заказчиком.

Стоить отметить, что этот способ взаимодействия с компаниями на международном рынке наиболее доступен каждой компании, поскольку в таком случае формирование уникального предложения на рынке не требует изобретение инновационного продукта, а адоптирует существующий в зарубежной практике, но недоступный ранее на отечественном рынке. В таком случае импортные товары специализированного назначения повысят конкурентоспособность компании-поставщика. Однако уникальное предложение подразумевает собой поставщика, заинтересованного именно в конкретном товаре.

Таблица 1. итоги внешней торговли субъектов Российской Федерации за 2019-2020 годы (весь экспорт) [7]

Федеральные округа и субъекты РФ	январь-декабрь 2019 года		январь-декабрь 2020 года		Темп роста, %	
	Кол-во предприятий, шт	Стоимость, тыс.долл.США	Кол-во предприятий, шт	Стоимость, тыс.долл.США	Кол-во предприятий, шт	Стоимость, тыс.долл. США
Всего	60932	424392609	61721	336393780	101,3	79,3
Микро предприятия	37858	18641265	37966	15993080	100,3	85,8
Малые предприятия	13252	11415860	13886	9740949	104,8	85,3
Средние предприятия	3547	14134336	3901	16560304	110	117,2

Большим преимуществом является то, что на потребность в специализированном товаре не влияет ни общий уровень цен, ни общий уровень дохода населения. Покупатель всегда будет заинтересован в том, чтобы удовлетворить эту потребность, тогда ключевой задачей для малых нишевых компаний будет поиск заказчиков. Зачастую малые компании не располагают достаточным количеством финансовых ресурсов для обеспечения своей известности посредством рекламы, поэтому наиболее простой способ поиска заказчика узко специализированного товара является участие в закупках на электронных площадках.

В настоящее время в России большая часть господдержки направлена на регулирование и обеспечение стабильного и комфортного участия в электронных аукционах малого и среднего бизнеса. Набольшую эффективность представляют меры стимулирования спроса на услуги или предлагаемые малыми и средними компаниями товары, а также увеличение объемов производства за счет государственных заказов [13].

Сегодня законодательство в сфере государственных закупок в России является быстро развивающейся отраслью права, которая должна обеспечивать постоянное внедрение новых технологий и инновационных проектов в организацию торговых площадок и их механизмов. Действия со стороны государства, направленные на совершенствование механизма (рис.2) государственной системы закупок и инструментов регулирования, позволят расширить доступ малым и средним компаниям в системе закупок, а также обеспечат единство экономического пространства и позволят поддерживать добросовестную конкуренцию. Сегодня государство пытается стимулировать участие малых и средних компаний в госзакупках путем предоставления льгот и преференций, однако положение малого бизнеса в сфере закупок в России пока что нельзя оценивать положительно [2].

Рисунок 2. Авторская схема механизм работы электронной площадки, сформированная с помощью материалов вебинара [5]

Малый и средний бизнес – это один из важнейших столпов в развитии экономики как России, так и любого другого государства. Поскольку малых бизнес быстрее адаптируется в условиях непрерывно меняющейся конъектуры рынка, своей гибкостью он способствует укреплению и поддержки рыночной экономики.

Малое и среднее предпринимательство является основным звеном национальной экономики, поэтому для развития малого и среднего предпринимательства нужна стабильно действующая система государственной поддержки.

В России, как и в других развитых странах, развитию малого бизнеса уделяется много внимания. Стабильная государственная поддержка отразится положительно на многих аспектах экономической жизни малых и средних компаний, таких как: создание новых рабочих мест, сокращение безработицы, привлечение новых налоговых поступлений в бюджет, обеспечение рынка обширным ассортиментом товаров и услуг и т.д. Одним из наиболее важных инструментов является расширение доступа представителям малого и среднего бизнеса в системе госзакупок [2].

Сегодня в Российской Федерации политика государства в области поддержки и развития малых и средних компаний направлена на развитие с целью формирования добросовестной и здоровой конкуренции в экономике страны, а также с целью обеспечить комфортные условия для роста уровня малых и средних компаний на международном рынке.

Актуальность участия малых и средних компаний в системе государственных закупок обусловлена следующим:

– расширился перечень субъектов МСП;

– участие в системе государственных закупок позволяет создать благоприятные условия для дальнейшего развития субъектов МСП.

У компаний, занимающихся нишевым бизнесом, есть неоспоримое преимущество для удачного выхода на госзаказ, поскольку нишевые товары и услуги предназначены для отдельных компаний, обладающих соответствующими компетенциями, и не встретят конкуренции в торгах. Однако стоит упомянуть о рисках, с которыми могут столкнуться нишевые компании. Первый риск заключается в возможной ограниченности аудитории, в случае чего будет невозможно расширить объем потребности в том, что предлагает компании. В результате бизнес достигает предела своего развития. Чем более специализирован товар, тем меньше будет у него потребителей, поэтому нишевым компаниям следует следить за балансом.

На самом деле, нишевый бизнес и предполагается быть малым, поскольку именно малый и средний бизнес может позволить себе быть гибким в формировании специализированного предложения. Крупный бизнес ориентируется на более обширный охват аудитории, что приводит к стандартизации предложения.

В современном мире, где подавляющее большинство людей имеет доступ к медиапространствам, предпочтения покупателей могут очень быстро меняться, что является второй опасностью для нишевых предпринимателей. Отношения нишевых компаний с заказчиками предполагают быть долгосрочными. Такая проблема может быть решена путем наращивания базы лояльных клиентов. Но оста-

ется закрытым вопрос о том, что делать нишевой компании, если же она все-таки потеряет одного из своих немногочисленных постоянных клиентов.

Решение этой проблемы можно оставить госзакупкам. Существует множество торговых площадок, на которых проводится огромное количество аукционов ежедневно. Требования заказчика в этой системе подробно расписаны, также как и предложение поставщика, что делает сделки прозрачными. Более того, государство, регулирующее систему госзакупок, непрерывно совершенствует ее комфортное функционирование [3].

Таким образом, можно обозначить, что нишевый бизнес выглядит наиболее привлекательным способом, который позволит малым и средним компаниям выделиться среди конкурентов. Несмотря на то, что существуют риски ведения специализированного бизнеса, существуют методы их нивелирования. Одним из наиболее значимых является участие в государственных закупках.

Динамичное развитие малых и средних компаний очень важно для экономики любой страны, так как развитие малого и среднего предпринимательства является залогом создания здоровой конкуренции в экономике страны, что также способствует организации новых рабочих мест [10]. Именно поэтому, малый и средний бизнес должен всегда находиться в движении и выходить на новые рынки, в том числе и зарубежные.

Литература

1. Акулова П. Ю. К вопросу расширения доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к государственным закупкам: проблемы и пути решения // URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30058962
2. Ашурбекова З.Н., Магомедова П. А. Государственная поддержка МСП через систему госзакупок // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42762114 (дата обращения 20.03.2021)
3. Березовский Э.Э., Кизим А.А., Солахов П.А. Менеджмент в системе аутсорсинга предприятий малого бизнеса // Экономика устойчивого развития. 2015. № 3 (23). С. 63-72.
4. Вебинар: Проведение закупок по 44-ФЗ в 2020 году // URL: https://www.youtube.com/watch?v=0O-DnzH0WTc
5. Данные по таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации в разрезах товаров, стран, временных периодов // URL: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения 27.03.2021)
6. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // URL: https://rmsp.nalog.ru (дата обращения 20.03.2021)
7. Игнатов М.М. Пути повышения международной конкурентоспособности российских компаний малого и среднего бизнеса // URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37266074 (дата обращения 17.03.2021)
8. Кизим А.А., Солахов П.А., Лукьянцева К.А. Экономическая безопастность малого бизнеса в условиях кластеризации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №3.
9. Кизим А.А. Особенности развития современного биржевого рынка малой и средней капитализации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. №4.
10. Кизим А.А. Лобастова Н.Е. Логистика в малом бизнесе: проблемы и пути решения // Экономика устойчивого развития. 2015. №2(22).
11. Кизим А.А., Крылов А. П. Перспективы микрофинансирования как инструмента развития и поддержки малого бизнеса // Экономика устойчивого развития. 2014. №2(18).
12. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Минэкономразвития России) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/df32e8c138dbb4307e9be550c4085f6f374a96b/
13. Солахов П.А. Кизим А.А., Шамак С.А. Малый бизнес в системе инфраструктурных монополий: проблемы партнерства // Экономика устойчивого развития. 2016. №2(26).
14. Шумпетер Й. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М: Прогресс, 1982.
15. Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" от 05.04.2013 N 44-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/

УДК 338.2

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОНЦЕНТРАЦИИ ОТРАСЛЕВОГО РЫНКА КАК ОСНОВА АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2021 г. И.В. Сароян, С.Г. Шагинян

Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

Рассматривается методологическая основа оценки концентрации отраслевого рынка (на примере отраслевого российского рынка железнодорожных грузовых перевозок). Обосновывается необходимость дополнения методики инструментарием, позволяющим объективно оценить сформировавшийся тип рыночной структуры и принять эффективное управленческое решение со стороны антимонопольного регулирования.

Ключевые слова: *методология, методика, оценка, отрасль, рынок, концентрация, регулирование, инструментарий.*

The methodological basis for assessing the concentration of the industry market (the example of the Russian rail freight market) is considered. The need to supplement the methodology with tools that allow for objective assessment of the formed type of market structure and an effective management decision on the part of antitrust regulation is substantiated.

Keywords: *methodology, methodology, evaluation, industry, market, concentration, regulation, tools.*

Анализ сформировавшихся отраслевых рыночных структур в российской экономике убеждает в примате их олигополистического содержания. Так, устойчивый вектор развития российского рынка железнодорожных грузовых перевозок – олигопольное взаимодействие фирм, обусловленное наличием небольшого количества доминирующих транспортно-логистических операторов грузовых перевозок, с лидером в лице естественной монополии ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»), корпорации с государственным участием [1,2] (Таблица 1).

Таблица 1. Грузооборот российских транспортно-логистических операторов грузовых железнодорожных перевозок в 2017-2019 гг. [3]

Операторы	млрд. т. км.			Рыночная квота, процент
	2017 г.	2018 г.	2019 г.	
ОАО «РЖД»	2492,0	2597,0	2602,0	52
АО «ФГК»	334,0	304,0	328,0	12
АО «ПГК»	389,0	290,0	272,0	10
АО «НТС»	172,0	234,0	234,0	9
Globaltrans Investment PLC	135,0	146,0	147,0	5
ПАО «ТрансКонтейнер»	136,0	118,0	121,0	5

Парк железнодорожных грузовых вагонов в России составил 1128,1 тыс. единиц, с долевым распределением [4]:

- ОАО «РЖД» – 15,35%
- АО «ФГК» – 11,26%
- АО «ПГК» – 9,64%
- Globaltrans Investment PLC – 6,21%
- АО «НТС» – 6,15%
- ПАО «ТрансКонтейнер» – 2,72%

Статистика демонстрирует, что крупные доли рынка железнодорожных грузовых перевозок локализованы в пределах ограниченного количества крупных транспортно-логистических операторов грузовых перевозок, что в свою очередь порождает отрицательные эффекты присущие олигополии (рост транспортной составляющей в цене перевозимого товара, сдерживаемый инновационный рост отрасли и т.д.).

Максимизация прибыли объективна в стратегии фирмы, как и её доли на отраслевом рынке. В большинстве случаев компании в достижении своих целей пользуются рыночными методами (эффект масштаба, рыночная асимметрия укоренившихся фирм и новичков и т.д.) и административными (лицензирование, патенты и т.д.), что приводит к повышению концентрации на рынке и последующей его олигополизации.

Монополизация рынка, в любой из форм её структурирования, отражается негативными эффектами на конечных покупателях товара, снижая их совокупное благосостояние. Компании-олигополисты пользуются своим рыночным положением для достижения максимально-возможных объёмов прибыли используя ценовой и не ценовой инструментарий олигопольного взаимодействия на рынке.

Олигополистическая власть обеспечивает фирме определённые положительные эффекты при достижении определённого уровня доминирования фирмы на отраслевом рынке [5]:

– эффект масштаба, при эффективном масштабе обеспечивает основную долю отраслевого объёма спроса, количество компаний, получающих сверхприбыль ограничено, вход в рынок затруднён;

– преимущества в издержках, так как функционирующие хозяйствующие субъекты могут обладать эффективными технологиями, устойчивые связи с поставщиками ресурсов, что равносильно ресурсным барьерам для других;

– продуктовая дифференциация, через патенты новых товаров, обеспечиваемая патентной защитой, слияния или поглощения (централизация пространственной ниши);

– преимущество в масштабности капитала как элемента входного барьера в рынок, так как для новых потенциальных участников издержки на расширенное воспроизводство основного капитала могут превысить ожидаемую прибыль.

Таким образом, входные препятствия – условия обеспечивающие лидерам максимизацию рыночной квоты, без риска, что её займут новые игроки рынка.

Монопольная рыночная власть достижима и путём инновационного рывка компании получающим преимущества в течение краткосрочного и среднесрочного периодов. Инновационный лидер будет обладать большей долей рынка, даже в долгосрочном периоде в случае удержания производительности на среднерыночном уровне, если конкуренты не последуют за ним.

Снижение предложения на монопольных и олигопольных рынках, вызванного отсутствием действительной конкуренции, предоставляет возможность их участникам получать сверхприбыль, уплата которой ложится на покупателя, в свою очередь, понижая его совокупное благосостояние [6]. Исходя из этого, необходима выработка эффективных мер регулирования поведения игроков монопольных и олигопольных рынков, в частности рынка железнодорожных грузовых перевозок.

В основу положим принцип силлогизма – отнесения объекта исследования к системе (подсистеме), если явление обладает свойствами этой системы. Другими словами, для эффективного антимонопольного регулирования методом формальной логики необходимо определить характеристику рыночной структуры и степень концентрации рынка, а также уровень рыночной власти монопольных структур.

Конкретизировать степень конкурентности рынка позволит метод, базирующийся на предопределённости структуры отраслевого рынка и взаимообусловленности концентрации и конкуренции, учёт структурных особенностей рынка (число и размер предприятий, принцип ценообразования, степень дифференциации товара, склонность к картелированию).

Метод, предопределяющий структуру отраслевого рынка, дополним оценкой степени конкурентности рынка, учитывающей факторы, влияющие на поведение участников рынка, уровень входных барьеров, общую конкурентоспособность игроков рынка. При этом данный подход не отвергает наличия конкуренции на рассматриваемом рынке.

По нашему мнению, эти методологические и методические подходы являются комплементарными, следовательно, для более полного выявления рыночного поведения фирм и соответствующего подбора антимонопольных мер, при анализе рассматриваемого рынка или его сегмента целесообразно учитывать оба методических подхода, принимая во внимание и структурные и поведенческие характеристики хозяйствующих субъектов.

В основу силлогистического подхода положим основные типы рыночных структур и определяющие их основные параметры [7]:

– чистая монополия – полное рыночное господство, блокировка входа в рынок, ценовая политика «поиск цены», то есть максимальное проявление рыночной власти;

– олигополия с доминирующей компанией – рыночная квота 50 – 90 процентов, вход в рынок практически блокирован, контроль цен, использование ценовой дискриминации всех трёх степеней, инвестиционное доминирование, преимущества в норме прибыли;

– ограниченная олигополия – максимальное количество компаний шесть с 60 процентной

долей рынка компании-олигополисты имеют примерно равные квоты рынка, относительно входные для новых участников, монополизированное сотрудничество в области ценообразования.

Для определения степени монополизации рынка и получения сопутствующих оценок используется коэффициент концентрации рынка – степень рыночного доминирования. Он демонстрирует долевое соотношение продаж определённого числа фирм отраслевого рынка.

Данный коэффициент ограничивает аналитическую базу, так как не даёт однозначного ответа на оценку монопольной власти, не учитывая отличий отраслевых сред, с одной доминирующей фирмой на рынке и с несколькими крупными компаниями, делящими её в приблизительно равнозначных частях. Обойти данный недостаток позволяет измерение рыночной концентрации с помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана, суммирующий квоты субъектов олигополистического взаимодействия, возведенные в квадрат:

$$HHI = \sum_{i=1}^{n} S_i^2$$

где, i – участник рынка; S_i – доля конкретного участника рыночного взаимодействия.

С повышением рыночной концентрации индекс Херфиндаля-Хиршмана увеличивается, достигая предельного значения в случае монополии. Разница в величине индекса двух рынков говорит о наличии на рынке доминирующей фирмы, делая его менее конкурентным.

На отечественном рыночном пространстве для определения рыночной концентрации используются лишь представленные выше коэффициенты, что, в свою очередь, недостаточно для отражения всесторонней рыночной картины [8].

Но и объединение этих подходов не даёт полноценной оценки рынка на предмет монополизации. Также необходимо учитывать рыночное поведение фирм:

- способность фирм создавать барьеры входа в рынок;
- вступление в негласные ценовые соглашения;
- возможность конкуренции в неценовых областях.

Это детерминирование требует учёта вместе с определением степени конкурентности отраслевого рынка.

При анализе ценовых факторов товарного рынка используется показатель состязательности, основанный на модели Дж. Панзара и Дж. Росса. Данный показатель коррелирует между стоимостью факторов производства и ценой конечного товара, что позволяет выявить реакцию участников рынка на изменение издержек и косвенно прояснить их принципы ценообразования.

$$\ln P_{it} = \alpha_i + \beta_1 \ln P_{it}^1 + \beta_2 \ln P_{it}^2 + \beta_3 \ln P_{it}^3 + \varepsilon_{it}$$

где, i – участник рыночного взаимодействия; t – временной интервал; α_i – фиксированные рыночные эффекты; P_{it}^1 – цена процентного дохода; P_{it}^2 – цена труда; P_{it}^3 – цена основного капитала; ε_{it} – коэффициент отклонения.

Значение полученного показателя равное единице соответствует совершенной конкуренции, а в случае монополии является отрицательным [9].

В условиях конкурентной борьбы участники рынка вынуждены использовать равновесную рыночную цену на конечные товары, поскольку действует принцип ценообразования «прайстейкер». В случае же монопольного взаимодействия на рынке компания руководствуется системой «издержки плюс», поскольку действует принцип ценообразования «прайссёче».

Помимо учёта приведённых факторов необходимо принимать во внимание рыночную власть компаний. Индекс Лернера равен относительному превышению цены над предельными издержками компании:

$$L = \frac{P - MC}{P}$$

где, P – цена товара; MC – предельные издержки.

В монополизированной структуре рынка показателем рыночной власти является доля наценки в конечной цене товара, чем она выше, тем больше рыночная власть фирмы. В конкурентной же среде индекс Лернера стремится к нулю, так как при эластичном спросе в случае повышения компанией цены произойдёт отток покупателей к компаниям-конкурентам, в отличие от монополизированного рынка [10].

Вопрос об антимонопольном инструментарии не менее важен, чем первичная оценка концентрации отраслевого рынка. Необходим поиск этих инструментов, поскольку существующая на данный момент методика разукрупнения компаний-олигополистов и ограничительный инструментарий в полной мере не удовлетворяют рыночные потребности.

Система антимонопольного регулирования представляет собой весьма сложноустроенную и разветвлённую систему мер, направленных на регулирование действий компаний, обладающих монопольной властью на рынке или его сегменте. Основной целью данной системы является эффективное

противодействие попыткам организации подчинить или получить контроль над определённым рынком или его частью.

Классическими методами антимонопольного регулирования являются создание определённых барьеров на пути достижения компанией монопольного положения на рынке или его сегменте путём экономических и административных мер в виде ценовых ограничений, квотирование объёма выпуска продукции, нормирование прибыли компании, борьба с фиксацией цен, ценовой дискриминацией, а также различного рода слияниями компаний, если это представляет угрозу конкурентному рынку.

На сегодняшний день антимонопольное регулирование должно применяться, если развитие событий на рынке грозит его фиаско.

В качестве руководства использования антимонопольных мер применяются следующие принципы:

– антимонопольный инструментарий должен коррелироваться с вероятными последствиями, сокращающими конкурентную борьбу и влияющими на благосостояния потребителя;

– основная грань инструментария антимонопольного регулирования должна быть направлена против рыночного взаимодействия, ведущего к сокращению конкуренции на рынке в целом либо же отдельных его сегментах;

– антимонопольный инструментарий не должен чрезмерно ограничивать вертикальные слияния и ценовые соглашения на разнородных сегментах рынка.

Методология определяет методы оценки концентрации отраслевого рынка. В свою очередь, нет одного универсального метода, так как каждый из них не учитывает определённые значимые элементы монополизации, которые требуют оценки, для принятия эффективных управленческих решений и подбора инструментария регулирования.

Вопрос о соответствующем инструментарии антимонопольного регулирования остаётся открытым и предполагает заявление исследовательского опыта и результативности используемых методов и поиска новых.

Подбор и разработка антимонопольных мер с учётом всех факторов, например рынка железнодорожных грузовых перевозок, требующего регулирования и следования принципам разработки антимонопольных мероприятий, позволяет выработать индивидуальные и гибкие антимонопольные мероприятия для каждого рыночного сектора с присущей ему проблематикой. Эффективное и своевременное применение выработанных антимонопольных мероприятий позволит получить максимизированный эффект на рынке, усилив позиции конкурентной борьбы между его участниками и, в конечном итоге, повысить совокупное благосостояние потребителя. Помимо этого, корректный управленческий учёт олигопольной структуры рынка железнодорожных грузовых перевозок и всех присущих ему факторов позволит принимать его участникам стратегически эффективные и более актуальные рыночные решения.

Литература

1. Чачина О.Г., Шагинян С.Г. Олигопольное взаимодействие операторов железнодорожного подвижного состава: монография. Ростов-н/Д: РГУПС. 2010.
2. Чачина О.Г., Шагинян С.Г. Факторы и механизм развития олигопольного взаимодействия операторов железнодорожного грузового подвижного состава: монография. М.: ФГОУ «УМЦ ЖДТ». – 2011.
3. Аналитическая база собственников и операторов подвижного состава 2019 год // URL: www.infoline.spb.ru
4. Федеральная служба государственной статистики // URL: www.rosstat.gov.ru
5. Долан Э. Дж., Линдсей Д. Рынок: микроэкономическая модель / Пер. с англ. В. Лукашевича и др.; Под общ. ред. Б.Лисовика и В. Лукашевича. СПб.: Автокомп, 1992.
6. Шагинян С.Г., Радченко Е.В., Тимченко О.В. Рыночное доминирование в грузовых железнодорожных перевозках // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. №2.
7. Тироль Ж. Рынки и рыночная власть: Теория организации промышленности. СПб.: Экономическая школа, 2000.
8. Приказ ФАС России от 12.03.2013 N 143/13 "О внесении изменений в Порядок проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке, утверждённый приказом Федеральной антимонопольной службы от 28 апреля 2010 г. N 220" (Зарегистрировано в Минюсте России 29.05.2013 N 28571)
9. Panzar J., Rosse J. Testing for ‘monopoly’ equilibrium // Journal of Industrial Economics. 1987. № 35.
10. Lerner A.P. The concept of monopoly and the measurement of monopoly power // The Review of Economic Studies. 1934. № 1.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 336.2 338.2

НАЛОГОВОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2021 г. Л.Г. Риполь-Сарагоси, Е.В. Гомелева

Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

В статье рассматриваются подходы к организации процесса налогового администрирования, раскрываются проблемы и перспективы развития в современных условиях. Обозначаются базовые проблемы налогового администрирования, непосредственно связанные с обеспечением необходимого уровня экономической безопасности.

***Ключевые слова**: инструменты, налоги, налоговое администрирование, налоговые администрации, налоговое производство, экономическая безопасность.*

The article considers the approaches to the organization of the tax administration process, reveals the problems and prospects of development in modern conditions. The basic problems of tax administration directly related to ensuring the necessary level of economic security are identified.

***Key words**: tools, taxes, tax administration, tax administrations, tax production, economic security.*

Налоговая система является одним из основных регуляторов экономики по аккумулированию доходов. Основными источниками формирования доходной части бюджета на всех уровнях государственного управления являются налоговые платежи, их поступление обеспечиваются системой налогового администрирования. Проведенные исследования показывают, что у российских экономистов не сформирован единый подход к определению «Налоговое администрирование». Ряд авторов считает, что под налоговым администрированием следует понимать действия представителей налоговых органов по контролю над соблюдением законодательства страны по налогам и сборам, то есть налоговому контролю [3, 4]. По мнению других исследователей, к которым относятся и авторы настоящей работы, налоговое администрирование – это комплекс мер, способствующий своевременности и полноте поступлений в бюджеты различных уровней налогов и сборов, прочих обязательных платежей [2].

Недополучение налоговых платежей в бюджет различного уровня грозит дефицитом бюджета и как следствие возникновением угроз экономической безопасности. В данной связи необходимо уделять внимание налоговой безопасности субъектов РФ, под которой нужно понимать: устойчивое функционирование самой налоговой системы региона, достаточность расходной части бюджета региона, полнотой поступления налоговых платежей от налогоплательщиков, минимальное число правонарушений в сфере налогообложения и обеспечение постоянного налогового контроля. Именно поэтому в настоящее время уделяется особое внимание взаимосвязи и обеспечению экономической и налоговой безопасности, а также оптимизации механизмов налогового администрирования.

Для эффективной организации процесса налогового администрирования следует четко определять предмет, объект и субъект этого процесса. Поскольку благодаря налоговому администрированию налоговые органы способны оптимально выстраивать схему своей работы, которая и будет контролировать все ключевые налоговые процессы. Так, предметом налогового администрирования является налоговое производство – это строго оговоренные и законодательно закрепленные инструменты, определяющие алгоритм исполнения обязательств налогоплательщиков и устанавливающие полномочия налоговых и прочих заинтересованных органов по контролю и регулированию действий по исполнению налоговых обязательства.

Объектом налогового администрирования следует считать процесс управления налоговым производством.

В соответствии с действующим налоговым законодательством налоговые органы представляют собой единую централизованную систему контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты (перечисления) в бюджетную систему страны налогов и сборов и иных обязательных платежей. Поэтому субъектами налогового администрирования являются все заинтересованные органы – налоговые администрации,

начиная с финансовых органов, органов внутренних дел, таможенных органов и заканчивая органами внебюджетных фондов.

Организация эффективной работы по налоговому администрированию осуществляется путем постоянного совершенствования, оптимального построения и взаимодействия всех субъектов налогового администрирования.

Каждому органу в составе субъекта налоговой администрации наделены определенные функции. Так, функцию планирования осуществляют финансовые, налоговые органы, а также органы внебюджетных фондов. Функция налогового контроля реализуется всеми субъектами налоговых администраций за исключением финансовых органов. Функция регулирования закреплена за финансовыми, налоговыми и таможенными органам, а также органами внебюджетных фондов. Все вышеперечисленные субъекты налоговых администраций за исключением финансовых органов выполняют функцию принуждения.

Всю систему работы, включающую процессы администрирования, можно условно разбить на следующие направления:

- взаимодействие с налогоплательщиками, содержащее в себе их регистрацию и учет;
- проведение налоговых проверок;
- обработку получаемой информации;
- выяснения обстоятельств, повлекших возникновения задолженностей;
- урегулирование возникающих правовых вопросов работы;
- оперативная и аналитическая работа.

Работа в области обеспечения налогового администрирования для налогового органа является непростой и имеет свои организационные особенности, поскольку данная работа представляет собой цепочку основных действий различной направленности, но взаимосвязанных между собой и представляющих единое целостное направление работы, а также содержит четко разграниченные горизонтальные и вертикальные направления деятельности, так как только в таком случае специалисты налоговой службы смогут эффективно осуществлять свою деятельность.

К основным элементам налогового администрирования можно также отнести:

- налоговый потенциал, который выражается в максимально возможной величине поступлений налоговых платежей, а также в качестве ориентира налоговой системы, позволяющий повысить эффективность ее работы;
- налоговую нагрузку, которая позволяет прогнозировать размер доходной части бюджета и, соответственно, направления работы налоговой политики;
- уровень собираемости налогов, который и показывает все те недостатки, влияющие на недополучение бюджетом планируемых налоговых поступлений.

Значимое положение налогового администрирования заключается также в грамотном привлечение и перераспределение финансовых ресурсов, что как раз и определяет зависимость между степенью обеспечения экономической безопасности и состоянием других секторов экономики.

Далее можно выделить основные проблемы налогового администрирования, непосредственно, влияющие на налоговое производство и экономическую безопасность субъектов РФ.

Во-первых, можно выделить несовершенство налогового законодательства, а именно его изменчивость и нестабильность. Данная проблема возникает из-за того, что действующее налоговое законодательство постоянно корректируется, причем эта корректировка не всегда добавляет конкретику, вносимые формулировки имеют размытый характер и в ряде случаев противоречат ранее принятым положениям, что, в свою очередь, дает возможность недобросовестным налогоплательщикам по-своему трактовать налоговое законодательство, незаконно уклоняясь от выполнения налоговых обязательств. Следовательно, данная проблема ежегодно может подталкивать недобросовестных налогоплательщиков к утаиванию настоящих доходов, что повлечет за собой сокращение поступления налоговых платежей в бюджет и расширение теневого сектора экономики.

Во-вторых, проблемой может выступать цифровизация налогового администрирования, а точнее его долгая интеграция в российское налоговое пространство.

Понятие «экономическая безопасность» трактуется большинством исследователей как один из основных элементов национальной безопасности. Безопасности, при которой любое государство способно обеспечивать сбалансированное взаимодействие и развитие всех жизненно важных сфер. Экономическое положение государства, несомненно, занимает главенствующее место и определяет способность функционирования прочих сфер. Следовательно, экономическая безопасность будет также занимать первостепенное положение относительно других видов безопасности государства. А поскольку налоговое администрирование выступает одним из инструментов управления национальной экономикой, то оно будет выступать положительным фактором, воздействующим на экономическую безопасность, только в том случае, когда будет устойчиво и постоянно развиваться.

Деятельность, позволяющая минимизировать налоговые риски, повысить эффективность налогового администрирования и снизить угрозы экономической безопасности, осуществляется с использованием различных инструментов, к которым можно отнести как традиционные инструменты, такие как оценка и анализ состава и структуры налоговых платежей, налоговое планирование и прогнозирование, так и современных, а именно: налоговый мониторинг и цифровизация налоговых процессов.

Кроме того, важное значение играет решение вопросов улучшения работы налоговой службы, а именно оптимизации налогового администрирования, связанного с проводимыми в стране преобразованиями, а также модернизацией налоговой сферы, носящие в себе цель преодоления кризисных явлений в экономике.

Еще одним важным и своевременным инструментом налогового администрирования является цифровизация налоговых процессов [1]. Данная цифровизация будет выражаться в развитии и создании новых цифровых платформ, предназначенных для увеличения собираемости налогов и облегчения уплаты налогов.

Следует также отметить, что установка и обслуживание данной платформы несут для бизнеса дополнительные затраты, кроме того в работе платформы случаются перебои, связанные с наличием проблем в интернет-доступе, так как в настоящее время не все территории государства покрыты интернет-связью. В связи с чем в ряде случаев финансовая нагрузка на хозяйствующий субъект становиться неподъемной, и, как следствие, поднимается вопрос о возможном продолжении деятельности. Подобная практика идет вразрез с одной из поставленных задач обеспечения экономической безопасности – задачей по снижению рисков ведения предпринимательской деятельности, в том числе за счет избирательного правоприменения в отношении субъектов предпринимательской деятельности и использования формальных поводов для ее остановки.

Другие информационные платформы, например такие как Система обязательной маркировки, «Электронное досье» на граждан и развитие налоговой программы АИС-Налог, несомненно, увеличат собираемость налоговых платежей, и облегчат налогоплательщикам все процедуры уплаты данных платежей в будущем. Но в настоящее время их внедрение и применение составляет некоторые трудности как для налоговой службы, так и для самих налогоплательщиков [4].

«В целях обеспечения экономической безопасности государства деятельность налоговых органов нацелена не только на реализацию его фискальной функции – пополнения доходов бюджетов, но и на превентивную работу по обеспечению экономической безопасности хозяйствующих субъектов» [1]. Поставленная задача может решаться путем актуализации работы личных кабинетов налогоплательщиков, в которые будут поступать уведомления о возможных налоговых рисках, а также информирование об ответственности за нарушения действующего налогового законодательства. Система будет функционировать в рамках одной из самых острых и широкомасштабных проблем – непонимания налогоплательщиками сути налогового бремени. Так как практически каждый дееспособный гражданин России уплачивает налоги, но все-таки мало понимает, насколько важна их роль для всего государства.

Исходя из всего вышесказанного, необходимо разработать план мероприятий для решения возникающих проблем, а также для создания благоприятного предпринимательского климата в субъектах РФ с использованием возможностей налогового администрирования:

– провести оценку полученных результатов от внедрения новых цифровых площадок;

– ввести применение новых налоговых вычетов для предпринимателей, переходящих на контрольно-кассовые техники нового образца;

– скоординировать действия в пространстве и во времени между всеми субъектами налогового администрирования и налогоплательщиками и другие.

Таким образом, только в условиях качественной организации процесса налогового администрирования может непосредственно осуществляться работа как самой налоговой службы, так и эффективное функционирование всей налоговой системы. Только благодаря тому, что Министерство финансов РФ с помощью действий налоговых органов смогло сформировать компетентную финансовую и налоговую политику удалось достигнуть стабильной траектории экономического роста, а также выстроить такую бюджетную и налоговую политику, при которой расходные обязательства должны финансироваться не в ущерб макроэкономической стабильности и в рамках текущего налогового бремени. Нарастить налоговые поступления без увеличения налоговой нагрузки позволили новые информационные технологии формирование единого информационного пространства администрирования.

Литература

1. Залозная Д.В. Анализ уровня развития цифровой экономики в России // Сборник научных трудов «Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина», Рост. гос. ун-т. путей сообщения. Ростов н/Д, 2019. С. 186-190.

2. Зиновьева Ю.С. Налоговая политика региона и риски, связанные с ее реализацией / Ю.С. Зиновьева, Л.Г. Риполь-Сарагоси // Управление государственное, муниципальное и корпоративное: теория и лучшие практики: материалы Пятой Международной научно-практической конференции (16-17 октября 2020 г.) ФГБОУ ВО РГУПС. Ростов н/Д, 2020. 404с.
3. Мейтова А.Н. Налоговая составляющая экономической безопасности государства / А.Н. Мейтова, Е.П. Мокрова / Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право. Сборник научных трудов. Севастополь: ООО «РИБЕСТ», 2019. 564с.
4. Фейгель М.Л. Обеспечение экономической безопасности предприятия в условиях цифрового бухгалтерского учета в период пандемии коронавирусной инфекции / Материалы четвертой Всероссийской национальной научно-практической конференции (10-11 июня 2020 года) «Экономико-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности». Ростов-на-Дону, 2020. С. 13-16.

УДК 338

ИНВЕСТИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2021 г. З.М. Яковенко

Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

В данной статье раскрыты особенности использования инноваций в механизмах стратегического управления при обеспечении экономической безопасности. Раскрыта двойственная природа понятия «инноваций» в хозяйственной деятельности предприятий с точки зрения обеспечения экономической безопасности. Исследована взаимосвязь между инновационной и инвестиционной стратегией предприятия

***Ключевые слова**: инновации, инвестиции, риски, прибыль, экономическая безопасность, экономический рост, конкурентоспособность.*

This article reveals the features of the use of innovations in the mechanism of strategic management while ensuring economic security. The double nature of the concept of «innovation» in the economic activity of enterprises from the point of view of ensuring economic security is revealed. The relationship between the innovation and investment strategy of the enterprise has been investigated.

***Key words**: innovation, investment, risks, profit, economic security, economic growth, competitiveness.*

Одним из основных средств решения экономических, социальных и экологических проблем в постоянно изменяющихся условиях конкурентной среды является использование новейших достижений науки и техники [1]. Любая организация стремится не просто к интенсивному экономическому росту, а чтобы он был результатом применения более совершенных технологий и техники в производстве. Причиной интенсивности роста является в основном применение на практике инновационной стратегии.

Можно выделить инноваций по отдельным сферам:

- инновации в сфере технологий для создания новой продукции;
- в сфере производства для расширения максимально возможного годового выпуска продукции производственной единицы;
- в сфере экономики для изменения способов хозяйствования;
- в социальной сфере для улучшения условий труда.

Появление инноваций в одной сфере деятельности затрагивают другие сферы и приводят к внедрению инноваций в них.

Инновации в области техники и технологий имеют важнейшее значение при обеспечении устойчивого экономического развития, заменяя научную исследовательскую деятельность и технологические разработки на повышение производительности труда и иные важные экономические показатели развития предприятия, решая, таким образом, и проблемы обеспечения экономической безопасности, которые стоят перед каждым предприятием [2].

Следует обозначить тот факт, что способность предприятия приспосабливаться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды является основой стратегического управления. Однозначно, что для этого предприятию необходимо предварительно реализовать изменения в структуре, то есть

применить инновацию, позволяющую не только сохранить настоящее положение на рынке, но и приобрести новые конкурентные преимущества.

Инновации являются в какой-то степени эффективным способом оборонительной тактики предприятия при обеспечении экономической безопасности на отражение возникающих угроз, таких как: конкуренция новых технологий, постоянное соперничество среди конкурентов, законодательные ограничения, изменение ситуации на рынке, потеря доли на рынке, сокращение срока жизни продукции. Если рассматривать инновации с точки зрения наступательной тактики, то это способ развития новых направлений деятельности предприятия, а также сохранения имеющихся конкурентных преимуществ. При долгосрочном планировании развития предприятия единственным источником долгосрочного успеха для предприятия является именно ведение инновационной политики, что невозможно игнорировать.

Таким образом, инновации являются одним из эффективных способов повышения экономической безопасности предприятия.

Понятие «инновация» в современной научной литературе интерпретируется в качестве воплощения возможного научно-технического развития в реальности, который, в конечном итоге, выражается в появлении новых продуктов, технологий, услуг. В нашей стране на протяжении многих лет проблемы инновационных изменений изучались в рамках экономических исследований.

Оценка различных интерпретаций понятия «инновации» показывает, что специфическое содержание данного понятия составляют изменения, а главной функцией инновационной деятельности является функция изменения [3].

Рассмотрение в системе обеспечения экономической безопасности инноваций может оцениваться как с точки зрения изменений, так и с позиции статистики. При этом в статистическом аспекте инновация является получаемым результатом научно-производственного цикла. Другими словами, инновация представляет собой явление.

Как уже было отмечено выше, инновационное развитие зачастую невозможно без инвестиционных вложений. С этой стороны, инновации представляют собой риск, а при определенных условиях возможную угрозу экономической безопасности предприятия

Однако для внедрения инноваций с целью получения экономической эффективности требуются инвестиционные вложения. С целью сохранения прибыли или получения дополнительной необходимо осуществить инвестиционные вложения в разработку и реализацию инноваций. В настоящее время уже доказано на практике, что если инвестор рассчитывает значительную прибыль по результатам реализации инноваций, тем больше затрат потребуется для этого.

Достаточно важным является и качественный уровень самого процесса инновационного развития, который и определяет потенциальный успешный результат проекта – отношение планируемого конечного объема прибыли к начальным инвестиционным вложениям, а также возможные риски при реализации.

Вышеизложенные факторы открытия доступа к финансовым ресурсам в сфере коммерциализации технологий, а также роли инновационной составляющей в обеспечении экономической безопасности предприятия четко показывают, что в качестве определенного способа финансирования возможно использовать венчурный капитал. Данный вид финансирования разработан специально для инвестиционных проектов, который имеют высокий уровень риска, и прежде всего в сфере инновационных разработок.

Таким образом, предлагаемое инвестиционное предложение должно стать основой взаимодействия между возможными инвесторами и новатором, которое позволило бы перевести теоретические и практический опыт и открытия новатора в сфере развития и технологий на язык экономических терминов и показателей, который более понятен инвестору. Собственные средства компаний остаются главным источником финансирования инновационной деятельности. С учетом чего разработка и реализация инвестиционной стратегии и стратегии инновационного развития предприятия тесно взаимосвязаны.

Основной задачей системы обеспечения экономической безопасности, в данном случае, является мониторинг и контроль за индикаторами реализации инновационной и инвестиционной стратегий. При этом оценка эффективности инноваций должна быть на каждой стадии процесса инновационного развития. Для этого целесообразно использовать оценочные методы, которые могут быть одинаковыми, а исходные данные для расчетов будут отличаться по тому, насколько будет достоверна представленная информация, разнообразна и полна. Безопасность инновационной деятельности представляет собой основу развития предприятия, так как эффективная реализация инновационной политики позволяет закрепить состояния устойчивости и ускорить экономическое развитие.

Одна из главных целей стратегии экономической безопасности страны состоит в преодолении отставания России в области новых технологий и научных разработок. Развитие инноваций и инновационной деятельности обеспечивает безопасность каждого предприятия и национальной экономики

страны в целом и предотвращает появление угроз. Для этого необходимо увеличить сотрудничество в научно-технической сфере с теми странами, которые занимают первенство в этой сфере, и перевести российские предприятия на инновационный путь развития. В настоящее время разрабатываются определенные нормативно-правовые акты в законодательстве Российской Федерации, которые будут способствовать повышению эффективности инновационной деятельности в части обеспечения экономической безопасности каждого предприятия и страны в целом.

Проблемы экономической безопасности инноваций важны для любого предприятия, так как уровень защиты данной сферы показывает не только варианты развития и качество хозяйственной деятельности, но и определяет, в каком направлении следуют развиваться, чтобы оставаться конкурентоспособным.

Литература

1. Кирищиева И.Р. Управление обеспечением экономической безопасности предприятия / Кирищиева И.Р., Крапчин С.М. / Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право. Сборник научных трудов. 2019. С. 64-66.
2. Лобас Ю.Н., Ересько Е.А. Технологии и инструменты инновационного кадрового менеджмента // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. №2 (117). С.46-49.
3. Скорев М.М. Теоретические аспекты экономической безопасности предприятия / Скорев М.М., Дубогрей В.А. // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина. Материалы Второй Всероссийской национальной научно-практической конференции. 2019. С. 222-226.

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 338:61

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 г. Р.В. Колесников

Сочинский государственный университет
354000, г. Сочи, ул. Пластунская, 94

Sochi State University
Sovetskaya street 26a, Sochi city, 354000

В статье предложена концептуальная модель управления сферой медицинского туризма в Российской Федерации с позиции функционального описания. Данная модель включает четыре блока: аналитический, целевой, блок формирования стратегии развития данной сферы, блок реализации стратегии развития. В работе раскрыто содержание каждого блока.

Ключевые слова: *сфера медицинского туризма, отраслевое управление, функциональное описание, алгоритм управления.*

The article offers the conceptual model of management of the sphere of medical tourism in the Russian Federation from a position of the functional description. The given model includes four blocks: analytical, target, the block of formation of strategy of development of the given sphere, the block of the implementation of the strategy of development. The article reveals the essence of each block.

Keywords: *medical tourism sphere, sectoral management, functional description, algorithm of management.*

Статья написана по результатам исследований, выполненных по гранту № 20-010-00798 А Российского фонда фундаментальных исследований.

Развитие медицинского туризма в Российской Федерации относится к числу приоритетных направлений формирования социально-экономической политики страны [1-3]. С 2018 года в России реализуется федеральный проект «Развитие экспорта медицинских услуг», реализация которого предполагает вхождение страны в пятерку лидеров международного рынка медицинского туризма. РФ располагает достаточным медицинским ресурсным потенциалом для эффективного развития данной сферы. Задача состоит в консолидации усилий всех участников отечественного рынка медицинского туризма, продвижении отечественных медицинских услуг на зарубежные рынки, а также внутри страны [3-6].

Сфера медицинского туризма существенно пострадала в связи с коронавирусной инфекции Covid-19, особенно внешнего медицинского туризма. Между тем эффективная борьба РФ с этим страшным вирусом, безусловно, подняла авторитет страны на международном рынке медицинского туризма, что в дальнейшем будет способствовать развитию внешнего туризма в данной сфере, а также более внимательному отношению соотечественников, предпочитавших лечение за рубежом, к возможностям российской медицины.

Успешная реализация поставленных в отечественной сфере медицинского туризма задач требует создания адекватного механизма управления данной сферой [7-9].

Предметом исследования в настоящей статье является разработка концептуальной модели управления сферой медицинского туризма посредством описания процесса управления.

С позиции функционального описания концептуальная модель управления сферой медицинского туризма включает четыре блока: аналитический, целевой, блок формирования стратегии развития отрасли, блок реализации стратегии развития отрасли.

Аналитический блок.

Аналитическую работу в модели управления сферой медицинского туризма целесообразно возложить на национальную ассоциацию медицинского туризма, имеющую разветвленную региональную сеть. Отражение региональной специфики развития данной сферы позволят сделать региональные отделения ассоциации медицинского туризма.

Аналитический блок включает:

- анализ макросреды сферы медицинского туризма;
- анализ привлекательности сферы медицинского туризма;
- мониторинг факторов микросреды сферы медицинского туризма;
- мониторинг факторов специализированной инфраструктуры сферы медицинского туризма;
- мониторинг внутриотраслевой среды сферы медицинского туризма;
- выявление проблем развития сферы медицинского туризма.

Целевой блок.

Целевой блок концептуальной модели управления сферой медицинского туризма включает:

- формирование комплекса целей развития сферы медицинского туризма;
- определение приоритетных направлений развития сферы медицинского туризма.

Цели управления сферой медицинского туризма определяются на основе данных аналитической работы, выполненной в процессе анализа и мониторинга внешней и внутренней среды данной сферы. При этом формируется комплекс долгосрочных и среднесрочных целей развития сферы медицинского туризма. В ходе текущего управления сферой медицинского туризма устанавливаются краткосрочные цели развития сферы медицинского туризма. Цели управления сферой медицинского туризма также подразделяются на стратегические, определяющие долгосрочные результаты развития данной сферы, и тактические, формирующие тактику развития сферы медицинского туризма.

Цели развития сферы медицинского туризма формируются на уровне государственного и отраслевого управления данной сферой. В более общем виде цели определяются на уровне государственного управления. Основным же субъектом определения целей выступает национальная ассоциация медицинского туризма, которая призвана способствовать эффективному развитию отечественного медицинского туризма при условии вхождения в ассоциацию большинства представителей данной сферы.

Исходя из поставленных долгосрочных целей развития сферы медицинского туризма, а также основываясь на необходимости более широкого освоения ключевых факторов успеха, а также других наиболее важных источников конкурентных преимуществ данной сферы, определяются приоритетные направления развития сферы медицинского туризма.

Целевой блок формируется как в целом по сфере медицинского туризма, так и по его укрупненным сегментам: медицинскому клиническому туризму, медицинскому курортному туризму, а также по более узким сегментам рынка услуг медицинского туризма.

Блок формирования стратегии развития сферы медицинского туризма.

После определения комплекса целей развития сферы медицинского туризма формируется стратегия развития, которая обеспечит достижение обозначенных целей. Стратегия развития сферы медицинского туризма включает формирование комплекса запланированных действий на пути движения к обозначенным целях развития данной сферы (проактивная часть стратегии), а также адаптивную реакцию на происходящие изменения как во внешней среде, так и внутри сферы медицинского туризма, в том числе в отраслевом продукте – услугах медицинского туризма (реактивная часть стратегии).

Стратегия развития сферы медицинского туризма имеет иерархический характер и включает три типа стратегий:

- базовые стратегии развития;
- конкурентные стратегии;

- функциональные стратегии.

Базовые стратегии развития связаны с ростом, стабильностью или сокращением. Использование базовых стратегий во многом определяется стадией жизненного цикла сферы медицинского туризма. Поскольку отечественная сфера медицинского туризма находится на этапе своего становления, то базовые стратегии будут связаны с обеспечением роста отраслевого рынка, а также повышением уровня глобализации на основе усиления экспортной ориентации.

Конкурентные стратегии определяют, за счет чего отечественная сфера медицинского туризма будет выигрывать в конкурентной борьбе с аналогичными сферами других стран, на какие типы конкурентных преимуществ будет делаться ставка, какие методы конкуренции будут использоваться.

Функциональные стратегии определяют комплекс конкретных действий по определенным направлениям функциональной деятельности для успешной реализации стратегий более высокого уровня, т.е. базовых стратегий развития сферы медицинского туризма и конкурентных стратегий.

В рамках управления сферой медицинского туризма целесообразно формирование следующих функциональных стратегий:

- маркетинговая стратегия, в том числе стратегия продвижения услуг медицинского туризма на внутреннем и зарубежных медицинских рынках, стратегия взаимодействия с медицинскими туристами, стратегия формирования благоприятного имиджа отечественной сферы медицинского туризма;
- стратегия научно-технического развития;
- стратегия производства услуг медицинского туризма, в том числе ее сервисная составляющая как по линии медицинского обслуживания, так и туристского обслуживания;
- логистическая стратегия, в том числе оптимальное выстраивание логистики перемещения, информационного обеспечения медицинских туристов на всех этапах реализации услуг медицинского туризма;
- финансовая стратегия, в том числе стратегия привлечения средств для оказания дорогостоящей медицинской помощи соотечественникам;
- кадровая стратегия, в том числе стратегия повышения уровня квалификации медицинских кадров, стратегия социальной защищенности медицинских работников, стратегия улучшения жилищных и социально-культурных условий, стратегия обеспечения условий для миграции высококвалифицированных медицинских кадров в регионы приоритетного развития сферы медицинского туризма и другие.

На рисунке 1 представлено содержание блока формирования стратегии развития сферы медицинского туризма.

Блок реализации стратегии развития сферы медицинского туризма.

Блок реализации стратегии развития сферы медицинского туризма включает:

- разработку программы развития сферы медицинского туризма;
- подготовку графиков реализации стратегии;
- ресурсное обеспечение процесса реализации стратегии;
- стратегический контроль.

Программа развития сферы медицинского туризма связана с подготовкой среднесрочных и краткосрочных планов реализации стратегии развития данной сферы.

Графики реализации стратегии конкретизируют процесс реализации стратегии по временному и ресурсному параметрам.

Ресурсное обеспечение связано с поиском необходимых ресурсов для реализации стратегии развития сферы медицинского туризма. Это могут быть ресурсы самой национальной ассоциации медицинского туризма, средства бюджетов всех уровней, консолидированные фонды участников национальной ассоциации медицинского туризма, спонсорская поддержка и другие.

Стратегический контроль включает сбор и анализ данных реализации стратегии развития сферы медицинского туризма, сопоставление данных контроля с показателями планов реализации стратегии, включенных в программу развития данной сферы; определение отклонений от плана, изучение причин отклонений, формирование корректирующих управленческих воздействий, а при необходимости изменение самой стратегии и уточнение долгосрочных целей развития сферы медицинского туризма.

Для реализации стратегии национальная ассоциация медицинского туризма опирается на свою профессиональную команду, поддержку со стороны органов государственного управления, курирующих медицинский туризм, организации сферы медицинского туризма и специализированной инфраструктуры данной сферы.

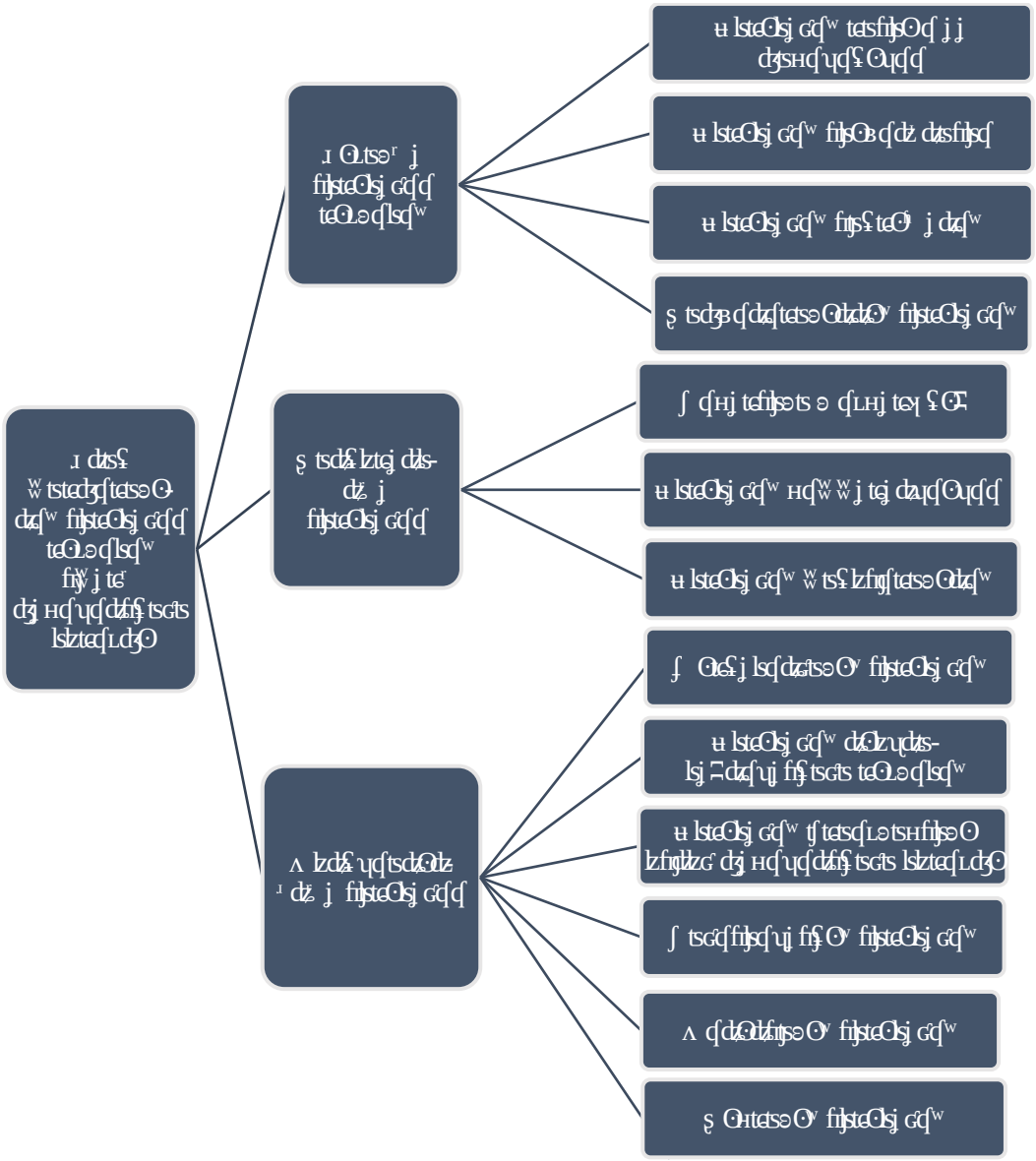

Рисунок 1. Содержание блока формирования стратегии развития сферы медицинского туризма (составлено автором)

Таким образом, центральную роль в функциональном компоненте процесса управления сферой медицинского туризма должна играть национальная ассоциация медицинского туризма. Реализация функциональной стороны процесса отраслевого управления в сфере медицинского туризма по предложенным и содержательно наполненным блокам предлагаемой концептуальной модели позволит в большей степени использовать современные научные подходы и методы теории отраслевого управления применительно к сфере медицинского туризма и в целом повысить эффективность развития данной сферы.

Литература

1. Анучин П.М., Юдина Н.Н., Чернышёв Е.В. Стратегия развития экспорта медицинских услуг в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение» // Вестник Росздравнадзора. 2019. №4. С. 81-87.

2. Романова Г.М. Управление развитием медицинского туризма как особой сферы предпринимательства: монография / Г.М. Романова, Н.А. Савельева, Т.Ю. Анопченко, А.Д. Мурзин, С.И. Топоров. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2020. 252 с.

3. Жуковская И.Ф., Наумова И.В. Медицинский туризм: проблемы и перспективы развития в России // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 2 (92). С. 230–233.

4. Левченко Т.П., Ралко К.Г. Проблемы и перспективы развития медицинского туризма // Вестник Национальной академии туризма. 2020. № 1 (53). С. 17-19.

5. Зозуля Г.Х. Стратегические направления развития медицинского туризма на территории Российской Федерации: технологический аспект // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 2 (105). С. 12–17.

6. Морозов М.А., Львова Т.В. Оздоровительный туризм в России: особенности и перспективы развития // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2011. № 12(60). С. 87-99.

7. Аксенова Е.И., Петрова Г.Д. Проблемы развития медицинского туризма России // Труды научно-исследовательского института организации здравоохранения и медицинского менеджмента: сб. науч тр. М., 2019. С. 6–8.

8. Ефимов С.А., Ефимова А.С. Лечебно-оздоровительный, лечебный и оздоровительный туризм: уточняем понятийно-терминологический аппарат // Вестник физиотерапии и курортологии, 2017. Т. 23, № 4. С. 155-160.

9. Карпова Г.А. Роль событийной составляющей в развитии медицинского и лечебно-оздоровительного туризма // Вестник Национальной академии туризма. 2019. № 3 (51). С. 12–13.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 336.6

УЧЕТ ДОХОДОВ И РАСХОДОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА В СИСТЕМЕ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ И АУДИТА

© 2021 г. Д.Е. Белоусов, Е.А. Буханова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассмотрено содержание понятия «финансовый результат». Доходы и расходы представлены как составные части финансового результата. Проанализированы актуальные изменения в законодательстве в части их учета, анализа, внутреннего контроля и аудита. Представлены основные изменения законодательства, которые необходимо учитывать при определении финансового результата по итогам 2020 года. Уделено внимание проблеме возрастания аудиторских рисков при проведении аудита в условиях распространения коронавирусной инфекции.

Ключевые слова*: финансовый результат, доход, расход, ФСБУ, внутренний контроль, анализ, аудит*

The article considers the contents of the notion of "a financial result". Incomes and expenses are presented as constituent elements of a financial result. The article analyses current changes in the laws regarding their accounting, analysis, internal control and audit. Presents main changes in laws which need taking into account while defining the financial result of 2020. Pays attention to increasing audit risks while conducting audit under the conditions of the Covid-19.

Keywords*: financial result, income, expenses, Federal standards of accounting, internal control, analysis, audit*

Основной мотив для ведения деятельности предприятий – получение и возможность распределения положительного финансового результата. В общем смысле финансовый результат понимается как выраженный в денежной форме итог финансово-хозяйственной деятельности организации и одновременно изменение остаточной стоимости собственного капитала, образовавшийся в процессе ведения предпринимательской деятельности.

Трактовки рассматриваемого понятия, данные экономистами, имеют общие положения, однако авторы расходятся в понимании видов доходов и расходов организаций, используемых при определении результата.

Нами понимается, что прибыль – это источник простого и расширенного воспроизводства, наличие прибыли обеспечивает функционирование и развитие организации. Несмотря на широкое распространение категории «прибыль» среди ученых и практиков, универсального определения прибыли не существует. В истории экономической науки многие ученые занимались вопросами

исследования сущности прибыли. Современные исследователи либо дополняют, либо пересматривают подходы классиков экономической науки, вопросы определения категория прибыли, ее сущностных характеристик по-прежнему являются актуальными среди исследователей.

Под финансовым результатом следует понимать конечный результат хозяйственной деятельности предприятия, выраженный в денежной форме, являющийся прибылью или убытком, определенным исходя из уровня доходов и расходов организации. Мы считаем, что перечень видов доходов и расходов для расчета финансовых результатов организации следует определять исходя из действующих правил, установленных на нормативном уровне.

Так, по нормам действующих нормативных актов составными элементами финансового результата выступают доходы и расходы, их определение на нормативном уровне закреплено в Положениях о бухгалтерском учете.

Доход можно представить как часть финансового результата предприятия за определенный период, представляющийся в форме экономических выгод для организации, полученные в виде выручки и поступления средств их внереализационных операций в денежной форме.

Расходы можно представить определением, обратным доходам, как часть финансового результата предприятия за определенный период, представляющийся в форме оттока экономических выгод от организации, понесенные для реализации по основному виду деятельности и внереализационных операций в денежной форме.

При этом доходы и расходы дифференцируются в целях бухгалтерского учета на доходы и расходы, формируемые по основному виду деятельности, и иные.

Такое понимание составных элементов финансового результата на нормативном уровне установлено в 1999 году с утверждением соответствующих ПБУ. Постоянно протекающие изменения в экономике и соответственно его регулировании способствуют выявлению необходимости нового понимания данных объектов учета, с чем связано обновление многих стандартов в соответствующей области на государственном уровне.

В 2019 году утверждена программа разработки федеральных стандартов бухгалтерского учета на 2019-2021 год, которая включает в себя перечень федеральных стандартов бухгалтерского учета, планируемых к разработке и введению в действие, а также планируемые изменения в уже утвержденные ранее стандарты.

Профессиональному сообществу бухгалтеров России передана ответственность за разработку стандартов «доходы» и «расходы».

На данный момент ИПБ России на официальном сайте размещен проект стандарта ФМБУ «Доходы» – уведомление о его разработке подано в июле 2019 года, после чего началось публичное обсуждение проекта ФСБУ. После нескольких продлений в целях наиболее полного учета мнения всех заинтересованных лиц, обсуждение было завершено 16 декабря 2020 года. Доработанные проект ФСБУ «Доходы», а также замечания и предложения, полученные в ходе публичного обсуждения, опубликованы 25 декабря 2020 года. На данный момент стандарт не утвержден официально, таким образом, его введение в действие с 2021 года не состоялось. Согласно программе Минфина, его применение должно начаться с отчетности за 2022 год.

Отличия в учете доходов по действующему и новому ФСБУ представлены в таблице 1.

Процесс проведения аудита доходов и расходов нацелен на выявление недостоверных данных в учете, а именно в показателях доходов и расходов, которые влияют на формирование финансового результата предприятия. Аудит данных объектов учетов проводится на основе данных первичных документов и отчета о финансовых результатах.

Сложившаяся в 2020 году ситуация, связанная с распространением в мире новой коронавирусной инфекции и связанных с ней ограничений, не могли не оказать влияние на деятельность, организацию ведения учета и внутреннего контроля, составления отчетности, что оказало влияние и на процесс проведения аудита предприятия.

Действует ситуация возрастания аудиторских рисков и возникновения новых, что должно быть учтено на всех этапах организации и проведения аудита.

Исходя из норм действующего законодательства, при проведении аудита по отчетности за 2020 год необходимо руководствоваться международными стандартами аудита, которые введены на территории России с 2020 года, а также следующие документы, принятые Международной федерацией бухгалтеров и рекомендованные для применения на территории России Советом по аудиторской деятельности.

– Концепция качества аудита: ключевые элементы, формирующие среду для обеспечения качества аудита;

– Международная концепция заданий, обеспечивающих уверенность;

– Словарь терминов;

– Структура сборника стандартов, выпущенных Советом по МСА и заданий, обеспечивающих уверенность;

– Предисловие к сборнику МС контроля качества, аудита и обзорных проверок, прочих заданий, обеспечивающих уверенность, и заданий по оказанию сопутствующих услуг.

Проект ФСБУ «Расходы» на данный момент находится на стадии разработки и не представлен в открытых данных.

Таблица 1. Изменения в порядке учета доходов согласно проекта ФСБУ «Доходы» [1]

Действующие положения	**Положения нового ФСБУ**
1	**2**
К доходам относят увеличение экономических выгод	К доходам относится не просто увеличение экономических выгод, а увеличение выгод в течение отчетного периода
Если условия признания выручки не выполнены, а деньги или иной актив от покупателя получены, в бухучете организация признает кредиторскую задолженность, а не выручку	Если организация полностью завершила обязанности по договору полностью, договор был расторгнут, а полученный актив не должен быть возвращен, признается выручка
-	Проект ФСБУ вводит понятия «идентификация товара» и «отличимый товар». В целях учета выручки договоры нужно анализировать на предмет идентификации передаваемых товаров (услуг). Идентификацию проводят на основе анализа их взаимосвязи.
Организации признают выручку в момент, когда право собственности на товар перешло к покупателю либо заказчик принял работу	Выручку нужно признавать на дату перехода к покупателю контроля над товаром, если степень завершения передачи отличимого товара или услуги может быть достоверно определена.
Аналогичные положения отсутствуют	Возникла обязанность проводить оценку этапа завершенности передачи индивидуального товара на каждую дату, которая считается отчетной, для чего применяется один из двух способов: по доле завершенных операций в общем объеме или по доле понесенных затрат на передачу в расчетной величине общих затрат
Аналогичные положения отсутствуют	В случае заключения более одного договора с покупателями, то в учете они определяются как один договор из-за взаимосвязей по одному проекту или непрерывности
Аналогичные положения отсутствуют	Товары, полученные по бартеру или безвозмездно, нужно будет оценивать по справедливой стоимости. Справедливая стоимость определяется по правилам МСФО

В 2019 году также утвержден Кодекс профессиональной этики аудиторов, который одобрен Советом по аудиторской деятельности 21 мая 2019 г., согласно которому аудитор соблюдает принцип честности, объективности, профессиональной компетентности и должной тщательности, что соответствует концепции профессионального скептицизма.

При составлении годовой бухгалтерской отчетности за 2020 год и проведении ее аудита необходимо иметь ввиду, что в 2020 году вступили изменения, внесенные в ПБУ 1/2008 «Учетная политика организации», в ПБУ 13/2000 «Учет государственной помощи», в ПБУ 16/02 «Информация по прекращаемой деятельности», в ПБУ 18/02 «Учет расчетов по налогу на прибыль», в ПБУ 22/2010 «Исправление ошибок в бухгалтерском учете и отчетности».

В случае если организация приняла решение досрочно в 2020 году применять ФСБУ 5/2019 «Запасы» и ФСБУ 25/2018 «Бухгалтерский учет аренды», при составлении отчетности должны быть учтены:

– требования к формированию информации о запасах в бухгалтерском учете;

– требования к формированию информации об объектах, возникающих при получении или предоставлении в аренду имущества.

Исходя из новых правил обязательный экземпляр годовой отчетности за 2020 год должен быть предоставлен в налоговые органы в электронном виде для включения в государственный информационный ресурс.

Аудиторское заключение по итогам проверки бухгалтерской отчетности выступает одним из значимых системных элементов информации для заинтересованных пользователей экономического субъекта, как внутренних, так и внешних, так как наличие его, в случае положительной оценки, по-

вышает доверие собственников и контрагентов, кредитных организаций и иных кредиторов, инвесторов, так как признано, что информация учета точная и правдивая, соответствует нормам организации учета и не содержит в себе искажений, ошибок или сокрытой информации.

Источники

1. Проект ФСБУ «Доходы». Институт профессиональных бухгалтеров // URL: https://www.ipbr.org/developments/fas-income/
2. Рекомендации аудиторским организациям, индивидуальным аудиторам, аудиторам по проведению аудита годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности, годовой консолидированной финансовой отчетности организаций за 2020 год в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (приложение N 2 к протоколу заочного голосования Совета по аудиторской деятельности от 18.12.2020 N 56) // СПС Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371705/
3. Кодекс профессиональной этики аудиторов (приложение к протоколу заочного голосования Совета по аудиторской деятельности от 21.05.2019 N 47) // СПС Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325111/

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.12

ТЕОРИЯ НРАВСТВЕННОСТИ ПО ТЕОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА Л. ПЕТРАЖИЦКОГО

© 2021 г. И.В. Бухарова

Ростовский институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)»
344000, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, 26

Rostov Institute (Branch)
of Russian State
University of Justice
26, Soborniy per.,
Rostov-on-Don, 344000

Ростовский филиал
Российской таможенной академии
344000, г.Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of
Russian Customs Academy
20 Budennovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000

Статья посвящена проблемам соотношения права и других социальных норм. Автор исследует моральные, нравственные и религиозные нормы, соотношение права и нравственности в практической деятельности. Анализирует особенность права и нравственности в психологической теории права Л.И. Петражицкого.

***Ключевые слова**: право, теория права, наука, философия, справедливость, государство, нравственность.*

The article considers problems of the correlation of law and other social norms. The author examines moral and religious norms, the relationship of law and morality in practice. Analyzes the peculiarity of law and morality in the psychological theory of law by L. I. Petrazhitsky.

***Keywords:** law, theory of law, science, philosophy, justice, state, morality.*

Введение

Право и нравственность имеют много общего между собой. Предназначение права – обеспечение торжества справедливости, справедливости – торжество совести. То, что является справедливым, не всегда является верным со стороны нравственности. Например, решение суда может быть и справедливым, и жестоким одновременно.

Изучение литературы по трансформации нравственных ценностей позволяет сделать вывод о том, что в процессе изучения моральных ценностей, их изменения, переосмысления растет понимание важности в целостном анализе детерминант трансформации морально-нравственных основ на фоне различных противоречивых процессов современности.

Современная реальность, на фоне которой происходит процесс развития общества, порождает аспект диалектического отказа от ранее сформированных моральных ценностей, формирования дру-

гого типа высших ценностей человеческого существования. Философский анализ дает возможность понять значение этих ценностей в жизни общества в целом, одновременно находя ориентиры для совершенствования духовной жизни. Этап изменения моральных ценностей – это общеисторическое явление, суть которого заключается в трансформации уже сложившихся стереотипных представлений людей.

Нравственные ценности как компоненты морального сознания индивида

По мнению Л.И. Петражицкого, в основе традиционных учений о существе права и нравственности лежит недоразумение относительно сферы нахождения этих явлений и незнание надлежащего метода их изучения. Под влиянием известных психических процессов (моторных возбуждений, эмоций), особый вид которых лежит в основе права и нравственности, мы можем мнимо представить существующие во внешнем мире различные, но там не существующие объекты.

Русские неокантианцы, например Б.А. Фохт, принимают систему рассуждений немецких коллег и во многом перенимают их методологию, но сохраняют за моральным законом регулятивную функцию и оставляют категориальность познавательных способностей [6].

С.И. Гессен использует идеи представителей Баденской школы, но дополняет их своеобразной интерпретацией примата практической философии, что сближает его с марбуржцами. В педагогической модели свобода определяется в согласованности с принципом долженствования И. Канта, а моральный закон имеет безусловный приоритет перед любой иной формой законосообразности.

Культурные ценности выстраиваются на возможности обладания свободой, конституируемой на принципах разума и регулируемой свободной волей личности. Нравственность же является категорией, определяющей уровень осознания человеком своей свободы в соответствии с принципом долга и единственной положительной формой принуждения – самодисциплиной [5, с. 69].

Это переосмысление происходит, когда общество взаимодействует с отдельными индивидами, образующими сообщества, и проявляется в идеалах, взглядах, действиях индивидов.

Поскольку нравственные ценности являются компонентами морального сознания индивида, можно проследить зависимость от уже существующих ценностных концепций, полученных путем переоценки или введенных в процесс влияния других культур. Люди, создавая различные социальные группы, разделенные социальными, возрастными и половыми различиями, имеют и различные интерпретации моральных и нравственных ценностей.

Изменение моральных норм влияет как на сознание индивида, так и на общество в целом, что определяет поведение человека.

Сложность, вызванная необходимостью адаптации к экономически нестабильной ситуации нашей реальности, приводит к переоценке высших идеалов и устремлений. Изменение ценностных отношений связано с негативной трансформацией иерархии моральных норм. Моральные идеалы и цели также являются морально-нравственными категориями, с помощью которых люди находят ориентиры в своей жизни.

Процесс перемен и преобразований наиболее ярко проявляется в противоречивых аспектах отношений между младшим и старшим поколениями. Цель для многих представителей старшего поколения – стабильная и благополучная жизнь, продолжение рода, в то время как для современной молодежи свобода выбора и возможность реализовать свою индивидуальность – важнейшая составляющая жизни. Проявление уважения, заботы о старшем поколении является результатом высокой культуры и духовности общества.

Так, понятие свободы раскрывается С.И. Гессеным и в традиционном для русской философии ракурсе рассмотрения – в качестве способа преодоления дихотомии «добро - зло» в жизни человека. В ранней статье «Философия наказания» происходит постановка проблемы, затем ее раскрытие обнаруживается уже в работах «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф.М. Достоевского и Вл. Соловьева» и «Трагедия зла (философский смысл образа Ставрогина)» [5].

Свобода, определяемая на принципах разума (следование моральному закону и стремление к самодисциплине и самообразованию), позволяет преодолеть дихотомию с помощью устранения самой причины зла – человеческого невежества. Здесь же проявляется категория нравственности. Если человек способен устроить собственное мышление и поведение в законодательных формах разума, то он будет способен и продуцировать свою свободную волю в пределах собственной общественной жизни.

Таким образом, нравственным человеком считается только тот, кто, с одной стороны, свободен от всякой формы принуждения, кроме самодисциплины, с другой – нравственность предполагает распространение своей свободной воли за пределы индивидуальности, иначе человек становится не нравственным, а эгоистичным по отношению к другим. Подобная позиция имеет общие следствия с идеями А. В. Вейдемана, обозначившего необходимость достижения критического мышления для построения не только собственного бытия, но и окружающей действительности [2].

Нравственность, право и мораль

Для формирования необходимых нравственных установок подрастающего поколения необходимо усилить гуманитарную и практическую направленность учебных дисциплин, содержащих материалы, помогающие подрастающему поколению овладеть ценностями общества и культурой страны [2, с. 57].

Закон, в нашем понимании, является, с одной стороны, обязательным для всех норм поведения, действий, изложенных в нормативных правовых актах и официальных правилах поведения. С другой стороны, это права и свободы граждан, также гарантированные и закрепленные в Конституции Российской Федерации. В свою очередь, другие нормы представляют собой набор принципов, которые определяют и регулируют отношения между людьми.

Право – это определенная система регулирования, основанная на учете интересов различных слоев общества, их интересов и компромиссов. Соответствие закона описанным выше критериям придает ему общую нормальность, социальную значимость, а также доминирующую систему регулирования. Кроме того, следует отметить, что если нормативные требования не выражают волю общественности, то их реализация оказывается достаточно сложной, даже с помощью механизма государственного принуждения [1, с. 121].

Также, с точки зрения автора, следует отметить толкование Л.И. Петражицкого, согласно которому политика в классическом ее понимании представляет собой отражение свойств осуществляемой власти на органы и должностные лица, ее осуществляющие, тогда как под правовой политикой теоретик понимал науку, изучающую актуальные особенности устройства, а также цели и идеалы развития права [4].

Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних – весомый аргумент правового воспитания детей, учитывая масштабные цифры подростковой преступности и правонарушений в России как одну из глобальных проблем человечества [3].

Закон регулирует важнейшие правила общественной жизни, нарушая при этом основные меры ответственности своих субъектов, навязывает общепринятые правила общественной жизни и в случае нарушения устанавливает меры ответственности для нарушителя. В современной России вопрос о месте права среди других социальных регуляторов, как уже говорилось выше, особенно актуален.

Современная социальная система влияет на поведение человека. Социальные нормы – это относительно устойчивые формы закрепления устойчивых правил поведения в обществе. Эти нормы навязываются человеку в процессе социализации с целью сохранения социальной системы и обеспечения ее воспроизводства и развития.

Нравственность и право – это два неразделимых явления, которые должны существовать взаимно дополняющими друг друга. Мораль даже, в какой-то степени, является более сильным регулятором, чем закон, потому что эта мораль имеет силу для закона и при совершении поступка человек с развитым правосознанием сначала анализирует свои действия с помощью норм морали, а затем обращается к закону.

Общее соотношение морали и права определяется тем, что и то, и другое относится к социальным нормам, основным ключевым регуляторам общества, выступает мерой индивидуальной свободы и в то же время указывает пределы этой свободы. Создание и уважение общечеловеческих ценностей в обществе, использующих регулирование общественных отношений.

Как отмечает Петражицкий Л.И., правовая основа опыта его интеллектуального сочинения ничем не отличается от морального, совершенно ясно, что право и мораль, изначально основанные на эмоциях, переживают свое безусловное сходство [3, с. 82].

Исходя из вышесказанного, можно смело утверждать, что мораль и право тесно связаны, они обусловливают, расширяют и дополняют друг друга в установлении, осуществлении и регулировании общественных отношений. Эта связь определяется тем, что законы должны содержать правовые основы, присущие морали.

Заключение

Переходя к особенностям общения, потребностям повседневной жизни людей, продукт коллективного творчества и не всегда имеет формальный письменный якорь. Удерживаемая в сознании населения, она постепенно усваивается. При этом формируется строго определенная форма, зафиксированная в письменной форме. Нормы права достаточно подробно регулируют отношения и образуют единую национальную систему, в то время как моральные нормы, как правило, устанавливают принципы поведения, которые могут варьироваться в зависимости от культурных особенностей конкретной социальной группы.

Изучая взаимосвязь права и морали, мы должны, на наш взгляд, остановиться на понятии идеального права, под которым современная юриспруденция подразумевает справедливую и разумную меру равенства и свободы, которая, хотя и не всегда оформлена в нормативно-правовых актах, но в

то же время является необходимым условием формирования правосознания и правовой культуры, в первую очередь, практикующего юриста.

Именно соотношение права и нравственности в его практической деятельности используется моральным проводником, которым он должен руководить [4, с. 4].

Справедливость же по нашему мнению, как моральная ценность, регулирует отношения между людьми в отношении распределения социальных ценностей. Социальные ценности не только материальные, но и духовные. Справедливый человек, конечно, должен учитывать интересы общества, но справедливость подразумевает и обязательства общества перед человеком.

Другими словами, справедливость – это критерий соответствия между сущностью действия и его оценкой. Справедливость часто отождествляется с объективностью, оценкой различных действий, распределений, в которых не выдвигается чей-либо интерес. Принцип справедливости обязывает нас относиться к другим так же, как мы хотим относиться к себе. В то же время человек пытается оценить себя, понять, какое место он занимает в обществе. Такая духовная связь личности с обществом выражается в категориях чести и достоинства.

Эти принципы отражают моральную ценность человека. На трансформацию моральных ценностей сильное влияние оказывают средства массовой информации, которые распространяют ценность материальных благ и эгоизм как двигатель прогресса. Точно так же эта деформация моральных основ обусловлена утратой основополагающей роли веры, духовности. Нравственные ценности духовного мира индивида онтологически связаны с духовным опытом. Они формируются в структуре сознания человека при формировании духовности как сложной взаимосвязи души и сознания [1, с. 16].

Реальность настоящего является основной причиной осознания необходимости переосмысления и изменения общества. Необходимо учитывать прогнозы развития духовной жизни общества, в условиях происходящего переосмысления нравственных идеалов и ценностей, определяющих трансформацию нравственного сознания личности и общества в целом.

Литература

1. Беляева М.А. Нравственные ценности человека: онтологический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 1 (44)
2. Мамаева М.Э. Формирование духовно-нравственных ценностей молодежи наследуя моральные ценности старшего поколения // Наука в современном мире: теория и практика. 2016. № 1 (4)
3. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. СПб.: Лань, 2000.
4. Степаненко Р.Ф. Правовая наука о проблемах современного юридического образования // Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в современных условиях: материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: в 2 ч / под общ. ред. Р.Ф. Степаненко, И.Г. Гараниной, А.В. Солдатовой. 2016. С. 3–8.
5. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М.: Школа-Пресс, 1995. 448 с.
6. Фохт Б.А. Избранное (из философского наследия). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 456 с.

УДК 340.12

СУЩНОСТЬ ТЕОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

© 2021 г. С.С. Габрелян

Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

В настоящей статье исследуется сущность теории социологической юриспруденции Питирима Сорокина. Автор анализирует его концепцию статуса социологии (и социологической юриспруденции в частности) как универсальной и самостоятельной гуманитарной науки, способной, тем не менее, пользоваться методологическими инструментарием других наук

***Ключевые слова**: политико-правовая доктрина, консерватизм, социологическая юриспруденция, мораль, право, этика права, юриспруденция.*

This article examines the essence of the theory of sociological jurisprudence of Pitirim Sorokin. The author analyzes his concept of the status of sociology (and sociological jurisprudence in particular) as a universal and independent humanitarian science, capable, nevertheless, of using the methodological tools of other sciences

***Key words:** political and legal doctrine, conservatism, sociological jurisprudence, morality, law, ethics of law, jurisprudence.*

Питирим Александрович Сорокин – один из немногих отечественных политико-правовых и социологических мыслителей, который еще при жизни мог претендовать на звание классика социальной теории. Однако следует отметить, что его теоретический вклад в развитие гуманитарной мысли в основном связан с культурно-историческим подходом, а также с его вкладом в теорию организации и религиоведение.

Рассмотрим некоторые идеи Сорокина, структурно изложенные в его книге «Система социологии» (1920), написанной в так называемый «позитивистский» период его творчества. Книга, изданная более века назад – в разгар гражданской войны в России – содержала проект развития комплексной и междисциплинарной юридико-социологической и политико-правовой теории. К сожалению, данная монография не была переведена на английский язык, и в дальнейшем автор перешел к культурно-историческим и культурно-социологическим исследованиям. Однако недавний 100-летний юбилей этого выдающегося труда, наступивший в 2020 году, – прекрасный повод вспомнить Питирима Сорокина как выдающегося социального теоретика и политико-правового мыслителя – а также проанализировать ценность и перспективы его несправедливо забытого исследования.

Кроме того, представляется интересным проследить процесс развития российской социологической юриспруденции, которая благодаря активному содействию Сорокина отделилась от смежных гуманитарных предметов, обзавелась научной «самостоятельностью» и необходимым понятийно-категориальным аппаратом, а также заняла собственную уникальную нишу в сложной иерархии академических дисциплин.

После иммиграции в Америку Сорокин возглавил социологический факультет Гарвардского университета. Однако впоследствии большее влияние на американскую юридическую социологию, в целом, и гарвардскую школу, в частности, оказала иная, конкурирующая с сорокинской структурно-функциональная доктрина социальной теории, которая на многие десятилетия стала ключевой теоретической парадигмой исследователей в США, а значит, и на Западе. Толкотт Парсонс – создатель концепции структурного функционализма – собрал группу коллег, которые сформулировали всеобъемлющую и трансдисциплинарно ориентированную социолого-правовую доктрину, основанную на достижениях культурной антропологии и социальной психологии. «Война концепций», которая велась между функциональной теорией Парсонсом и культурно-историческим подходом Сорокина, велась то скрытно, то явно и завершилась полной и безоговорочной победой функционализма.

Ирония ситуации заключается в том, что ранее разработанная Сорокиным концепция взаимодействия предвосхитила и во многом значительно опередила сущность структурно-функциональной доктрины, отчасти заложив ее научный «фундамент». Впрочем, несмотря на жестокую критику со стороны Парсонса, нельзя было не заметить, что сорокинское политико-правовое и социологическое учение имеет ряд общих моментов с наиболее авторитетной современной системно-коммуникативной версией социальной теории.

Тем не менее, этот временной приоритет следует, скорее, отнести к поздним культурно-социологическим изысканиям Сорокина. Обе конкурирующих теории – и структурно-функциональная доктрина Парсонса, и сорокинское учение о социологической юриспруденции, чье влияние отчетливо ощущается в концепции Парсонса – опирались на проблемно-ориентированную установку, которая оправдывает теоретико-социологический подход к критике провозглашенных ими фундаментальных научных тезисов.

Следует отметить, что и Сорокин, и Парсонс не только решили, каждый на своем уровне, теоретическую проблему определения объекта социологического исследования, но и попытались решить ключевые проблемы непосредственно современного социума, а также реконструировать условия для достижения теоретически «идеального», с точки зрения той или иной доктрины, общественного порядка. Согласно гуманитарной традиции, данная проблема именуется «проблемой Томаса Гоббса» – по имени английского философа, который ее впервые сформулировал и вынес в поле общетеоретического дискурса, актуального и поныне. Но если Парсонс объясняет предложенное им решение, апеллируя к фактическому воспроизводству общества с помощью универсальных функций социума, то Сорокин упоминает определенные «духовные и метафизические источники порядка» [1, p. 209].

В «Системе социологии» Сорокин по-разному описывал дисциплинарный функционал социологической юриспруденции. Тем не менее, он акцентировал внимание не на конституирующей проблематике, а на конституирующем объекте, который сам исследователь называл «взаимодействием». Далее мы постараемся проанализировать ключевые постулаты указанной монографии, но сразу отметим, что под термином «взаимодействие» необходимо понимать общение и коммуникацию.

Наша задача состоит в том, чтобы определить сорокинские идеи, сформулированные во время его «русского» периода (то есть до эмиграции в США), которые предвосхитили достижения нынешней социологической юриспруденции и, в частности, ее системно-коммуникационной концепции. Методологически мы будем опираться на актуальные исследования дисциплинарной структуры науки, основоположником которой является современный немецкий социолог Рудольф Стихве.

С момента своего возникновения социологическая юриспруденция (как, впрочем, и социология как таковая) оказалась в двойственном положении. С одной стороны, она, подобно философии, не имела собственной и исследовательски обоснованной дисциплинарной ниши в сложной академической иерархии гуманитарных наук. С другой стороны, на «свободное» академическое поле претендовало множество других гуманитарных наук, в частности: экономическая теория; юридическая антропология; социальная антропология; социальная психология и т.д.

В итоге оказалось, что социологической юриспруденции жизненно необходимо защищать свое уникальное место под академическим «солнцем» и в результате «завоевать» собственный сегмент устоявшегося и сформированного дискурса, который находится в сфере когнитивного пространства научной коммуникации. Параллельно социологической юриспруденции требовалось заявить о себе таким образом, дабы стать признанным направлением социологии как квалифицированной и самостоятельной гуманитарной дисциплины, а также области научного познания.

Принять этот сложный и своеобразный научный «вызов» довелось Питириму Сорокину, что он и сделал. Теоретически в «Системе социологии» исследователю удалось «зарезервировать» уникальную и пока еще незанятую специфическую область обозначенного им ранее «взаимодействия» (то есть сферы междисциплинарной и даже трансдисциплинарной научной коммуникации). Сорокин реализовал данный проект на практике, возглавив факультет социологии Гарвардского университета. Соответственно, сложилась беспрецедентная ситуация, когда русский эмигрант начал руководить институционализированной американской (а, значит, и глобальной) социологией, причем в ее предельно формализованном и иерархическом выражении. Данная ситуация может показаться невероятной, но на самом деле она не является результатом «игры случая» либо актом «судьбы». «Нелояльный» ученик Сорокина, Роберт Кинг Мертон, описал ее как «интуитивную интуицию» [2, p. 212].

По нашему мнению, вышеупомянутый комплексный характер сорокинской социологической юриспруденции и, как следствие, перформативное влияние теоретической доктрины Сорокина на его коллег из Гарварда и прочих исследователей Гарварда, обусловило репрезентативность и известную привлекательность научно-исследовательского проекта Сорокина, а также его закономерное трудоустройство и последующую работу в Гарварде.

Интересно, что первоначально Сорокин стремился выводить дисциплинарные «претензии» и «поползновения» социологической юриспруденции не из фундаментальной проблематики общественного устройства и господствующего в социуме порядка, а из уникальности самого социального субъекта. Это значит, что Сорокин еще не формулировал объект своих научных исследований как определенное взаимодействие в социуме, то есть между людьми. Впрочем, невзирая на то, что предметом сорокинского дискурса являются поведенческие паттерны и социально-правовые отношения между людьми, для него как для исследователя значение имеет не категория «индивид», а «категория межличностных отношений» [3, p. 8].

Очевидно, что термин и сам процесс «межличностного взаимодействия» отнюдь не представляет собой саму личность. Он не эквивалентен репрезентации социальной группы либо общественной системы; однако он характеризуется как некий эксклюзивный и неповторимый комплекс процессов взаимодействия. Именно в данный момент социологическая юриспруденция достигает того, что Сорокин называет «трансдисциплинарной границей», ибо подобные взаимоотношения присутствуют в ряде исследовательских направлений, в том числе в таких областях как фитосоциология, биосоциология, социальная аномия, социальная антропология и т.д.

Необходимо отметить, что Сорокин провозглашает автономию социологии, но обязательно с позитивистской констатацией «научности» социологии как таковой, включая и юридическую социологию.

Соркин формулирует несколько тезисов, основополагающих для его политико-правовой теории:

1) социология фактически является и должна являться теоретической дисциплиной, которая изучает мир людей. При этом социология как наука априори несовместима с нормативизмом [3, p. 9];

2) социология должна быть объективной. Рано или поздно она трансформируется в науку с приемлемым категориально-понятийным аппаратом, адекватной методологией и четкой системой мер [3, p. 10];

3) социология – точная наука, опирающаяся на эмпирический опыт и практические эксперименты. Социологам надлежит оставить «бесплодные философствования» и излишне теоретизированные, размытые и умозрительные конструкции [3, p. 10].

Сорокин старался определить границы социологической «автономии», отражая экспансивные «атаки» конкурирующих научных дисциплин. Он с энтузиазмом отбивался от сторонников энергетической концепции Вильгельма Фридриха Оствальда, которые трактовали социальные отношения как физические и химические процессы, протекающие в соответствии с законами Ньютона и других авторитетных специалистов в области естественных наук. Например, под социальным сотрудничеством они понимали «сумму сил», а под общественной организацией – «баланс сил».

Помимо того, Сорокин отрицал многочисленные доктрины, проповедующие биологический редукционизм и «механический» характер социума, включая, в частности, труды Карла Маркса, а также его последователей. Действительно, центральное место в марксистской теории занимает категория труда, то есть механической работы, оцениваемой в зависимости от меры ее стоимости.

Притязания психологов на социологию и их попытки присвоить себе социологическую сферу Сорокин критикует и считает необоснованными по причине наличия у обеих наук различных объектов и предметов исследования и познания. Если психология изучает сознание, психику и психические процессы, то вне области ее интересов остаются социально значимые действия, правоотношения и реакции людей. В то же время, по словам Сорокина, «социологу безразлично, что творится в душе безумца» [3, p. 16].

Нельзя забывать и о том, что Сорокин выдвинул гипотезу социального генезиса психических заболеваний, расстройств и пограничных состояний, причем он сделал это задолго до Мишеля Фуко. Как известно, стандарты поведения для нормальных и психически ненормальных людей определяет и устанавливает общество. Следовательно, факт психического отклонения является феноменом, который основан на социальных представлениях о нормальности и ненормальности, проистекающих, в свою очередь, из социально-юридических и культурно-исторических условий, особенностей и обстоятельств.

Примечательно, что теория структурного функционализма Парсонса исследует типы коммуникации, которые ранее перечислил Сорокин, а именно: экономические, правовые, религиозные.

Сорокин предлагает изучать вышеназванные типы коммуникации в качестве объектов и предметов определенных наук, академических дисциплин и прочих сфер человеческой деятельности, формулировки которых он разработал сам и которые увязываются с сорокинской «сельской социологией», которой он будет заниматься в дальнейшем. Сорокину принадлежат, в частности, следующие вышеупомянутые формулировки: коммунальное (общинное) хозяйство; коммунальная (общинная) политика; коммунальная (общинная) наука; коммунальное (общинное) право; коммунальная (общинная) религия; коммунальное (общинное) искусство и т.д. [4, p. 96].

При этом крайне важно осознавать, что в сорокинской трактовке социология и социологическая юриспруденция предстают не разрозненным набором научных знаний и узкоспециализированных дисциплин, но сложной иерархической системой, которая синтезирует и интегрирует различные отрасли науки и сферы познания. С одной стороны, данный подход, безусловно, размывает собственно юридическое значение и понимание правовых норм и права в целом, но, с другой стороны – позволяет рассматривать право как один из множества социальных регуляторов.

Литература

1. Pitasi A. The Sociological Semantics of Complex Systems // Journal of Sociological Research. 2014. № 5 (1). P. 203-213.

2. Merton R.K., Barber, E. The Travels and Adventures of Serendipity. A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. Princeton University Press: Princeton, 2004. 352 p.
3. Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2010. 702 p.
4. Luhmann N. Einführung in die Systemtheorie. Heidelberg: Carl-Auer-Systeme Verlag, 2002. 347 p.

УДК 340

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДВОРЯНСТВА ВОЙСКА ДОНСКОГО В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ 30 – 40-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

© 2021 г. Н.В. Горбунова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются особенности правового положения дворянства Донского казачьего войска, взгляды представителей государственной власти в отношении дворянских прав казачьих офицеров, преобразования в системе государственного и сословного управления, происходившие в 30-40-е годы XIX века, и изменения в связи с этими преобразованиями правового статуса донского дворянства.

Ключевые слова: *дворянство, Войско Донское, законодательство Российской империи, казачество, дворянские организации, государственная политика*

The article considers peculiarities of the legal status of the nobility of the Don Cossack army, views of representatives of the state authorities regarding the nobility rights of Cossack officers, transformations in the system of state and social stratum management that took place in the 30-40s of the XIX century, and changes in connection with these transformations of the legal status of the Don nobility.

Key words: *the nobility, Don Army, legislation of the Russian Empire, the Cossacks, nobility organization, state policy*

Дворянство Войска Донского с точки зрения правового статуса в первой четверти XIX века находилось в неоднозначном положении. Де-факто на Дону существовало дворянское общество, состоявшее из войсковых чиновников – казачьих штаб- и обер-офицеров, получивших чины регулярной армии. В соответствии с Табелью о рангах и указом Павла I от 22 сентября 1798 г. [1] это давало основания претендовать на возведение в дворянское достоинство со всеми соответствующими привилегиями [2]. Кроме того, с 1817 г. на Дону начинают свою деятельность дворянские сословные органы. Были избраны войсковой и окружные дворянские депутаты. Они выполняли обязанности губернских и уездных дворянских предводителей, которые являлись важным элементом в структуре местного самоуправления [3].

Де-юре лишь небольшая часть генералитета Войска Донского была официально утверждена в дворянских правах Герольдией Сената с предоставлением соответствующих грамот и патентов на гербы [4, с. 91]. А полномочия дворянских депутатов не были утверждены центральными правительственными органами.

Более того, в правительственных кругах в первой четверти XIX века неоднократно поднимался вопрос о необходимости ограничений в получении дворянских прав выслугой соответствующего чина. В этой связи высокопоставленные государственные чиновники высказывали сомнение о правомерности присвоения прав дворянства казачьим офицерам и распространения дворянских привилегий на территорию Войска Донского. Так, в августе 1816 г. в Государственном совете слушался рапорт М.И. Платова о преобразовании войскового управления. В нем в числе прочих предложений атаман упомянул о необходимости ввести в Войске Донском должности дворянских предводителей по образцу губерний Российской империи. В отношении этой инициативы член Государственного совета и военный министр П.П. Коновницын высказался следующим образом: «Что касается дворянских предводителей, то на учреждение их нельзя согласиться, так как это могло бы иметь последствия, противные правам Войска Донского и войскового атамана» [5].

Но наиболее ярким примером подобной позиции является мнение видного государственного деятеля и дипломата, будущего военного министра князя А.И. Чернышева. В период деятельности Комитета по составлению Положения об управлении Войска Донского, работавшего в Новочеркасске с

1819 по 1821 г., он представлял правительство, но, по сути, возглавлял Комитет. В многочисленных отчетах и докладах на Высочайшее имя Чернышев высказывал сомнение относительно правомерности присвоения казачьими офицерами дворянских прав и призывал принять меры, «кои на будущее время могли остановить прилив нового и ослабить прежнее дворянство». В новом Положении о Войске он предлагал «не упоминать вовсе о праве чиновников оного на дворянство, так как ни в одном из прежних постановлений о том сказано ничего не было» [6, с. 463]. Учитывая статус и авторитет А.И. Чернышева при дворе, можно предполагать, что он высказывал мнение, близкое к позиции самого императора. Этот взгляд высшей имперской аристократии на введенный Петром I принцип получения дворянских прав выслугой чина восходит еще ко времени деятельности Уложенной комиссии Екатерины II. Тогда депутаты от дворянства предлагали императрице отменить эту норму, мотивируя тем, что данный закон нужно рассматривать как меру временную, «а вообще чин не должен давать этих прав – ими может награждать только монарх» [7, с. 65].

Справедливости ради следует отметить, что среди высокопоставленных государственных чиновников были и защитники интересов донских дворян. В частности, член Государственного совета генерал-адъютант князь И.В. Васильчиков на заседаниях Комитета по составлению Положения об управлении Войска Донского, деятельность которого была перенесена в Петербург, высказывался в защиту владельческих прав донских помещиков [8, с. 401-403].

Таким образом, к концу правления Александра I правовой статус донских дворян и их сословных органов не был законодательно закреплен, а принятие Положения о Войске было отложено из-за смерти императора.

Вступивший на престол Николай I, прежде всего, приступил к разбору дел, оставшихся от предыдущего царствования. В этой связи 6 декабря 1826 г. он учредил Особый Комитет для рассмотрения найденных в бумагах Александра I проектов изменений по разным частям государственного управления. В рескрипте на имя графа В.П. Кочубея, назначенного главой Комитета, император сформулировал следующие задачи: «Комитет должен заняться прилежным рассмотрением проектов и собранием надлежащих сведений о свойстве и действии в России правительственных мест и узаконений, а потом решить следующие вопросы: 1) что в сем отношении было предлагаемо; 2) что и в каком виде существует ныне; 3) что по мнению Комитета было бы полезно и возможно преобразовать, установить или отменить» [9, с. 86]. Таким образом, предполагалось составить программу умеренных преобразований в различных сферах государственной жизни.

Предметами обсуждения на заседаниях «Комитета 6 декабря» стали вопросы, которые оказали непосредственное влияние на закрепление правового статуса дворянства Войска Донского, прежде всего это реформирование военного ведомства, а также регламентация деятельности дворянских сословных учреждений и совершенствование законодательства о дворянстве в целом.

Одним их наиболее обсуждаемых вопросов на заседаниях комитета стало рассмотрение свода законов о состояниях, то есть о правах сословий. В процессе обсуждения проекта закона о запрещении продажи крепостных крестьян без земли, вновь был затронут вопрос о росте численности дворянского сословия. Как отмечал В.П. Кочубей, «одним из первейших действий должно стать определение мер против непрестанного умножения нового дворянства, что древним коренным дворянство будет воспринято как благодеяние» [10, с. 151]. Неоднократно на заседаниях комитета обсуждался вопрос о деятельности дворянских сословных органов. В марте 1828 г. был заслушан проект нового Положения «О дворянских выборах и других действиях дворянских собраний», предложенный Министерством внутренних дел.

Результатом этой деятельности стали два нормативно-правовых акта, которые имели важное значение для укрепления роли дворянских корпоративных организаций в системе местного управления и определения прав и привилегий высшего сословия, с учетом изменений произошедших с момента издания «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» императрицы Екатерины II.

6 декабря 1831 г. манифестом Николая I было утверждено «Положение о порядке дворянских собраний, выборов и службы по оным» [11]. В этом документе были определены и закреплены полномочия всех дворянских сословных органов как составной части системы управления на уровне губерний и уездов: дворянских собраний, дворянских депутатских собраний, дворянских предводителей. Была упорядочена и получила юридическое обоснование система дворянских выборов и выборной службы, которая приравнивалась к службе государственной.

1 января 1835 г. был введен в действие Свод законов Российской империи, в томе девятом которого помещался «Свод законов о состоянии людей в государстве и различии прав им присвоенных» [12]. В нем были обобщены все изданные ранее узаконения в отношении сословий и иных групп российского общества.

Эта законодательная деятельность имела непосредственное влияние на юридическое закрепление дворянских прав за офицерами Войска Донского. В статье 20, п. 3 Свода законов о состояниях

утверждалось, что «потомственными дворянами наравне с обер-офицерами действительной воинской службы признаются войсковые чины, начиная от хорунжего, в тех казачьих войсках, которые были сравнены в чинах с войсками регулярными» [12, с. 8].

В дальнейшем законодательная регламентация деятельности дворянского общества и его сословных институтов на Дону будет связана с принятием Положения об управлении Донского Войска.

На заседаниях «Комитета 6 декабря» прорабатывался вопрос о преобразовании системы управления вооруженными силами Российской империи и затронут вопрос о казачьих войсках. В следствии этого был издан указ о правилах управления Войском Донским [13]. В указе отмечалось, что впредь до утверждения проекта Войскового Положения часть его правил, которые касаются власти войскового атамана и войсковой канцелярии, вводятся в действие.

Вопрос о реформировании военного министерства стал одним из центральных в деятельности «Комитета 6 декабря». Инициатором его обсуждения стал генерал И.И. Дибич. Он занимал должность начальника Главного штаба, к которому в ноябре 1826 г. был присоединен штаб Военных поселений. После отбытия Дибича в действующую армию его пост занял исполнявший должность военного министра А.И. Чернышев. Именно он подготовил «Проект образования Военного министерства», в соответствии с которым предполагалось «высшее управление военно-сухопутными силами Империи, разделенное Положением, в декабре 1815 года изданным, на Главный штаб Его Императорского Величества и Военное министерство, соединить в один состав» [14]. Таким образом руководство армии сосредотачивалось в руках военного министра. Как отмечает исследователь истории вооруженных сил Николаевской эпохи А.В. Кухарук: «император, считавший, что наиболее удачной является коллегиальная система управления, внес свои изменения в проект. Предусматривалось, что военный министр получит в ведение всю военную часть. Но вся хозяйственная часть переходила в подчинение Военному совету при Военном министерстве, в том числе департаменты» [15, с. 193-194].

В результате этой деятельности в течение 1835–1837 годов был издан ряд законодательных актов, которые определили новую структуру военного ведомства, а также положение казачьих войск в этой структуре. В июне 1835 года было Высочайше утверждено Положение о преобразовании Департамента военных поселений Военного министерства. В составе Департамента учреждалось отделение иррегулярных (казачьих) войск. В его ведение входили контроль за прохождением службы казачьих полков, производство в чины, награждение за отличия в сражениях и вообще по службе, а также «рассмотрение прав на дворянство и дела о возведении в дворянское достоинство сыновей офицеров, рожденных в нижнем (унтер-офицерском) звании отцов» [16]. Положение о Департаменте военных поселений было полностью включено в состав Учреждения Военного министерства, утвержденного императором 29 марта 1836 года [17].

Следствием этих преобразований в военной сфере стало утверждение императором 26 мая 1835 года «Положение об управлении Донского Войска», проект которого был разработан еще в начале 1820-х годов и подвергнут пересмотру в Государственном совете [18]. Введение в действие Положения потребовало уточнения ряда вопросов, связанных с подчинением Войска Донского центральным военным органам. 19 ноября 1837 г. был издан именной указ, в котором отмечалось, что поскольку Войско Донское получило новое устройство, когда еще не было «положительных правил по предмету общего заведования в Военном министерстве», Сенат делал распоряжение, чтобы по всем предметам управления, относящимся к военной части, войсковое начальство входило с представлениями в Военное министерство [19]. А в 1840 году Военному министерству по департаменту военных поселений была подчинена и гражданская часть управления Войском Донским [20].

«Положением об управлении Донского Войска» подтверждалось наличие в составе войскового общества дворянского сословия. Оно получало преимущества в сравнении с казачеством в отношении сроков начала и продолжительности службы, времени выслуги первого офицерского чина [18, с. 124]. В этой связи на вновь сформированное войсковое правление возлагалась обязанность «засвидетельствовать дворянское происхождение каждого» [18, с. 155]. Соответствующие документы направлялись в инспекторский департамент и департамент военных поселений Военного министерства для рассмотрения и утверждения во дворянстве. Эта норма в целом противоречила общеимперской практике, поскольку рассмотрением дел о правах на дворянство и выдачей соответствующих документов занималась Герольдия правительствующего сената.

Положением о Войске 1835 года также закреплялась и система выборной службы, аналогичная губернской. В должности во внутреннюю службу по гражданскому управлению Войска определялись по общественным дворянским выборам, которые производились на общем основании, определенном для губернских дворянских собраний, «с тем только, что к выборам допускаются все чиновники, имеющие за собой крестьян, в каком бы то количестве ни было» [18, с. 416]. Кроме того, законодательно подтверждались полномочия и круг обязанностей войскового дворянского депутата, который «заменяет собой губернского предводителя дворянства», а также окружных дворянских депутатов, на которых возлагались обязанности уездных предводителей [18, с. 392, 401].

Таким образом, с принятием Положения о Войске Донском донское дворянское общество получило юридическое закрепление своих прав.

Тем не менее в 1840-е годы законодательство о донском дворянстве продолжало развиваться и уточняться. Среди наиболее существенных нормативно-правовых актов этого периода следует назвать ряд указов, уточнявших процесс дворянских выборов и выборной службы на Дону. В апреле 1842 года через Военное министерство на имя наказного войскового атамана поступил указ «о избрании депутатов для составления Войскового депутатского собрания в Новочеркасске» [21]. Служба в депутатском собрании засчитывалась за действительную. Указом от 1 августа 1846 г. на основании представления департамента военных поселений, «для вящей определенности существующего о дворянских выборах в Войске Донском закона», были внесены уточнения в статьи тома 3 Свода гражданских законов. В соответствии с данным документом выборы в должности по войсковому и сословному управлению дозволялось производить не всеми наличными в Войске дворянами, а избранными депутатами по двенадцати от округа [22].

В 40-е годы XIX правительство вновь вернулось к идее о необходимости ограничения роста численности дворянства. 11 июня 1845 г. Николай I издал Манифест «О порядке приобретения дворянства службой». В документе указывалось, что Петр I установил в государстве новые военные чины и присвоил права потомственного дворянства. Это постановление было подтверждено и Екатериной II. Однако русское войско тогда еще было малочисленно, а государственное управление требовало меньшее число чинов. С распространением пределов государства и народонаселения необходимость заставила увеличить число служащих, как на военном, так и на гражданском поприще, увеличение от того дворянского сословия не могло не вызвать внимания императора. В этой связи Николай I постановил: «Поступившие не из дворян в военную службу при производстве в первый офицерский чин получали права личного дворянства, дослужившиеся же до штаб-офицерского чина, приобретали дворянство потомственное» [23].

В этой связи Государственный совет вновь инициировал рассмотрение вопроса о праве на дворянство в казачьих иррегулярных войсках. Военный министр А.И. Чернышев очередной раз подтвердил свое мнение по поводу дворянских прав казачьих офицеров. В его докладе в Государственный совет он отмечал, что никаких грамот или особых постановлений о признании прав потомственного дворянства казачьи войска не имеют, кроме статьи 20 «Свода законов о состояниях» редакции 1835 года. В докладе указывалось, что основаниями для этой статьи были два законодательных акта Павла I «Об уравнении чинов Войска Донского с армейскими» и «О признании детей офицеров бывшего Ямского казачьего полка обер-офицерскими детьми». Полагая, что эти указы не давали казакам тех прав, которые предоставлялись им указанной статьей Свода законов, военный министр в представлении Государственному совету высказывал мнение, «что сравнение казачьих чинов с армейскими имело целью уяснить их значение, но не уравнять их во всех правах и преимуществах, подобно тому, как сравнение гражданских чинов с военными не уничтожило различия их в правах, а число казаков, долженствующих быть признанными потомственными дворянами очень значительно, что может явиться помехой для службы и хозяйства Войска» [24, с. 328-329]. Поэтому А.И. Чернышев предлагал допускать приобретение казаками прав высшего сословия только путем Высочайшего пожалования и получением ордена. Однако этот доклад военного министра не был утвержден.

23 февраля 1848 г. было Высочайше утверждено мнение Государственного совета «О правах на дворянство лиц казачьих иррегулярных войск» [25]. В указе определялось, какие казачьи войска имеют сравнение чинов с армейскими, в связи с чем, в текст «Свода законов о состояниях» вносились следующие дополнения. К статье 26: «по Войску Донскому к потомственному дворянству причисляются: войсковые чиновники, которых при прежних войсковых названиях указом 22 сентября 1798 г. повелено признавать армейскими чинами; лица, произведенные в войсковые офицерские чины, после сравнения их с регулярными войсками указом 22 сентября 1798 г. до состояния Манифеста 11 июня 1845 г.».

Этим законодательным актом дворянство Войска Донского окончательно уравнивалось в правах с высшим сословием Российской империи.

Таким образом, в период правления императора Николая I произошли важные преобразования в системе государственного и местного управления. Была упорядочена структура губернской и уездной администрации, в составе которой существенную роль играли выборные дворянские органы. Дворянская служба по выборам в местных органах власти была приравнена к государственной. Кроме того, важные изменения произошли в военном ведомстве. Император утвердил новую структуру военного министерства в целом и в ней казачьих иррегулярных войск.

Эти направления преобразовательной политики Николая I позволили решить вопрос о правовом статусе дворянства Донского казачьего войска, определить полномочия и структуру дворянских сословных органов в составе войсковой администрации. При этом следует подчеркнуть, что в если российских губерниях военная и гражданская власти были разделены, то Земля войска Донского управ-

лялась войсковыми атаманами в чине генерал-лейтенанта или генерала от кавалерии, которые с 1835 г. наделялись правами генерал-губернатора, управляющего и гражданской частью. Фактически, гражданское и дворянское сословное управление в крае находилось под контролем военных органов, что в значительной степени отличало их от общероссийских органов дворянского самоуправления.

Литература

1. I ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое). Т. XXV. № 18673
2. Горбунова Н.В. Указ 1798 года «Об уравнении чинов Войска Донского с регулярными войсками» и его социальные последствия // Гуманитарные и социально-экономические науки. Ростов-на-Дону, 2019. № 4. С. 96-102
3. Горбунова Н.В. Уездные предводители дворянства в системе местного управления: эволюция законодательства во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. №8 (123). С. 41-46
4. Агафонов А.И. Донская геральдика. Ростов-на-Дону, 2016. 408с.
5. Архив Государственного совета. Т. 4. Царствование императора Александра I. Журналы по делам департамента законов. СПб., 1874. Стб. 871-872
6. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Его Императорского Величества канцелярии / Издан под ред. Н. Дубровина. СПб., 1896. Вып. 8.
7. Романович-Славатинский А.В. Дворянство России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Киев, 1912.
8. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1906. Т. 121.
9. Государственная канцелярия: 1810-1910. СПб., 1910.
10. Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1890. Т. 73.
11. II ПСЗ (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе). Т. VI. № 4989
12. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Т. 9: Свод законов о состоянии людей в государстве. СПб., 1835.
13. II ПСЗ. Т. III. № 1815
14. II ПСЗ. Т. VII. № 5318
15. Кухарук А.В. Реформирование армии правительством Николая I в 1830-е годы / Русский сборник: исследования по истории России. Т. 7: Военная политика императора Николая I / Ред.- сост. О.Р. Айрапетов и др. М., 2009. С. 191 -205
16. II ПСЗ. Т. X. № 8233
17. II ПСЗ. Т. XI. № 9038
18. II ПСЗ. Т.X. № 8163. Положение об управлении Донского Войска. СПб., 1835.
19. II ПСЗ. Т. XII. № 10720
20. II ПСЗ. Т. XV. № 13683
21. II ПСЗ. Т. XVII. № 15591
22. II ПСЗ. Т. XXI. № 20276
23. II ПСЗ. Т. XX. № 19086
24. Столетие Военного министерства. 1802-1902. Главное управление казачьих войск. СПб., 1902. Т. XI. Ч. I.
25. II ПСЗ. Т. XXIII. Отд. 1-е. № 22016

УДК 340.1

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ЧАСТНОГО ПРАВА В ЗАПАДНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

© 2021 г. М.В. Кича

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия 344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66

Rostov Branch of Russian State University of Justice, 66, Lenina St., Rostov-on-Don, 344038

Западная юридическая наука представляет собой своеобразную terra incognita для отечественных ученых-юристов. В настоящей статье автор анализирует общетеоретические проблемы понимания на Западе частного права и исследует основные западные подходы к исследованию данного юридического феномена.

***Ключевые слова**: политико-правовая доктрина, политика, юриспруденция, право, частное право, функционализм, экономический подход к частному праву.*

Western legal science is a kind of terra incognita for domestic legal scholars. In this article, the author analyzes the general theoretical problems of understanding private law in the West and explores the main Western approaches to the study of this legal phenomenon.

***Key words**: political and legal doctrine, politics, jurisprudence, law, functionalism, an economic approach to private law.*

Частное право – это повсеместное явление современной жизни, неотъемлемый элемент наших самых распространенных социальных действий. Оно регулирует правоотношения собственности, которой мы владеем и пользуемся; убытки, которым мы претерпеваем и наносим (либо которых мы избегаем); договоры, которые мы заключаем или разрываем. Частное право есть публичный кладезь наших глубоко укоренившихся представлений о справедливости и личной ответственности.

Частное право также входит в число первых профессиональных дисциплин, которые изучают студенты-юристы во всем мире. Его позиция в учебных программах юридических вузов и факультетов свидетельствует об общепринятом мнении, согласно которому частное право представляет собой элементарное проявление права, аргументационную парадигму юридического мышления и базовую концепцию, которая затем получает развитие в более сложных формах правовой организации. Соответственно, проблематика исследования частного права открывает перед учеными-юристами широчайшие перспективы исследования юридической теории и практики в целом.

Если частное право фундаментально, то неверные представления о нем влияют на наше юриспруденции как таковой. Ключевые проблемы в сфере изучения частного права коренятся в следующих его аспектах:

- характере юридического обоснования;
- пределах судебной компетенции;
- различиях между частным правом и другими отраслями права, а также правовыми режимами;
- соотношении юридических и этических соображений в частноправовой плоскости;
- жизнеспособности наших ключевых юридических договоренностей.

Самая поразительная особенность частного права заключается в том, что оно напрямую связывает две стороны правоотношения через феномен юридической ответственности. Данная связь прослеживается и в юридических процедурах, и в юридической доктрине. Так, судебный процесс в частном праве принимает форму иска, на основании которого конкретный истец предъявляет претензии к конкретному ответчику.

С доктринальной же точки зрения компоненты частноправовых отношений – например, причиненный вред либо ущерб – свидетельствуют о неправомерных действиях ответчика, против которого истец выдвигает свой иск. Таким образом, частное право определяет две стороны правоотношения и одновременно связывает их, не рассматривая их по отдельности, а также игнорируя интересы общество в целом, но апеллируя к фактору юридической ответственности.

Идея о том, что частное право представляет собой особый правовой режим взаимодействия, в настоящее время не имеет особой популярности [1, p. 18]. Согласно распространенному в современной юридической науке мнению, частное право ничем не отличается от других отраслей права. Подобно им, оно является нормативным лишь в той мере, в какой служит признанным обществом целям. Поэтому частное право зачастую понимают посредством этих целей – определяя их, а затем анализируя, насколько успешно частное право их обслуживает.

Однако некоторые ученые в корне не согласны с подобным подходом. Так, канадский профессор Эрнест Дж. Вайнриб предлагает переосмыслить сущность частного права и исследовать его «изнутри». По мнению Вайнриба, данная методика позволяет понять, что вышеназванные общественно значимые цели представляют собой отражение сущности и природы частного права как такового. Кроме того, Вайнриб выражает несогласие с рядом постулатов, принятых в западной юридической науке, в частности, с тем, что:

- право и закон неотделимы от политики;
- юридические концепции не важны и не имеют силы сами по себе, без государственного принуждения;
- частное право по сути является неким «социальным заказом» на справедливость – в той форме, в какой она понимается в том или ином обществе [2, p. 2].

Вайнриб рассматривает частное право как логичное юридическое явление, обладающее четкой внутренней структурой. Также он опирается на юридическую практику и применяет базовые приемы юридического мышления, а также оперирует сугубо юридическими терминами для познания истинной сути частного права. По словам ученого, решающую роль для него играет «согласованность как внутренняя характеристика частного права и, в более общем смысле, как идея, не имеющая внешнего референта» [2, p. 3].

Вместе с тем, нередко ученые-юристы (особенно на Западе) трактуют закон через его цели. Например, чтобы понять деликтное право, мы должны определить цель или цели, которым служит (или должен) служить определенный нормативный правовой акт. Тем не менее, специалисты в сфере деликтного права признают, что его (права, а не закона) целью вовсе не является компенсация жертвам несчастных случаев, сдерживание асоциального поведения либо справедливое распределение в обществе каких-либо выплат.

Иными словами, подобный «функциональный» подход к пониманию сущности права не оправдывает себя. Тем не менее, он прочно закрепился в американской юридической науке. В итоге же озабоченность целями права и закона проявляется непрерывно на протяжении двухсот лет – от юридических концепций Оливера Уэнделла Холмса и Христофора Колумба Лэнгделла (XIX в.) до нынешней правовой политики и «взвешивания» социальных интересов.

Самым наглядным и актуальным проявлением юридического функционализма считается так называемый «экономическая подход к юриспруденции», который позволил провести комплексный анализ стимулирующих эффектов, влияющих на различные аспекты юридической ответственности. Экономический подход, однако, представляет собой лишь наиболее яркий пример современного понимания частного права с позиции целеполагания. Даже те ученые, которые не согласны с экономическим подходом, не отрицают важность целеполагания и не утверждают, что американское «учение о социальных целях» неуместно в принципе. Вместо того чтобы делать упор на такие цели, как максимизация благосостояния или регулирование рынка, они находят им замену – например, защиту юридических прав и свобод. Следовательно, их спор с «экономистами» подразумевает под собой лишь дискуссию о выборе и приоритете целей [1, p. 22].

Функциональный подход к частному праву привлекает исследователей по понятным причинам. Постулируемые цели определяют аспекты человеческого благополучия – например, компенсацию убытков или минимизацию несчастных случаев. Это удобный оперативный инструментарий для реализации, в частности, политических функций. «Целевое» понимание частного права следует из, казалось бы, аксиоматического тезиса: «Цель закона состоит в том, чтобы служить человеческим потребностям» [1, p. 28]. Исходя из этого, ученые должны всего лишь «сбалансировать цели», чтобы оценить успешность господствующей правовой доктрины и сформулировать необходимые рекомендации для политиков и законодателей.

Впрочем, при таком функционализме ценность целей и вовсе не зависит от закона. Продемонстрируем это на примере деликтного права. Действительно, деликтное законодательство может быть изменено или даже отменено, если оно окажется неподходящим средством для достижения заявленных целей. Однако сами цели приобретают юридическую силу и значимость именно благодаря деликтному праву.

Подытожим вышесказанное. Фактически функционалист смотрит на список избранных социальных целей через сетку частного права. Частное право имеет значение для него лишь постольку, поскольку оно способствует или мешает достижению целей. Таким образом, юрист-функционалист сходит с собственно юридической орбиты и попадает в орбиту социологическую. Отныне он занимается не частным правом, а теорией социальных целей, в которую частное право может даже не включаться (либо включаться ограниченно и опционально).

Однако частное право – это нечто гораздо больше, нежели просто совокупность его результатов. Помимо всего прочего, оно также включает в себя набор юридических и политико-правовых концепций, характерную институциональную структуру и определенный способ рассуждений. Эти аспекты явля-

ются неотъемлемыми элементами внутренней структуры частного права, и их нелегко сопоставить с внешними цели. Игнорируя либо отвергая указанные элементы, функционализм игнорирует либо отвергает и саму сердцевину частного права как подлинно юридического явления.

Литература

1. Posner, R.A. Economic Analysis of Law. London: I.B. Tauris, 2018.
2. Weinrib, E.J. The Idea of Private Law. Oxford: Oxford University Pres, 2012.

УДК 340.12

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАПАДНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

© 2021 г. Г.С. Працко

Донской государственный технический университет 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Don State Technical University 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия 344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66

Rostov Branch of Russian State University of Justice, 66, Lenina St., Rostov-on-Don, 344038

Ростовский государственный университет путей сообщения 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2

Rostov State Transport University 2, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolchenija Square, Rostov-on-Don, 344038

В настоящей статье исследуются основные компоненты либерализма как политико-правовой доктрины. Автор подробно анализирует их сущностную характеристику. Помимо того, в статье представлена краткая характеристика либерального учения в XX в., а также определены его основные проблемы и противоречия.

***Ключевые слова**: политико-правовое учение, политико-правовая доктрина, либерализм, право, права человека, фашизм, коммунизм.*

This article examines the main components of liberalism as a political and legal doctrine. The author analyzes in detail their essential characteristics. In addition, the article presents a brief description of the liberal doctrine in the XX century, as well as identifies its main problems and contradictions.

***Key words**: political and legal doctrine, political and legal doctrine, liberalism, law, human rights, fascism, communism.*

Согласно политико-правовому учению либерализма, общество базируется на морали, которая, в свою очередь, основана на личных интересах, взаимной поддержке и уважении. Движущей силой либерального общества является личный интерес, однако он должен существовать в условиях баланса политических институтов и политической власти в обществе. Таким образом можно избежать как хаоса, так и тирании.

Либерализм имеет ряд ключевых компонентов:

1) личность и ее права;
2) оптимистичный взгляд на человеческую природу;
3) вера в прогресс;
4) идея свободы;
5) ограничение государственной власти;
6) интернационализм.

Рассмотрим каждый компонент подробно.

1. Личность и ее права – фундаментальный либеральный конструкт. Каждый человек уникален и наделен определенными правами в силу своего рождения (в соответствии с теорией юснатурализма). Это краткое обоснование либеральной идеи равенства как основы всеобщей справедливости. Согласно доктрине классического либерализма, такой подход приносит пользу обществу в целом. Например, Джон Стюарт Милль в знаменитом трактате «О свободе» высказывается в пользу защиты прав человека, отмечая, что: «Единственная цель, с которой можно по праву осуществлять власть над любым членом цивилизованного сообщества против его воли, – это предотвратить причинение вреда другим» [1, с. 113].

Согласно политико-правовой идеологии либерализма, благосостояние человека является высшим благом и данный принцип должен лежать в основе общества. Наряду с позитивным отношением к личности приходит терпимость к индивидам и социальному плюрализму в целом. Британские либералы XVIII – XIX вв. защищали религиозную свободу и выступали против привилегированного статуса определенных конфессий – например, адептов Англиканской церкви. В XIX в. либералы отстаивали права рабов, в XX в. – продвигали права представителей ЛГБТ-сообщества, а также идеи гендерного и расового равенства, права инвалидов и гражданские права в целом. Некоторые даже пытались наделить определенными правами животных – особенно высших приматов (горилл и шимпанзе).

С точки зрения либералов, государство существует для того, чтобы гарантировать и обеспечивать права человека. Эти права являются неотъемлемыми и неотчуждаемыми. Согласно различным либеральным трактовкам, они происходят от Бога (или Природы), поэтому их защита является главной обязанностью правительства. Государство не может отобрать эти права. Теоретически оно может злоупотреблять ими либо не признавать их, но права человека не являются государственной собственностью, которой можно распоряжаться. На практике либералы исторически ратовали за документальное оформление и закрепление прав, в частности в Конституции США и британском Законе о правах человека (2000).

По отношению к различным социальным группам либералы выступают за терпимость. Идеологический плюрализм, в рамках которого свободно конкурируют всевозможные убеждения, ценности и интересы, считается благом. Либералы традиционно осуждают цензуру и требуют максимальной свободы слова (хотя на практике она ограничена в соответствии с законами о клевете и подстрекательстве к расовой ненависти). В отличие от консерваторов, либералы не видят в идеологическом плюрализме фактор, способный вызвать разногласия в обществе. Их терпимость уже проявилась в положительном отношении к правам евреев на заре XIX в. и в принятии (или даже приветствии) мультикультурного общества в конце XX в.

Согласно либеральным воззрениям, религия является частным, а не государственным делом. Конечно, легко терпеть взгляды, с которыми мы согласны. Но настоящая проверка либерализма – это допустимость приверженности и распространения альтернативных взглядов – в частности, тех, которые выражают нетерпимость: фашизма, расизма, сексизма и др. Либералы же обязаны защищать либеральные ценности и бросать вызов нелиберальным. Терпимость не означает, что человек должен быть беспрекословно непредубежденным, и все взгляды не должны рассматриваться как имеющие одинаковую моральную ценность.

С темой толерантности тесно связана общелиберальная склонность к гуманизации таких вопросов как обращение с заключенными и содержание животных. Однако доктрина либерализма не говорит, как реагировать на действия и позиции антилиберальных социальных институтов и социальных групп (например, католической церкви, которая запрещает аборты, или исламских фундаменталистов, отрицающих права женщин). Эта дилемма обострилась после дела Салмана Рушди: его книга «Сатанинские стихи» (1988) привела в ярость мусульман из-за своего предполагаемого богохульства. Иранский аятолла Хомейни приговорил писателя к смерти, и большинство либералов встало на защиту Рушди на основании свободы слова. Некоторые либералы, однако, были обеспокоены тем, что книга якобы использовала свободу слова для оскорбления мусульман.

2. Оптимистичный взгляд на человеческую природу. Либерализм склонен оптимистично относиться к человеческой природе, которая воспринимается как индивидуальная, не подверженная большому влияния со стороны общества, истории и культуры. В основе этого оптимизма лежит мнение, что либеральные принципы, касающиеся человеческой природы, имеют универсальную ценность и применимы ко всем обществам на всех уровнях социального и экономического развития. Поэтому либералы поддерживают правозащитные движения и не верят оправданиям либо отказам в соблюдении прав человека по каким-либо причинам (культурным, экономическим, организационным и др.).

Согласно идеям либерализма, расширение свободы способствует прогрессу – моральному, образовательному и материальному. Люди будут действовать и мыслить рационально, если у них есть свобода. Рациональность – ключевой элемент либеральных взглядов на человеческую природу. По мне-

нию либералов, люди способны решить, что лучше для них, анализируя преимущества и недостатки различных вариантов поведения. Исходя из этого, разногласия предлагается решать путем споров, но не насилия.

3. Вера в прогресс. Оптимизм либералов по отношению к природе человека очевиден также в их отношении к прошлому. Либералы, в отличие от консерваторов, гораздо менее склонны воспринимать прошлое как источник мудрости или рассматривать древность институтов как гарантию их ценности. Исторически либералы были дружелюбны по отношению к науке. В целом, они смотрят в будущее с оптимизмом, полагая, что социальное улучшение не только возможно и желательно, но, вероятно, произойдет в долгосрочной перспективе.

4. Идея свободы. Либеральное отношение к человеческой природе, прогрессу и личности обусловило высокую оценку свободы. Милль, например, говорил даже о «суверенитете личности». Свобода в либеральной трактовке означает:

- свободу отдельного человека, нации и социальной группы от угнетения;
- свободу экономической деятельности;
- свободу мысли и слова.

Однако признается, что свобода не является абсолютной – должны присутствовать некие ограничения в отношении тех, кто, пользуясь своей свободой, посягают на свободу других. Либералы полагают, что ограничения должны быть мягкими, но вычислить степень «мягкости» они не могут. Поэтому большинство либералов признает, что свобода возможна только в рамках закона для урегулирования споров между людьми. Как говорил Джон Локк: «Где нет закона, нет и свободы. Ибо свобода должна быть свободна от ограничений и насилия со стороны других, чего не может быть там, где нет закона» [2, с. 54].

Человеческий разум и человеческая энергия, стимулируемые жизнью в свободном обществе, обеспечивают социальную саморегуляцию и социальный прогресс. Моральная основа этих отношений – естественный закон и естественные права, которые в теории гарантируют людям мирное и гармоничное сосуществование. Следовательно, государство должно создавать условия, в которых такая жизнь возможна, и стремиться к максимальной степени свободы. Репрессии, напротив, неэффективны, аморальны и дестабилизируют социум. Таким образом, для либералов свободное общество – это стабильное общество, а стабильное общество – это общество, в котором процветает свобода.

В XVIII – XIX вв. либералы рассматривали государство как самую серьезную угрозу свободе. Позже они осознали, что свободу рядового гражданина ограничивают несправедливое распределение материальных благ и политической власти. В XX в. это привело к разногласиям в лагере либералов. Фридрих фон Хайек в трудах «Дорога к рабству» (1944), «Конституция свободы» (1960) и «Закон, законодательство и свобода» (1993) выступал за верховенство закона как за фундаментальный принцип справедливости. Джон Ролз в книге «Теория справедливости» (1970) утверждает, что неравенство допустимо, только если оно способствует преимуществу «наименее благоприятных». Он верит в гражданские свободы для всех как в базис принципа справедливости. По мнению Ролза, на практике материальное неравенство в конечном итоге может принести пользу даже самым бедным гражданам. Однако благополучие играет важную роль в обеспечении определенной степени равенства и справедливости [3, с. 337-339].

5. Ограничение государственной власти. Как правило, либералы склонны относиться к государству с подозрением, видя в нем угрозу правам человека. Но все же государство есть необходимый «слуга», нанятый для обеспечения правопорядка и защиты индивидуальных прав. Однако этого «слугу» следует строго контролировать, и его можно уволить, если он нарушит «трудовой договор». Органы управления должны быть организованы таким образом, чтобы минимизировать всяческие риски, отсюда принцип разделения властей и сопутствующая ему система сдержек и противовесов.

Шарль-Луи Монтескье сформулировал данную теорию в ее нынешнем виде в трактате «О духе законов» (1748). Он считал, что, поскольку каждый человек, наделенный властью, склонен злоупотреблять ею, для предотвращения такого злоупотребления «власть должна быть побеждена властью». Признание этого является основой закрепленных прав и писаных конституций в политических системах, выстроенных на принципе верховенства закона. Указанное направление либеральной мысли развивалось и в XXI в., когда либералы проявляли энтузиазм по поводу конституционной реформы в Великобритании.

Может показаться, что демократия является естественным партнером либерализма, но это не так. Либералы исторически боятся толпы и ее невежества; боятся так же, как и аристократы, отсюда, например, и акцент на «сбалансированности» государственных институтов в конституции США. Ни один современный либерал не поддержит дифференцированную избирательную систему, основанную

на имущественном или образовательном цензе, но согласится с демократической системой правления и сменяемостью власти.

6. Интернационализм. При исследовании либерализма этой темой часто пренебрегают, но она важна. Ее практическое применение нашло выражение в либеральном акценте середины XIX в. – акценте на «свободной торговле» как средстве обеспечения мира и универсалистском характере прав человека, которые следует защищать, когда им угрожают внешние враги. Многие либералы протестовали против британского империализма в XIX в., объясняя это тем, что он не был необходим для торговли и экономического развития – и нарушал права населения британских колоний. Некоторые либералы выражали недовольство вступлением Великобритании в Первую мировую войну – несмотря на то, что войну Германии объявило либеральное правительство. Либерал Джон Мейннард Кейнс резко критиковал Версальский договор (1919), наложивший на Германию карательные финансовые репарации, однако его единомышленники решительно поддержали Лигу Наций, учрежденную этим договором. По их мнению, система «коллективной безопасности» была призвана объединить государства для сопротивления агрессору и олицетворяла новый баланс сил в международных отношениях, создавая общество, основанное на законе.

Впрочем, провал Лиги Наций и концепции коллективной безопасности с началом Второй мировой войны не разрушил либеральную веру в интернационализм. Либералы энергично поддерживали Организацию Объединенных Наций с момента ее основания в 1945 г. Потом они искренне радовались вступлению Великобритании в Европейский Союз, да и вообще приветствовали проект европейской интеграции. Этот интернационализм проистекает из либеральной веры в свободную торговлю и в то, что люди пользуются своими правами ради собственных интересов и в силу некой единой человеческой природы, а не в соответствии с нормами конкретного общества или культуры, где они родились и живут.

Всеобщая декларация прав человека, прилагаемая к Уставу ООН, является классическим текстом, который наглядно демонстрирует либеральные принципы. Однако либеральные взгляды не всегда подразумевают определенные политические предпочтения адептов либерализма. Например, в 1930-е гг. либералы разделились, не сумев прийти к консенсусу по поводу «умиротворения» нацистской Германии. В последние десятилетия они спорят о военной интервенции Запада в регион Персидского залива, на Балканы, в Африку, Афганистан и Ирак.

Сегодня либерализм кажется универсальной политико-правовой идеологией, и его ключевые постулаты принимаются почти автоматически, особенно на Западе. Либерализм зародился в XVII в., развился в XVIII в. и расцвел в XIX в. с возникновением классического либерализма. К началу XX в. либеральные доктрины подверглись значительному пересмотру и сформировался неолиберализм.

Либералы оптимистично смотрят на человеческую природу, будущее и возможности прогресса. Свобода ценится высоко, в то время как государство рассматривается с некоторым подозрением как потенциальная угроза личной свободе. Частная собственность и рыночная экономика эффективны с экономической точки зрения, хотя могут подрывать другие права и свободы человека и гражданина. Национальная независимость обычно приветствуется либералами, хотя они явно отдают предпочтение международному праву и отвергают империализм.

Можно сказать, что в XX в. либерализм победил своих основных противников – фашизм и коммунизм – однако он сам неоднократно подвергался критике. Рыночная экономика не обязательно порождает социальную справедливость. Либералы до сих пор не разработали адекватные способы борьбы с такими проблемами как преступность, бедность, терроризм и уничтожение окружающей среды. Тем не менее, либерализм в большей степени, чем любая другая идеология, обладает встроенной способностью к самокритике и изменениям, которые служат хорошим предзнаменованием для его будущего.

Литература

1. Милль Дж. С. О свободе. М.: АСТ, 2017. 240 с.
2. Локк Дж. Два трактата о правлении. Челябинск.: Социум, 2005. 494 с.
3. Ролз Дж. Теория справедливости. СПб.: Питер, 2016. 536 с.

УДК 340

О ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОТДЫХ КОЛХОЗНЫХ КРЕСТЬЯН СССР

© 2021 г. С.В. Филатов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье проводится исторический обзор проблемы становления и реализации права на отдых колхозного крестьянства. Автор подчеркивает обусловленность процесса развития нормы права на отдых для крестьян не только политическими, но и экономическими факторами – степенью механизации и электрификации труда в сельскохозяйственном производстве. В статье делается вывод о формальном закреплении данного права при отсутствии возможностей для его практической реализации крестьянами вплоть до конца 1960-х гг.

Ключевые слова: *колхозное крестьянство, социальные права граждан, советская деревня, конституционное законодательство, устав колхоза, профсоюз, социальные выплаты, социальная поддержка населения.*

In the article, a historical review of the problem of the formation and realization of the right to rest of the collective farm peasantry is carried out. The author emphasizes the conditionality of the development of the norm of the right to rest for peasants, by not only political, but also economic factors - the degree of mechanization and electrification of labor in agricultural production. The author concludes that this right is formally enshrined in the absence of opportunities for its practical implementation by peasants until the end of the 1960s.

Keywords: *collective farm peasantry, social rights of citizens, Soviet village, constitutional legislation, collective farm charter, trade union, social payments, social support of the population.*

Первые послевоенные десятилетия характеризовались активизацией процессов разработки и формального закрепления правовых норм, защищающих гражданские и личные права человека. Одним из таковых стало право на отдых как неотъемлемая часть социальных прав граждан. Одними из важнейших этапов закрепления этого права на международном уровне являются принятые Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (статья 22) и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека 1966 г. (статья 7). Особенностью данных документов, наряду с утверждением прав на труд и социальное обеспечение, явилось установление неразрывной связи права на отдых с такими важными нормами как обеспечение граждан благоприятными условиями труда, ограничение рабочего времени, предоставление оплачиваемого отпуска и др. [1, с. 201].

Закрепление нормы права на отдых в масштабах международного и национального, прежде всего конституционного, законодательства к середине XX века было как результатом развития теории о правах личности, так и итогом борьбы рабочего движения за сокращение рабочего времени. Права на труд и отдых формировались параллельно в процессе становления индустриального общества, будучи актуализированы социальными слоями, непосредственно участвующими в промышленном производстве, где отсутствовали естественные ограничения трудовых отношений, как в традиционном сельском хозяйстве. По этой причине крестьянство оказалось на обочине борьбы за «рабочее законодательство». В аграрно-индустриальных странах, таких как Россия, повесткой дня для крестьянства выступал вопрос о земле и экономической свободе. В патриархальном сельском хозяйстве России первой четверти XX века, почти не знавшем электричества и механизации производства, нормирование труда и отдыха крестьян обуславливалось функциями традиционного общинного уклада и непосредственным влиянием природных циклов [2, с. 184]. Этим, в частности, объясняется своеобразие советского законодательства в отношении прав на отдых колхозного крестьянства.

Конституция «победившего социализма» 1936 г. впервые в истории России закрепила всеобщее, безотносительно социальной принадлежности граждан, право на отдых (ст. 119): «Граждане СССР имеют право на отдых. Право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением для обслуживания трудящихся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов» [3, с. 112]. Спустя 40 лет эта норма была подтверждена и расширена Конституцией «развитого социалистического общества» (ст. 41), где впервые была выделена и категория колхозных крестьян [3, с. 124]. Таким образом, специфика советского законодательства состояла в

том, что гарантиями реализации права на отдых обеспечивались с 1936 г. только рабочие и служащие. У крестьян же, вплоть до конца 1960-х гг., формально обладавших этим правом, фактически отсутствовали условия для его практической реализации. С появлением Конституции 1977 г. гарантии данного права были предоставлены непосредственно колхозам, нормировавшим продолжительность рабочего времени и отдыха [4, с. 56].

Нормы советского законодательства о праве граждан на отдых и связанных с ним других социальных прав представлялись как завоевания социалистической общественной системы, были «эталонными» для аналогичных норм в конституциях других социалистических стран, являясь индикатором легитимности недемократического политического режима. Сущностное содержание права на отдых непосредственно увязывалось с такими нормами как предоставление трудящимся права на ежегодный оплачиваемый отпуск, законодательное ограничение продолжительности рабочего дня, а также установление выходных и праздничных дней [5, с. 98]. «Материальными» гарантиями для реализации права на отдых в условиях административно-командной экономической системы выступала включенность населения в сферу услуг государственных «культурно-просветительных» и «оздоровительных учреждений». Последнее обеспечивалось посредством функционирования профсоюзов и программ государственного социального страхования, которые до определенного времени не охватывали значительную часть населения – колхозных крестьян. Вплоть до конца 1950-х гг. труд колхозников регулировался традициями с учетом естественного сельскохозяйственного цикла, который задавал интенсивность труда, определял количество выходных дней [2, с. 185]. По мере углубления процессов модернизации сельского хозяйства традиционные механизмы регулирования труда и отдыха становились недостаточными. Ставшие новым явлениям в деревне с 1930-х гг. электрификация и механизация сельхозпроизводства вели к формированию близких к индустриальным новым ритмам труда, что потребовало их нормативного регулирования [2, с. 186].

До 1969 г. эта проблема рассматривалось как сугубо внутреннее дело сельхозартели и решались на основе ее Устава. Исключение здесь составляют только постановления ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 1939 и 1946 гг. об обязательном минимуме трудодней для колхозников, определявшие наименьший уровень трудового участия (от 60 до 100 трудодней в год), но не ограничивавшие его возможный максимум [6, с. 21]. То есть, они не были связаны с реализацией конституционных прав и носили административно- мобилизационный характер. Определявшиеся Уставом колхоза вопросы организации труда и отдыха не подкреплялись какими-либо материальными гарантиями в силу ограниченных финансовых возможностей хозяйств. Согласно нормам Примерного Устава 1935 г. колхозы имели право создавать социально-культурные фонды для оказания помощи престарелым, инвалидам и других целей, куда могли отчислять до 2% от валовой продукции. Также крестьяне могли воспользоваться общественными кассами взаимопомощи [4, с. 272]. Однако при учете «конфискационного» характера заготовительной государственной политики 1930-х – 1940-х гг. реальный потенциал этих фондов и касс был чрезвычайно скромным [2, с. 187]. Кроме того, Примерные Уставы колхоза и кассы взаимопомощи формально не регламентировали ни порядка, ни норм материальной поддержки нуждающихся. Экономически крепкие сельхозартели могли принимать свои положения о социальном обеспечении, но это не влияло на благосостояние советского крестьянства в целом [7, с. 319]. Такая ситуация в области социального обеспечения для значительной части населения советской деревни была типичной до 1964 г., когда появился закон о государственных пенсиях и пособиях членам колхозов.

С принятием нового Примерного Устава колхоза в 1969 г. право на отдых вместе с другими правами крестьян (на труд, гарантированную оплату труда, безопасные условия труда) стало непосредственно проводиться в жизнь. В Уставе нашли отражение обязательный минимум трудового участия и продолжительность рабочей недели, определявшиеся общим собранием колхозников и закреплявшиеся в Правилах внутреннего распорядка хозяйства [8, с. 267]. Как правило, в сельхозартелях с конца 1960-х гг. устанавливали 6-дневную рабочую неделю с еженедельными выходными, хотя на пике сезона сельскохозяйственных работ эти нормы нарушались [2, с. 187]. Также, новый Устав закрепил практику предоставления колхозникам оплачиваемых отпусков. Сельхозартели имели право самостоятельно определять продолжительность отпуска и размеры его оплаты в рамках закрепленных норм. Так, например, согласно Уставу, для основной категории работающих продолжительность отпуска должна была составлять не менее 15 дней, тогда как для руководителей и специалистов сельского хозяйства предусматривались еще 6-12 дополнительных дней. Отпуск предоставлялся работникам только при условии выработки минимума трудодней, а размер его оплаты зависел от среднемесячного заработка. При этом, крестьяне имеющие награды и почетные звания могли рассчитывать на денежное вознаграждение и бесплатные путевки [4, с. 177].

С начала 1970-х гг. социальные выплаты в колхозах производились из централизованного фонда социального страхования, куда по решению III Всесоюзного съезда колхозников (1969 г.) сельхозартели отчисляли не менее 2,5% от фонда оплаты труда. Из средств фонда крестьяне получали по-

собия, приобретали путевки в санатории и дома отдыха. Таким образом, крестьянство оказалось охвачено общегосударственной системой социального страхования, которая обеспечивала «материальную» поддержку реализации права на отдых [9, с. 55].

Положительные изменения в экономическом положении колхозов, связанные с реформами 1950-х и ростом благосостояния села, обусловили и другой фактор обеспечения права на отдых колхозников – строительство собственных санаториев, пансионатов и домов отдыха. С конца 1950-х гг. «колхозы-миллионеры» стали реализовывать разнообразные проекты организации отдыха своих тружеников. Так, например, в колхозе «Красная нива» Балашихинского района Московской области во второй половине 1960-х гг. был построен собственный пансионат, в котором стали регулярно проводить отпуска работники хозяйства [10, с. 67]. Колхоз им. Калинина Мытищенского района Подмосковья в 1968 г. начал обеспечение крестьян бесплатными путевками для лечения в санаториях юга РСФСР [10, с. 70]. Строительство за счет средств колхозов, совхозов и фондов социального страхования рекреационной инфраструктуры в 1970-е гг. приобрело более широкий размах. Например, за указанный период в СССР было возведено около 300 санаториев, 400 пионерлагерей, в том числе «Золотой колос» (Алупка), «Нива» (Пятигорск), «Катунь» (Белокуриха), «Прикамские нивы» (Усть-Качка) [10, с. 71-73].

Данные официальной статистики подтверждают положительные изменения в сфере реализации крестьянами конституционного права на отдых. Так, за период 1965 – 1978 г. крестьянами СССР было получено 12 млн путевок, из них к концу 1970-х гг. около 1150 тыс. были бесплатными и льготными. За 1971 – 1978 гг. с 23 до 43 млн руб. выросли расходы централизованного фонда социального страхования по санаторно-курортному обслуживанию колхозников. Всего же колхозным крестьянам в 1970 – 1978 гг. было выплачено по социальному страхованию более 480 млн рублей [2, с. 188].

Рассматривая проблемы реализации права на отдых среди колхозников, необходимо обратить внимание на особенности формирования и режима использования в СССР сети санаторно-курортных учреждений. В частности, система санаторно-курортного обслуживания включала два вида санаториев: ведомственные и профсоюзные. После национализации курортов в 1921 г. постановлением СНК «О домах отдыха» был определен порядок предоставления рабочим и служащим возможности проведения отпуска через профсоюз [1, с. 83]. Последним проводился и контроль по предоставлению путевок. Наряду с профсоюзными с конца 1920-х гг. стали появляться ведомственные санатории (управлявшиеся через ведомственные профсоюзы), возведенные за счет средств союзных и республиканских министерств, ведомств, крупных предприятий, творческих объединений [1, с. 84]. Таким образом, подконтрольная профсоюзам система санаторно-курортного лечения не охватила крестьянство. Тем не менее, часть сельских жителей – работники совхозов, МТС, заготовительных организаций – имела возможность воспользоваться ее благами, в частности, через возникший в 1919 г. профсоюз служащих сельского хозяйства. В функции последнего, кроме прочего, входило регулирование условий, продолжительности, оплаты труда работников земельных органов и совхозов. В 1931 г. на его основе было сформировано четыре профсоюза: для рабочих земледельческих совхозов, животноводческих совхозов, сахарной промышленности, МТС и батраков. В 1953 г. после череды организационных перестроек на их основе был создан единый профсоюз рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок, который в 1977 г. был переименован в профсоюз работников сельского хозяйства [4, с. 269].

Наряду с этим, в связи с реорганизацией МТС в 1958 г. в колхозах стали появляться профсоюзные группы, т.к. за механизаторами и специалистами МТС, перешедшими в колхозы, сохранялось членство в профсоюзах и право на государственное социальное страхование [10, с. 34]. Рост числа членов профсоюза сельскохозяйственных работников в конце 1950-х гг. был обусловлен также и практикой реорганизации колхозов в совхозы. Наконец, в 1965 г. было утверждено Положение «О профсоюзном комитете колхозов», узаконившее право крестьян участвовать в профсоюзном движении, что сделало доступным для них учреждения санаторно-курортного комплекса ВЦСПС [10, с. 38]. К концу 1970-х гг. около 12 млн колхозников (или 83% от всех работающих крестьян) стали членами профсоюза. К концу 1980-х гг. в составе профсоюза насчитывалось уже более 27 млн членов - работников колхозов, совхозов, обслуживающих сельское хозяйство отраслей промышленности [10, с. 42].

Таким образом, при декларировании советским законодательством всеобщего права на отдых в СССР долгое время отсутствовали равные возможности в его реализации для категории колхозного крестьянства. Для рабочих и служащих данное право декларировалось государством не только на уровне основного закона, но и обеспечивалось трудовым законодательством, законами по социальному обеспечению и формирующейся системой санаторно-курортного обслуживания, реализуемой через профсоюзы. Реальная практика обеспечения права на отдых для колхозного крестьянства стала складываться только с середины 1960-х гг., но в силу проблем колхозной экономики не получила качественного развития. Неравенство в реализации права на отдых сохраняется и сегодня. В настоящее время оно усугубляется многоукладностью экономической сферы, снижением уровня государственных

социальных гарантий, а также реальным уровнем жизни. Сельское население в этом отношении продолжает оставаться наиболее ущемлённой социальной группой.

Литература

1. Астрахан Е.И. Развитие законодательства о пенсиях рабочим и служащим. Исторический очерк (1917 - 1970 гг.). М., 1971. 216 с.
2. Мазур Л.Н. Право на отдых в СССР: социальный аспект реализации // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII-XX веков: макро- и микропроцессы. Сб. статей / науч. ред. Г. Е. Корнилов, В. А. Лабузов. Оренбург, 2010. 616 с.
3. Социальное обеспечение в СССР: Сб. нормат. актов / Сост. Захаров М. Л., Писков В. М. М., 1986. 798 с.
4. Михалкевич В.К., Шедерова Г.С. Комментарий к законодательству о пенсиях и пособиях членам колхозов. М., 1987. 399 с.
5. Астрахан Е.И. Принципы пенсионного обеспечения рабочих и служащих в СССР. М., 1961. 127 с.
6. Иванов А.С. Права и обязанности членов колхоза. М., 1970. 33 с.
7. Социальное обеспечение и страхование в СССР: Сб. нормат. актов / Сост. М.Л. Захаров, В.М. Писков. М., 1979. 543 с.
8. Социальное обеспечение и страхование в СССР: Сб. нормативных актов. М., 1974. 432 с.
9. Козлов И.И., Слуцкий С.Я. Профактиву о санаторно-курортном обслуживании трудящихся. М., 1984. 96 с.
10. Шкуратов И.Ф. Профсоюзу работников сельского хозяйства – 60 лет. М., 1979. 80 с.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342

ПРАВО НА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ФАБУЛЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВОК И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

© 2021 г. М.В. Мархгейм

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В статье рассмотрено право на национальность в сопряжении с конституционными поправками 2020 г. и конституированными ими национальными интересами. Сделан вывод, что в России конституционное право на национальность относится к интегративным, получающим смысловое наполнение в совокупности диспозиций конституционных норм статьи 26, является личным и реализуемым как в индивидуальном, так и коллективном порядке. Отмечено, что оно может ограничиваться на условиях и по причинам, определенным конституционными нормами статей 55 и 56. При этом национальные интересы государства наряду с обеспечительным могут оказывать и ограничительное влияние в отношении права личности на национальность.

Ключевые слова: *конституционные права личности, право на национальность, национальная самоидентификация, национальные интересы, конституционные поправки.*

The article considers the right to nationality in conjunction with the constitutional amendments of 2020 and the national interests they constitute. The author concludes that in Russia the constitutional right to nationality is an integrative right, which is given meaning in the totality of the dispositions of the constitutional norms of article 26, is personal and is implemented both individually and collectively. It is noted that it may be limited on the conditions and for the reasons defined by the constitutional norms of articles 55 and 56. At the same time, the national interests of the State, along with the security right, can also have a restrictive influence on the right of an individual to nationality.

Keywords*: constitutional rights of the individual, the right to nationality, national self-identification, national interests, constitutional amendments.*

В обновленном тексте Конституции Российской Федерации появились дополнительные нормы, в формулировках которых содержатся слова «национальный» (в соответствующем падеже и числе) применительно к интересам (п. «ж» ст. 83) и его однокоренной «сородич» «многонациональный» применительно к союзу «равноправных народов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 68) и к народу, «уникальным наследием» которого является культура в Российской Федерации (ч. 4 ст. 68).

Конституционализация национальных интересов в рамках полномочий главы Российского государства представляется не только вполне логичной в силу конституционной прерогативы Президента Российской Федерации определять основные направления внутренней и внешней политики государства (ч. 3 ст. 80), но и весьма востребованной в условиях современных вызовов и рисков. Одновременно значимо подчеркнуть, что Президент России – также на конституционном уровне – определен в качестве гаранта прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 80), чем, как представляется, конкретизировано положение о конституционных обязанностях Российского государства признавать, соблюдать и защищать такие права (ст. 2).

Конституционные гарантии в полной мере относятся и к такому деликатному и «чувствительному» личному праву, как право на национальность. В такой формулировке оно в конституционных положениях не закреплено, но при должном целеполагании несложными логическими приемами выводимо из текста Конституции России посредством совокупного толкования ряда ее статей, ядром которых выступает ст. 26. Отдельные аспекты национальных прав в конституционно-правовом ключе исследовались с позиции регулирования национальных отношений [1], национально-культурной автономии [2], права на определение и указание национальной принадлежности [3], права на национальную самоидентификацию [4].

Интегральное рассмотрение права на национальность и национальных интересов России обусловлено двумя принципиальными обстоятельствами. С одной стороны, совокупность проживающих на территории государства людей располагается в фокусе национальных интересов, при том что каждая единица этой совокупности обладает национальными правами. Содержательно они отнесены к разряду личных прав, а вкупе с хронологическим критерием – как к первому (в индивидуальном проявлении), так и третьему (в коллективном понимании) поколениям. Как уже ранее отмечалось, «Национальные личные права существуют в сфере индивидуального самоопределения человека и непосредственно связаны с его национальной самоидентификацией (выбором национальности, родного языка, образа жизни). Права национальных общностей означают право этнического коллектива идентифицировать себя как определенный народ, народность, нацию в зависимости от признаков, присущих перечисленным национальным сообществам и конкретному этносу» [5]. С другой стороны, Российская Федерация находится в числе крупнейших мировых многонациональных государств, о чем свидетельствуют данные прошедшей в 2010 г. Всероссийской переписи населения: в России проживают представители 193 народов» [6], большинство из которых «эндемики». Следовательно, только Российское государство в ответе за их сохранение и защиту. При этом появились и новые результаты, связанные, как представляется, со снятием ограничения на национальную самоидентификацию: граждане России указали свою принадлежность к таким народам, как казачий, поморский, скифский и даже эльфийский. С одной стороны, это реализация права на национальность в его самоидентификационном проявлении, с другой – основание задуматься над вопросом адекватности национально-этнической структуры нашего общества, в том числе в целях формулирования и реализации национальных интересов.

Отметим, что раз в десять лет данные Росстата о численности и составе населения регионов России проходят проверку этим значимым и серьезным мероприятием. Напомним, что новые сроки переписи населения ввиду появившейся угрозы распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 перенесены с октября 2020 на октябрь 2021 года.

Заявительная национальная самоидентификация имеет и правовую платформу. Декларационная версия права каждого на национальность (национальную самоидентификацию) отражена в ст. 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. путем фиксирования недопустимости рассматривать национальное происхождение в качестве основания любого различия в отношении обладания всеми правами и свободами. В современных условиях значимость данного положения не утрачивается. Это связано, с одной стороны, с известной конкуренцией глобализации и ее противоположности, с другой – сохраняющимися по всему миру этническими конфликтами. Последние – нередко следствие явной или латентной дискриминации по национальному/этническому признаку.

В России недопустимость дискриминации по любому основанию возведена на конституционный уровень. В ч. 2 ст. 19 содержатся две группы «запретных» для этого оснований: объективные, полученные человеком по факту рождения (пол, раса, национальность, происхождение), и производные (имущественное и должностное положение, место жительства, отношение к религии, убеждения, принадлежность к общественным объединениям и др.). Отметим, что открытый перечень таких оснований является гарантией от «изобретателей» дискриминационных критериев, типа цвета

глаз, длины волос, охвата головы или «весовой категории». Одновременно запрещены любые формы ограничения прав как по признакам социальной, расовой, языковой, религиозной, так и национальной принадлежности.

Поскольку, как дополнительно подчеркнуто в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., Россия является одним из крупнейших многонациональных (полиэтнических) государств мира, постольку требуется повышенное внимание к связанной с этим сфере национальных интересов.

Каждому «носителю национальности» адресованы государственные гарантии его соответствующей самоидентификации в рамках конституционной нормы, закрепившей право каждого «определять и указывать свою национальную принадлежность» (ст. 26) наряду с запретом на принуждение к этому. Прямым следствием здесь является выведение национальности из «паспортного поля»: в Паспорте гражданина России больше нет графы «национальность». Ее нет и в большинстве анкет, необходимых к заполнению при поступлении в ВУЗ или приеме на работу. Такому решению есть объективное объяснение: национальность есть естественное (самоопределенное), а не волеустановленное право. В этом кроется и определенный правозащитный смысл: по меньшей мере, элиминируется документальное основание для дискриминации по национальному признаку при ее запрете вообще.

Однако такой подход актуализирует непраздный вопрос: а как быть тем, кто желает, осознает и трепетно относится к своей национальности? Абсолютизация в этом вопросе оборачивается если не дискриминацией, то ограничением возможности реализации человеком своего конституционного права не только определять, но и указывать собственную национальную принадлежность.

Определенности с национальной самоидентификацией не прибавляет отсутствие не только легального определения национальности, но и ее общеприемлемой научной трактовки, примиряющей исторические и современные подходы.

У конституционного права на национальность есть не только индивидуальное, но и коллективное проявление: осознание своей принадлежности / близости к определенной этно-культурной общности, в том числе за пределами страны проживания. В Федеральном законе от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» закреплены положения, связанные с самоопределением соотечественников по признакам общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев, а также потомков указанных лиц по прямой нисходящей линии. Одновременно для национальной самоидентификации упоминаются и национальности Российской Федерации (национальности людей, основные территории расселения которых находятся в Российской Федерации).

При подчеркивании специфики и содержания конституционного права на национальность и государственные гарантии его реализации и защиты, логичен вопрос об особенностях его ограничения. По общему правилу, прописанному на конституционном уровне, права человека могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55); в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя (ч. 1 ст. 56). При этом ряд конституционных прав выведен из-под ограничения, в числе которых право на национальность (в смысле ст. 26) не значится. Это позволяет допустить, что в условиях чрезвычайного положения человек может быть «принужден к определению и указанию своей национальности» с учетом конституционных требований ч. 2 ст. 55 о соблюдении «ограничительной меры» в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Перечисленное входит в зону российских национальных интересов, представленных в утвержденной 31 декабря 2015 г. Указом Президента (№ 683) Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Соответственно, национальные интересы могут отразиться на реализации права на национальность и в обеспечительном ключе, и в ограничительном. Относительно последнего Конституционный Суд России в своем Постановлении от 30 октября 2003 г. № 15-П [7] подчеркнул, что ограничения любых конституционных прав должны носить характер необходимости и соразмерности целям, не противоречащим Конституции Российской Федерации.

Таким образом, в процессе обновления 2020 г. Конституция Российской Федерации «приросла» национально обусловленным содержанием через конституирование национальных интересов, многонационального союза равноправных народов, культуры России как уникального наследия ее многонационального народа.

В России конституционное право на национальность относится к интегративным, получающим смысловое наполнение в совокупности диспозиций конституционных норм статьи 26, является личным и реализуемым как в индивидуальном, так и коллективном порядке. Оно может ограничиваться на условиях и по причинам, определенным конституционными нормами статей 55 и 56.

Рассмотрение права личности на национальность в сопряжении с национальными интересами

государства и общества дает основания для вывода, что национальные интересы здесь наряду с обеспечительным могут оказывать и ограничительное влияние.

Литература

1. Богданова Н.А. Конституционно-правовое регулирование национальных отношений / Национальный вопрос и государственное строительство: проблемы России и опыт зарубежных стран. М.: Издательство МГУ, 2001.
2. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2002. №2.
3. Зайнитдинов Н.А. Конституционное право на определение и указание национальной принадлежности личности: пробелы в российском законодательстве // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2.
4. Ченцов С.Д. Конституционное право на национальную самоидентификацию в России: аспекты правового регулирования // Научный альманах. 2019. № 5-1 (55).
5. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. … д.ю.н. М., 2005.
6. Всероссийская перепись населения 2010 года. // URL:http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

УДК 342

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ СЛУЖАЩИХ В РАКУРСЕ ИМПЕРАТИВА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ДОХОДАХ

© 2021 г. М.В. Мархгейм[1], С.А. Ядута[2]

[1]Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

[2]Администрация города Белгорода
308000, г. Белгород, Гражданский проспект, д. 38

Administration of the city of Belgorod
38 Grazhdansky Prospekt,
Belgorod, 308000

В статье с учетом конституционных поправок по отдельным вопросам организации и функционирования публичной власти уделено внимание не урегулированному надлежащим образом вопросу привлечения к дисциплинарной ответственности муниципальных служащих за непредставление / ненадлежащее представление сведений о доходах в сопряжении с коррупционной оценкой деяния. Специальные федеральные законы «О противодействии коррупции» и «О муниципальной службе в Российской Федерации» в этом отношении пробельны, не содержат критериев определения «категории» дисциплинарного проступка. Попытка Минтруда России восполнить означенный пробел путем формулирования в своем письме критериев привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения / проступки не является полноценной ни с регулятивной, ни со статусной точек зрения. На практике в процессе применения возникает целый ряд вопросов, так и не урегулированных на законодательном уровне. В этой связи и по ряду сопряженных вопросов аргументированы авторские позиции, сформулированы обобщения и выводы.

***Ключевые слова**: конституционные поправки, публичная служба, публичные служащие, муниципальная служба, муниципальный служащий, сведения о доходах, противодействие коррупции, позиции Конституционного Суда.*

In the article, taking into account the constitutional amendments on certain issues of the organization and functioning of public power, attention is paid to the issue of bringing municipal employees to disciplinary liability for failure to provide / not properly present information about income in connection with a corruption assessment of the act, which is not properly regulated. The special federal laws "On Combating Corruption" and "On Municipal Service in the Russian Federation" are incomplete in this regard, they do not contain criteria for determining the "category" of a disciplinary offence. The attempt of the Ministry of Labor of Russia to fill this gap by formulating in its letter the criteria for bringing to liability for corruption offences / misdemeanors is not full-fledged either from a regulatory or from a status point of view. In practice, in the process of application, a number of issues arise that have not been settled at the legislative level. In this regard, and on a number of related issues, the author's positions are argued, generalizations and conclusions are formulated.

Keywords: *constitutional amendments, public service, public servants, municipal service, municipal employee, income information, anti-corruption, positions of the Constitutional Court.*

Системное обновление в 2020 г. Конституции Российской Федерации было обращено к совершенствованию регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти. В государственно-правовом ракурсе публичная власть исследовалась, например, с позиции конституционной терминологии [1], концептуализации [2] и выявления правового содержания ее понятия [3], взаимосвязи с государственной властью [4] и российской государственностью [5]; во взаимосвязи с конституционализмом [6] и современными с конституционными параметрами [7].

Современная конституционная модель публичной власти представлена через: *ее единую систему* (ст. 80 «2. Президент Российской Федерации… обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти»); *органы, в нее входящие* (ст. 132 «3. Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации…»), *принципы их деятельности* (по смыслу п. «е.5» ст. 83 – согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти) и *характер выполняемых функций* (ст. 133 выполнение «органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций»); *субъект ведения* (ст. 71 «В ведении Российской Федерации находятся: … г) организация публичной власти…»); *особенности осуществления* (ст. 131 «3. Особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом»); *специфику организации* (ст. 67 «1. … Организация публичной власти на федеральных территориях устанавливается указанным федеральным законом»). Вкупе с иными конституционными нормами изложенные, на наш взгляд, непосредственно касаются основ публичного правопорядка Российской Федерации, который по вновь введенной части 5.1 ст. 125 рассматривается мерилом в принятии Конституционным Судом Российской Федерации решения «о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда…» (п. «б»).

Упрочение конституционного публичного правопорядка Российской Федерации системно связано не только с функционированием публичных органов, несением публичной службы, замещением должностей публичной службы, но и с деятельностью публичных служащих. Последним, помимо прочего, вменена обязанность предоставлять сведения о доходах, что, с одной стороны, обеспечивает прозрачность их не только публичной деятельности, с другой – несет выраженный антикоррупционный смысл.

В России в целях предотвращения совершения коррупционных правонарушений и преступлений публичными служащими, к категории которых относятся и государственные гражданских, и муниципальные служащие [8], им ст. 12.1 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273 «О противодействии коррупции» предписано ежегодно представлять в соответствующие уполномоченные органы публичной власти сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, включая супругу (супруга) и несовершеннолетних детей (далее – сведения о доходах).

Изначально в указанном законе статья 12.1, ныне закрепляющая данную обязанность государственных и муниципальных служащих, отсутствовала. Она была внесена почти через три года, а именно п. 9 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции». Следовательно, есть основания предположить, что возложение на государственных и муниципальных служащих обязанности по предоставлению сведений о доходах стало следствием оценки соответствующей практики.

В России означенная обязанность адресована отдельной категории публичных лиц, а не всем гражданам, как это предусмотрено в иных странах. В частности, в США, исходя из данных, размещенных на официальном сайте данного государства [9], подобная обязанность возложена не специально

на публичных служащих и политических деятелей США, которые априори являются американскими гражданами, а на всех граждан этой страны. Каждый из них ежегодно представляет декларацию, в которой указывает все свои доходы и расходы. Это несет не только антикоррупционный смысл, но и служит целям получения налогового вычета. При этом, если лицо в установленные сроки не направило налоговую декларацию, к нему неотвратимо применяются штрафные санкции [10].

Санкции, связанные с непредставлением / не надлежащим представлением сведений о доходах, предусмотрены для публичных служащих и в России. Предлагаем сузить круг последних до муниципальных служащих и рассмотреть юридические решения, направленные на регулирование заявленных вопросов. Так, порядок представления сведений о доходах гражданами, поступающими на муниципальную службу, а также муниципальными служащими, определен ст. 15 Федерального закона от 2 марта 2007 года № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». Непредставление или представление недостоверных (неполных) сведений о доходах гражданином, претендующим на замещение должности муниципальной службы, является основанием для отказа принятия его на работу. В случае если гражданин, претендующий на муниципальную службу, несмотря на вышеуказанное, все-таки был принят на муниципальную службу, в дальнейшем основания для применения к нему мер дисциплинарной ответственности (вплоть до увольнения в связи с утратой доверия) отсутствуют.

Принципиальная позиция по сопряженному вопросу была обозначена Конституционным Судом Российской Федерации. В Постановлении от 06 апреля 2020 года № 14-П «По делу о проверке конституционности пункта 1.1 части 1 статьи 37 и пункта 2 части 1 статьи 59.2 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», а также пункта 2 части 1 статьи 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» в связи с жалобой гражданина И.Н. Котяша» он подчеркнул, что «непредставление предусмотренных Федеральным законом сведений или представление заведомо ложных сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера при поступлении на государственную гражданскую службу в силу пункта 9 части 1 его статьи 16 относится к числу обстоятельств, при наличии которых гражданин не может быть принят на государственную гражданскую службу». Одновременно акцентировано, что принятие на государственную гражданскую должность кандидата, не представившего сведения о доходах или представившего неполные (недостоверные) сведения, указывают лишь на то, что соответствующий публичный (государственный или муниципальный) орган не исполнил должным образом свою обязанность по соблюдению установленного порядка приема граждан на государственную гражданскую или муниципальную службу.

Таким образом, в случаях установления факта непредставления или представления недостоверных и (или) неполных сведений о доходах лицом при поступлении на службу (при условии, что он был на нее принят), ответственность возлагается не на лицо, которое совершило (или не совершило) указанные действия, а на уполномоченную структуру соответствующего органа, который должен был провести проверку и установить, что сведения о доходах, представленные кандидатом, являются недостоверными и (или неполными) и отказать ему в поступлении на службу в связи с указанными обстоятельствами.

В данном контексте отметим, что в сравнении с муниципальным органом, у государственного органа (в том числе субъекта Российской Федерации) имеется «расширенный» перечень полномочий по проверке достоверности сведений о доходах. Так, в отличие от уполномоченных муниципальных органов государственные (федеральные и субъектов Российской Федерации) – обладают полномочиями по направлению запросов, касающихся осуществления оперативно-розыскной деятельности, запросов в кредитные организации и налоговые органы Российской Федерации, органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество, операторам информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. При отсутствии «прямого доступа» к указанным видам запросов у муниципальных органов нет и возможности оперативно выявить недостоверность (неполноту) сведений о доходах. Более того, уполномоченные муниципальные органы могут это выявить лишь в случаях, когда:

– прокуратурой проведена проверка, в ходе которой направлены запросы в соответствующие органы (чаще всего именно в налоговые органы, а также органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество) и установлено, что муниципальным служащим или рядом муниципальных служащих представлены неполные (недостоверные) сведения;

– муниципальным служащим самостоятельно выявлен факт недостоверного (неполного) представления сведений о доходах в предыдущие отчетные периоды;

– по результатам приема сведений о доходах в новом отчетном периоде, при проведении анализа сведений, устанавливаются факты того, что в представленных сведениях о доходах за предыдущий отчетный период отсутствовали сведения, указанные в рассматриваемой справке (например, указываются счета, открытые более пяти лет назад, которые не были указаны ранее, указывается иму-

щество, приобретенное в предыдущий отчетный период, но указанное только в рассматриваемой справке);

– в отношении муниципального служащего возбуждено уголовное дело, в связи с чем уполномоченному муниципальному органу становится известно, что ранее муниципальный служащий предоставлял неполные и (или) недостоверные сведения о доходах.

Изложенное дает основания для вывода, что представление муниципальным служащим сведений о доходах, являясь превентивной мерой недопущения совершения коррупционных преступлений, фактически свое предназначение выполняет не в полном объеме по причине отсутствия единого эффективного и быстрого варианта проверки муниципальным органом представленных сведений (например, базы данных, к которой имелся бы ограниченный доступ у уполномоченных органов).

Полагаем необходимым обратить внимание на «новеллу», введенную Федеральным законом от 03 августа 2018 года № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции» в Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» и устанавливающую упрощенный порядок привлечения лиц к ответственности за совершение коррупционного проступка (или правонарушения). Отметим, что за период действия этой нормы (чуть более 3,5 лет) практика ее применения и привлечения муниципальных служащих к ответственности за совершение коррупционного проступка близиться к нулю.

В числе обусловливающих это проблем, как представляется, – отсутствие в законодательных актах России единого понимания случаев представления лицом неполных и (или) недостоверных сведений о доходах. Так, в ст. 27.1 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» речь ведется именно о правонарушениях, предусмотренных ст.14.1 (не принятие мер к урегулированию конфликта интересов) и ст. 15 (непредставление или представление неполных и (или) недостоверных сведений о доходах). В Федеральном законе «О противодействии коррупции» говорится лишь о мерах ответственности, применяемых к лицу за несоблюдение запретов, связанных с прохождением муниципальной или государственной гражданской службы (ч. 5 ст. 12.1), а понятия коррупционного правонарушения или коррупционного проступка не просто не дается, но и не упоминается. В то же время в письме Минтруда России от 21 марта 2016 года № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» речь ведется именно о коррупционных проступках и раскрываются их виды. Различие терминов, использованных в наименовании указанного акта («коррупционные правонарушения») и в его тексте («коррупционные проступки»), определенности не прибавляет. На наш взгляд, более правильным представляется отнесение нарушения рассматриваемого запрета к категории коррупционного проступка: за такое деяние лицо привлекается именно к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 27.1 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» и ст. 192 Трудового Кодекса Российской Федерации. В последней речь собственно и идет о дисциплинарных проступках. В силу изложенного к такого рода ситуациям полагаем целесообразной терминологическую определенность в пользу коррупционного проступка.

Возвращаясь к вопросу упрощенного порядка привлечения муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционного проступка, считаем необходимым отметить условия его применения:

– лицо признает свою вину в совершении коррупционного проступка;

– лицо согласно с привлечением его за совершение коррупционного проступка к дисциплинарной ответственности;

– лицом своевременно представлена объяснительная относительно факта совершения коррупционного проступка.

При соблюдении указанных условий уполномоченный муниципальный орган составляет доклад о совершении муниципальным служащим коррупционного проступка, и на его основании муниципальный служащий привлекается к дисциплинарной ответственности. При этом ст. 27.1 Федерального закона «О муниципальной службе в Российской Федерации» предусмотрено, что применение указанного порядка невозможно только в случае, когда к лицу применяется взыскание в связи с утратой доверия. Иные исключения здесь не предусмотрены. Порядок рассмотрения возможности применения упрощенного порядка привлечения к дисциплинарной ответственности муниципального служащего (равно как и гражданских служащих) ничем не регламентирован.

Проблема состоит и в том, что критерии формирования видового ряда коррупционных проступков следуют из ранее названного письма Минтруда, в соответствии с которым коррупционные проступки градированы так:

– случаи, которые не составляют коррупционного проступка (полагаем целесообразным отнести их к виду коррупционного проступка, поскольку: проступок фактически присутствует, неполные и (или) недостоверные сведения фактически муниципальным служащим были представлены, но ввиду

малозначительности этих «неточностей» и отсутствия коррупционного фактора они признаются случаями, в которых отсутствует коррупционный проступок);

– несущественные проступки, когда муниципальным служащим были представлены неполные и (или) недостоверные сведения, но он располагал всей информацией, необходимой для представления полных и достоверных сведений о доходах (в случаях отсутствия коррупционного проступка, чаще всего бывают ошибки, связанные с неправильными данными, предоставленными кредитными организациями и (или) неточности технического характера – опечатки в дате открытия счета или в номере свидетельства о регистрации права на недвижимое имущество и т.д.), и при сохранении должной внимательности и предусмотрительности имел реальную возможность представить полные и достоверные сведения о доходах;

– малозначительный проступок, когда муниципальный служащий располагал всей необходимой информацией для представления полных и достоверных сведений о доходах, но ввиду отсутствия должной внимательности представил недостоверные и (или) неполные сведения о доходах, при этом представление неполных и (или) недостоверных сведений выразилось в сокрытии намеренном или ввиду сознательного допущения информации, содержащей коррупционные признаки или же случаи, когда представление неполных и (или) недостоверных сведений происходило более чем в одном отчетном периоде и при этом отсутствуют признаки значительного коррупционного проступка;

– значительные проступки, когда у лица имелась вся необходимая информация для представления полных и достоверных сведений о доходах, но ввиду отсутствия должной внимательности или сознательному допущению достоверные (полные) сведения представлены не были, при этом коррупционная составляющая отсутствует;

– значительные проступки, когда непредставление муниципальным служащим сведений о доходах или представление им неполных и недостоверных сведений допущено при наличии реальной возможности представить полные и достоверные сведения, но лицо сознательно решило не указывать установленную законом информацию в сведениях о доходах в целях сокрытия «нежелательной» информации; это выступает основанием для привлечения муниципального служащего к дисциплиной ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия.

Кроме как в приведенном письме Минтруда, содержание которого является лишь обобщенной практикой применения на территории России федеральных законов «О противодействии коррупции», «О муниципальной службе в Российской Федерации», ряда иных актов, ни один из них не раскрывает определения «данных видов» коррупционных проступков, не приводит их видовые признаки. Представляется, что значимость рассматриваемой проблемы не соответствует статусу уделяющего ей внимание акта: во-первых, письмом Минтруда не регулируется, а обозначается выведенный из практики опыт; во-вторых, данное письмо не зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации. Тем не менее, опираясь именно на него, на территории Российской Федерации к муниципальным (и государственным гражданским) служащим применяется дисциплинарная ответственность за совершение коррупционных проступков, выразившихся в неполном и (или) недостоверном представлении сведений о доходах.

Отметим, что в рассматриваемом письме Минтруда приводятся лишь примеры, которые относятся, по мнению Минтруда, к той или иной категории коррупционных проступков. Ввиду невозможности предусмотреть все варианты совершения коррупционных проступков, связанных с неполным (недостоверным) представлением сведений, правоприменительным органам приходится самостоятельно разрабатывать критерии, по которым следует отнести данный проступок к той или иной категории. «Разработанные» критерии никак не закрепляются, представляют собой личное субъективное мнение, основанное на полученных в ходе проверки данных и исходящее из собственных убеждений уполномоченных лиц органа.

Изложенное дает основание для вывода о необходимости дополнить Федеральный закон «О противодействии коррупции» положениями, по которым будут квалифицироваться деяния муниципальных служащих, представивших неполные (недостоверные) сведения о доходах. Возможен также вариант издания ведомственного приказа, в том числе Минтруда, с последующей государственной регистрацией в Министерстве юстиции в силу Постановления Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации», что станет основанием приобретения им юридической силы.

Предложенное позволит более эффективно осуществлять антикоррупционную политику на территории России, а также послужит единообразию правоприменительной практики уполномоченных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных органов. Это, в свою очередь, снизит число правовых коллизий, в результате которых за совершение аналогичных коррупционных проступков при наличии одинаковых условий в части наличия / отсутствия смягчающих или отягчающих обстоятельств в различных субъектах Российской Федерации (а иногда и внутри одного субъекта России,

но в разных муниципальных округах и (или) районах) применяются различные виды дисциплинарных взысканий.

Литература

1. Чиркин В.Е. Конституционная терминология: Монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 205-215.
2. Варламова Н.В. Публичная власть: попытка концептуализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 18-25.
3. Малый А.Ф. О правовом содержании понятия «публичная власть» // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 8-12.
4. Колесников В.А. Государственная власть и публичная власть: к исследованию взаимосвязи в современной России // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 1А. С. 20-30.
5. Нехайчик В.К. Российская государственность и публичная власть: теория и практика // Северный регион: наука, образование, культура. 2013. № 1 (27). С. 262-263.
6. Авакьян С.А. Конституционализм и публичная власть: концепции и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 27-30.
7. Тонков Е.Е., Нифанов А.Н. Публичная власть в Российской Федерации: конституционный импульс осмысления // Управление городом: теория и практика. 2020. № 3 (37). С. 80-84.
8. Зайцева Е.В., Костина С.Н. Профессиональная стратификация публичных служащих в Российской Федерации // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 2 (112). С. 17-24.
9. U.S. Department of State (official website of the United States government) // URL: https://www.state.gov/transparency-governance-and-anti-corruption/ (дата обращения: 11.06.2021 г.)
10. IRS/Penalties (an official website of United Sates Government) // URL https://www.irs.gov/payments/penalties (дата обращения: 11.06.2021 г.)

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2021 г. И.С. Масликов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье обоснована точка зрения автора о том, что в Российской Федерации функционируют не три, а четыре ветви государственной власти: президентская, законодательная, исполнительная и судебная. Россия является сильной президентской республикой. Конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации раскрыт путем сравнительного анализа содержания норм Конституции Российской Федерации с учетом изменений, внесенных в нее Общероссийским голосованием 1 июля 2020 года.

Ключевые слова: *Российская Федерация, Конституция, законодательная, президентская судебная, исполнительная власти, Президент, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство.*

The article substantiates the author's point of view that in the Russian Federation there are not three but four branches of state power: presidential, legislative, executive and judicial. Russia is a strong presidential republic. The constitutional-law status of the President of the Russian Federation is revealed by a comparative analysis of the content of the norms of the Constitution of the Russian Federation taking into account the changes introduced into it by the all-Russian voting on July 1, 2020.

Keywords: *Russian Federation, Constitution, legislative, presidential, judiciary, executive power, President, Federation Council, National Duma, Government.*

Перед тем как приступить к раскрытию содержания этого института, считаем необходимым обосновать свою точку зрения по вопросу вхождения Президента в систему государственной власти в качестве самостоятельной ветви власти.

Статья 10 Конституции Российской Федерации установила, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы этих властей самостоятельны.

Таким образом, данная статья закрепила три ветви государственной власти. Казалось бы, что Конституция восприняла классическую систему разделения властей. Однако, как правильно заметил К.Ф. Скворцов, уже ст.11 Конституции ставит это положение под сомнение [1].

В части первой данной статьи определен круг тех органов, которые осуществляют государственную власть в Российской Федерации. К ним отнесены Президент Российской Федерации, Федеральное собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Нет никакого сомнения в том, что данная статья закрепила систему государственной власти на федеральном уровне. Если в отношении предназначения Федерального Собрания, Правительства России и судов ситуация ясна: Федеральное Собрание осуществляет законодательную власть, Правительство – исполнительную власть, суды – судебную власть, то в отношении Президента такой ясности нет. Так к какой же ветви власти он относится?

В соответствии с ч.1 ст.80 Конституции Президент является главой государства. Заметим, что предыдущая Конституция характеризовала Президента как высшее должностное лицо и главу исполнительной власти (ст.121). Таким образом, произошло своего рода отделение президента от исполнительной власти. Анализ норм 4-7 Глав Конституции позволяет сделать вывод о то, что Президент не относится к законодательной, исполнительной или судебной власти, а представляет собой самостоятельную ветвь государственной власти.

Этот вывод основан на двух положениях. Во-первых, в государственном механизме он играет роль арбитра, обеспечивая взаимодействие законодательной, исполнительной и судебной властей. Арбитражный характер власти Президента достаточно четко прослеживается в ряде положений Конституции. Например, он обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти (ч.2 ст.80), наделен правом использования согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти (ч.1 ст.85).

Второе положение заключается в том, что Президент имеет свою компетенцию в управлении государством, отделенную от компетенции органов законодательной, исполнительной и судебной властей. Она осуществляется в обширных полномочиях Президента как главы государства (ст.ст. 80, 83-90), во взаимоотношениях с правительством (ст.ст. 110-113, 115-117). Федеральным собранием и судебной властью (ст.ст. 83,104,107-109,112,128). Эта позиция нашла свое полное подтверждение в тех изменениях в Конституцию, которые были внесены в нее 1 июля 2020 года Общероссийским голосованием.

Остановимся в первую очередь на взаимоотношениях Президента и Правительства. В своем ежегодном послании Федеральному собранию в 2019 году Президент сказал, что России нужна сильная президентская республика. Как известно, форма республики в первую очередь зависит от того, каким образом формируется правительство, перед кем оно несет ответственность. В пункте а ст.83 Конституции было указано, что Президент назначает с согласия Государственной Думы Председателя Правительства Российской Федерации. После изменений, принятых на Общероссийском голосовании 1 июля 2020 года, Президент назначает Председателя Правительства Российской Федерации, кандидатура которого утверждена Государственной Думой по представлению Президента, и освобождает Председателя Правительства от должности.

Казалось бы, налицо возрастание признаков парламентской республики, поскольку глава правительства сначала утверждается Государственной Думой, а затем лишь назначается Президентом. Но здесь есть одно очень существенное но: Государственная дума утверждает лишь ту кандидатуру, которую ей представляет Президент. В итоге получается, что Государственная Дума лишена возможности, как и прежде, представлять своего кандидата на эту должность. Фактически ничего не изменилось.

Еще более выражено усиление президентской власти в других пунктах указанной статьи Конституции. Если ранее Президент имел только право председательствовать на заседаниях Правительства, то согласно новой редакции Президент осуществляет общее руководство Правительством (п.б ст.83, ч.1 ст.110)). В то же время это не свидетельствует о том, что он становится одновременно и главой исполнительной власти, поскольку согласно ч.1 статьи 110 Конституции исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство. Более того, в пункте в1 указано на то, что он принимает отставку Председателя Правительства, его заместителей, федеральных министров, а также руководителей федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации.

Из этого следует, что вышеуказанные руководители министерств и ведомств, так называемого силового блока, уже не подчиняются главе правительства. Об этом также прямо сказано в ч.3 ст.110 Конституции. В силу этого Председатель Правительства лишен значительной части своих полномочий как глава исполнительной власти и занимается только лишь экономической и социальной сферой деятельности государства.

Та же тенденция возрастания роли Президента в управлении государством проявляется и в процедуре назначения руководителей федеральных органов исполнительной власти. В предыдущие годы Президент назначал заместителей Председателя Правительства и федеральных министров по предложению Председателя Правительства, то теперь Глава правительства вообще устранен от процесса формирования кабинета министров. Так, согласно пункту д ст.83 Президент назначает на должность заместителей Председателя Правительства и федеральных министров экономического и социального блоков, кандидатуры которых утверждены Советом Федерации, и освобождает их от должности.

Что касается руководителей федеральных органов исполнительной власти, которые находятся в его непосредственном подчинении, то их назначает Президент после консультаций с Советом Федерации. Как известно, консультации любого рода носят лишь рекомендательный характер.

Возросло влияние Президента и на судебную власть. Если ранее вопрос о прекращении полномочий Председателей Конституционного Суда, Верховного Суда, председателей кассационных и апелляционных судов их заместителей, а также судей этих судов, в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, решался Высшей квалификационной коллегией Российской Федерации, то теперь их решение вошло в компетенцию Совета Федерации, но по представлению Президента (ст.83 п. «е»3).

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что Российская Федерация является сильной президентской республикой, в которой сформировались и функционируют четыре ветви власти: президентская, законодательная, исполнительная и судебная. При этом система разделения и взаимодействия властей организована так, что главенствующее положение занимает власть Президента. В то же время в ней сохранены некоторые внешние признаки парламентского государства [2].

Президент единолично формирует Правительство РФ и решает вопрос о его отставке (ч.2 ст.117). При этом Государственная Дума не имеет сильных рычагов воздействия на работу Правительства, а тем более на тех руководителей федеральных органов государственной власти, которые находятся в прямом подчинении Президента. Более того, она вынуждена давать свое согласие на назначение Председателя Правительства под угрозой роспуска. В результате законодательная власть в России оказывается в неравном положении по сравнению с президентской властью по отношению к власти исполнительной. Более того, она в определенной степени сама находится в зависимости от Президента, гораздо большей, чем он от нее.

Так, в случае трёхкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации Государственной Думой Президент Российской Федерации назначает Председателя Правительства Российской Федерации, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы (ч. 4 ст. 111). Право роспуска Государственной Думы за Президентом закреплено в Конституции и тогда, когда он не согласен с решением Государственной Думы о вотуме недоверия Правительству, если Государственная Дума в течение трёх месяцев повторно выразит недоверие Правительству Российской Федерации (ч.3 ст.117).

В свою очередь, законодательная и судебная власть могут оказать влияние на судьбу Президента Российской Федерации только в одном случае, когда он может быть отрешён от должности Советом Федерации на основании выдвинутого Государственной Думой обвинения в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, подтверждённого заключением Верховного Суда Российской Федерации о наличии в действиях Президента Российской Федерации признаков преступления и заключением Конституционного Суда Российской Федерации о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения (ст.93).

В связи с изложенным трудно согласиться с теми авторами, которые считают Россию полупрезидентской республикой с доминирующей ролью президента в системе властей [3] или же смешанной полупрезидентской республикой с учетом значительной роли в государстве законодательной власти [4].

Литература

1. Становление правового государства в Российской Федерации и функции прокуратуры. Круглый стол // Государство и право. 1994. № 4. С.7-8.
2. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. 5-е изд., М.: Проспект, 2014. 592 с.
3. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М.: Зерцало, 1998. 448 с.
4. Стрейкмане Л. Р. Форма правления в Российской Федерации // Молодой учёный. 2019. №1 (239).

УДК 342

СУЩНОСТЬ И НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

© 2021 г. Н.В. Федоренко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассмотрены основные научные подходы к пониманию сущности и социального назначения российской судебной власти, ее роли в обеспечении прав и свобод личности. Автор отмечает, что судебная власть в условиях развития демократии является эффективным уравновешивающим институтом между законодательной и исполнительной властью, способным обеспечить развитие и укрепление российского конституционализма и конституционной законности.

Ключевые слова: *судебная реформа, разделение властей, демократизация судебной власти, конституционная законность, правосудие, судопроизводство, права личности.*

The article considers main scientific approaches to understanding the essence and social purpose of the Russian judicial power, its role in ensuring the rights and freedoms of the individual. The author notes that the judiciary in the context of the development of democracy is an effective balancing institution between the legislative and executive authorities, which can ensure the strengthening of Russian constitutionalism and constitutional legality.

Keywords*: judicial reform, separation of powers, democratization of the judiciary, constitutional legality, justice, judicial proceedings, individual rights.*

В современных демократических государствах функционирование органов судебной власти направлено на укрепление конституционных основ государства и защиты провозглашенных прав и свобод личности. В современном правовом государстве деятельность судебных органов осуществляется на основе закона, находится под пристальным вниманием общества и государства.

Судебная власть в современной юридической науке рассматривается в контексте ее тесного слияния с правом и государством; она выполняет важнейшие социально-значимые задачи: осуществления правосудия; выполнения правозащитной функции; функции судебного контроля; восстановительной, превентивной, нормотворческой и многих других функций.

Идея реформирования судебной системы связана с процессами демократизации российского общества и формирования основ правового государства в перестроечную эпоху. Для защиты свобод личности необходимо было создание независимого, самостоятельного суда, существование которого возможно лишь в условиях демократической системы разделения властей и формирование которого являлось главной целью современной российской судебной реформы. В процессе осуществления судебной реформы сформировалась потребность в расширении полномочий суда по рассмотрению споров граждан между собой и с государством.

Основными направлениями современной российской судебной реформы явились демократизация судебной системы, совершенствование гражданского, уголовного, административного судопроизводства, обеспечение доступа граждан к справедливому правосудию, защита прав и свобод человека и гражданина.

Государство стремится расширять свое влияние на общество, так как в условиях усложнения общественных отношений возникают различного вида угрозы и вызовы, ослабляющие эффективность государственного механизма, требующие осуществления жестких мер в сфере правового регулирования. Гражданское общество в таких условиях выступает последовательным ограничителем, препятствующим авторитарным тенденциям государственной власти, является гарантом справедливого правосудия и эффективной защиты интересов общества. Именно развитое гражданское общество и справедливое правосудие могут обеспечить главные предпосылки развития и совершенствования современного российского правового государства.

В современных условиях повышение эффективности судебной власти приобретает особое значение. Качественное правосудие и развитие политического демократического режима взаимообусловлены друг другом. От результатов осуществления судебной реформы в современном российском государстве зависит процесс формирования демократических институтов гражданского общества и правового государства.

Регулирование общественных отношений требует обеспечение правопорядка и его охрану государством в целях обеспечения разумного сочетания интересов личности, общества и различных социальных групп. В процессах формирования и функционирования судебной власти главная роль отводится государству, существование которого связано с потребностью регулирования общественных отношений и осуществления правосудия. Но следует отметить определенную противоположность государственных и общественных интересов, целей, потребностей, в связи с чем судебная власть в современном государстве призвана быть уравновешивающей силой в развитии данных тенденций.

Анализ положений Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» [1] дает возможность определить широкий подход законодателя к пониманию сущностных характеристик судебной системы. Он позволяет выявить отождествление понятия «судебной системы» с понятиями «судебной власти», «судопроизводства», дать анализ ее структуры, уяснить положение о том, что характер судебной системы определяется ее соответствием принципам, ценностям и концептуальным идеям правового государства.

Данный подход определяется сложностью и противоречивостью правовой действительности, в которой судопроизводство осуществляется в соответствии с действующим законом и опирается на общественные представления субъектов гражданского общества о справедливом и беспристрастном правосудии. Этот подход позволяет также провести комплексный анализ взаимосвязи судебной власти с институтами гражданского общества.

Проблема определения сущности и социального назначения судебной власти имеет огромное теоретическое и практическое значение. Выявление сущностных характеристик, смысла, функций судебной власти позволяет определить ее предназначение, особую роль в системе государственной власти и необходимость дальнейшего реформирования и совершенствования. Судебная власть как сложное многоаспектное, многоструктурное явление представляет собой уравновешивающий механизм в сфере разделения властей, занимает в нем особое место, обеспечивает защиту конституционных основ государственного строя, охрану общественного правопорядка и прав граждан, единство и целостность экономического пространства.

В условиях становления и развития демократии в российском государстве основным предназначением судов является защита нарушенных прав граждан. В положениях, сформулированных в Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы» [2], судебная система определяется как важнейший государственный механизм защиты ценностей правового государства, защиты прав и свобод личности.

Социально-экономические реформы, проводимые в современном российском государстве, ставят перед судебной системой новые задачи, предусматривают направления дальнейшего повышения эффективности органов судебной власти. Формирование правового государства предполагает, что судебная реформа направлена на дальнейшее демократическое преобразование органов судебной власти, а также органов других ветвей государственной власти, имеющих отношения со сферой правосудия.

Величайшие ученые обращались к проблеме определения понятия судебной власти. И. Кант полагал, что судебная власть должна осуществляться только судьями; он обосновал положение о независимости суда и необходимости введения выборного суда присяжных. И. Кант рассматривает категорию справедливости как приговор суда, вынесенный в соответствии с действующим законом, называет суд справедливостью государства. Вопрос о справедливости суда он считает самым важным вопросом [3, с. 338].

Гегель утверждал, что в основе природы правосудия лежит вопрос о соотношения индивида и общества; субъект и объект правосудия – это не отдельные части целого, а само целое; правосудие обеспечивает независимость сословий и индивидов и правление народа. Он полагал, что право, выраженное в форме закона, приобретает всеобщий характер и осуществляется публичной властью, судом [4, с. 245-2464].

С. С. Алексеев характеризует правосудие как важнейший силовой инструмент, опирающийся на авторитет государства, на нормы и ценности естественного права. Он подчеркивает, что естественное право, получающее свое выражение в нормах позитивного права, становится самодостаточным ценностным нормативным регулятором [5, с. 144].

Функциями судебной власти признаются: осуществление правосудия, проведение судебного контроля, толкование норм Конституции, конституционный контроль, организация судебного надзора, функция предупреждения различного вида правонарушений, функция законодательной инициативы по вопросам, связанным с деятельностью судебной власти, обобщение судебной практики [6, с. 13].

Судебная власть как важнейший институт государства должна гарантировать реализацию демократических принципов гражданского общества – верховенство закона, защиту прав и свобод.

Особое значение эффективной деятельности судебной власти приобретает реализация правосудия и судебной защиты на основе принципов верховенства права, законности и конституционности процессуальной деятельности, Эффективная деятельность системы судопроизводства находится в прямой зависимости с демократическими процессами прогрессивного развития общества.

Главным принципом правового государства является верховенство права. Судебная власть призвана в своей деятельности воплощать данный принцип в судебных решениях, в процессе конституционного контроля и судебного надзора. Как отмечает В. М. Лебедев, «Судебная власть реализуется путем организации судопроизводства; она должна обеспечить главный принцип правового государства – принцип верховенства права» [7, с. 5].

В Конституции Российской Федерации (ст. 118, Ч.1) понятие «правосудие» используется, однако его определение не сформулировано. В целом оно отражает сущность, главные свойства судебной власти, характеризует ее главную функцию. В правовой науке понятие «правосудие» определяется более широко и включает в себя всю деятельность в сфере юстиции (процессуальную, исполнительную). Федеральный конституционный закон РФ «О судебной системе Российской Федерации» в ч. 1 ст. 4, также как и Конституция РФ, подчеркивает: «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами, учрежденными в соответствии с Конституцией РФ и настоящим Федеральным конституционным законом».

Правосудие – это не единственное проявление компетенций судебной власти, но наиболее важное ее проявление. Оно занимает центральное место в содержании судебной власти и является главной, формой ее осуществления [8, с. 33].

В научной литературе излагаются различные мнения о сущности и содержании правосудия и его роли в защите прав и свобод граждан. Ряд авторов придерживаются точки зрения, что главной формой осуществления полномочий судебной власти являются все виды правосудия, формулируются положения о том, что правосудие является основной функцией власти судебных органов и всей власти государства, а выполнение властных государственных функций предполагает в определенных случаях осуществление государственного принуждения, имеющего в условиях правовой государственности правовой характер.

Следует отметить и иные подходы при выявлении сущности правосудия среди отечественных исследователей. Можно согласиться с мнением о том, что авторитет власти суда определяется существующей независимостью его органов, их компетентностью, профессионализмом, доступностью для граждан и что судебная система, построенная на принципе автономии, способна обеспечить более высокое качество функционирования судебных органов власти и эффективность судебной защиты прав человека и гражданина.

Рассмотренные научные подходы к пониманию сущности и содержания судебной власти не содержат противоречивых суждений и могут дополнять друг друга.

Многие научные подходы основаны на поиске и выявлении различий, возникающих между функциями и внешними проявлениями в деятельности ветвей государственной власти; они рассматривают судебную власть как систему специализированных органов, выполняющих определенные функции в соответствии с закрепленными на законодательном уровне полномочиями.

Но данные подходы не выявляют природу судебной власти, не раскрывают ее сущность, обусловленную публичной функцией народовластия. Как полагает Н.А. Колоколов, содержание судебной власти значительно шире правового понятия «судопроизводства» [9].

Как главное условие жизнедеятельности общества, судебная власть является средством формирования коммуникативных социальных отношений; она выступает посредником в обеспечении условий для выполнения взаимных обязательств, существующих между гражданами и государством в соответствии с действующими нормами права. Судебная власть разрешает возникающие в общественных отношениях социальные конфликты, противоречия в соответствии с требованиями закона и обеспечивает действенный эффективный механизм правового регулирования общественных отношений. Как отмечает Н. А. Колоколов: «Судебная власть – это принятая определенной человеческой общностью процессуально-правовая парадигма поведения субъектов права при разрешении социальных конфликтов. Судебная власть характеризуется многоаспектностью, сложностью и системностью» [10, с.328].

Таким образом, в правовой науке доминирует положение о том, что правосудие реализуется судебными органами от имени государства, представляет собой вид государственной властной деятельности, связанной с рассмотрением и разрешением конфликтов по поводу нарушений нормативных установлений государства субъектами права, возникающих в общественных отношениях. Правосудие рассматривается как внешняя форма проявления судебной власти; оно реализуется путем рассмотрения и разрешения юридического дела.

В вышеназванных дискуссионных проблемах важно учитывать и социально-экономические, и правовые, и иные факторы, определяющие сущность и содержание изучаемых категорий, понимать

проблематичность осуществления российской судебной реформы и сложность процесса формирования новой демократичной судебной системы современного российского государства.

В современном правовом государстве главным назначением судебной власти является эффективная охрана и защита личности от любого произвола. Права и свободы личности в современных демократических государствах демонстрируют уровень развития общества, его достижения и цивилизованность.

В Российской Федерации на конституционном уровне в качестве высшей ценности закреплены права и свободы человека, установлены границы возможного вторжения государства в сферу свободы граждан, устанавливающие определенные преграды, против произвола действующих институтов государства по отношению к личности.

Российская судебная власть в своей деятельности создает условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, для их полноценной судебной защиты. Признание и конституционное закрепление прав личности высшей ценностью подтверждает стремление государства осуществлять дальнейшие демократические преобразования в современной России.

Развитие современного российского правового государства в значительной степени определяется процессами реформирования, совершенствования судебной власти, достижением ее наибольшей эффективности. Дальнейшее, поступательное реформирование и совершенствование российской судебной системы направлены на защиту прав и свобод личности, обеспечение законности и правопорядка в общественных отношениях.

Литература

1. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года N 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, N 1, ст. 1. В актуальной редакции от 5. 02. 2014г. №. №4 ФКЗ.
2. Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013-2020 годы»: утв. распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р // Российская газета-Бизнес. 2012. № 866, 2 окт.
3. Кант И. Метафизика нравов. Соч. в 8 т. Т.6. 613 с.
4. Гегель Г. Феноменология духа. СПб. 2002. 495 с.
5. Алексеев С.С. Философия права. М., 1997. 336 с.
6. Лившиц Р.З. Государство и право в современном обществе. Теория права: новые идеи. М.: ИГиП РАН, 1991. Вып. 1. 184 с.
7. Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб.: Лань, 2001. 384 с.
8. Чашин А. Н. Судоустройство и правоохранительные органы. М., 2012. 256 с.
9. Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М.: ИГ Юрист, 2005. 559 с.
10. Колоколов Н.А. Судебная власть как общеправовой феномен. М.: Юрист, 2007. 328 с.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.2

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ДОЛИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК ПОД МНОГОКВАРТИРНЫМ ДОМОМ

© 2021 г. С.Г. Михайлов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются проблемы регистрации права собственности доли на общее имущество многоквартирном доме, возникающие при регистрации права на такое имущество, анализируется судебная практика по теме исследования, а также вносятся предложения по совершенствованию законодательства в части государственной регистрации долей на общее имущество в многоквартирном доме одновременно с регистрацией права на квартиру.

***Ключевые слова**: долевая собственность, общедомовое имущество, регистрация права, прекращение права собственности, многоквартирный дом, договор купли-продажи, судебное решение, Росреестр.*

The article considers problems of determining the shares in the common property of an apartment building that arise during the registration of the right to such property, analyzes the judicial practice on the topic of the study, and also makes proposals for improving the legislation regarding the state registration of shares in the common property of an apartment building simultaneously with the registration of the right to residential premises.

***Keywords**: shared ownership, common house property, registration of the right, termination of the right of ownership, apartment building, contract of sale, court decision, Rosreestr.*

В свете реформ, проводимых в российском гражданском и жилищном законодательстве, собственники помещений в многоквартирном доме получили право в полном объеме владеть и пользоваться общедомовым имуществом в соответствии с его целевым назначением, правилами пользования.

Как ни странно, понятие многоквартирного дома не было определено ни в жилищном кодексе РСФСР, ни в жилищном кодексе РФ и впервые дано в Постановлении Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» [6].

В силу п. 6 указанного постановления, многоквартирным домом признается совокупность двух и более квартир, имеющих самостоятельные выходы либо на земельный участок, прилегающий к жилому дому, либо в помещения общего пользования в таком доме.

Следует отметить, что моментом начала возникновения права общей долевой собственности на общее имущество многоквартирного жилого дома, в том числе и на земельный участок под таким домом, а также моментом перехода доли в праве на общее имущество является дата государственной регистрации права собственности на квартиру в этом доме.

Законодателем установлено, что земельный участок, на котором расположен многоквартирный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иными предназначенными для обслуживания, эксплуатации и благоустройства данного дома и расположенными на указанном земельном участке объектами, принадлежит собственникам помещений на праве общей долевой собственности (п. 4 ч. 1 ст. 36 ЖК РФ) [2].

Безусловно, формирование земельного участка под многоквартирным домом включает в себя выполнение работ, в результате которых обеспечивается подготовка документов, содержащих необходимые для осуществления государственного кадастрового учета сведения о таком земельном участке, с целью осуществления его государственного кадастрового учета [4].

В этом контексте следует понимать, что покупатель квартиры с момента государственной регистрации права собственности приобретает в силу закона и право на долю в общей долевой собственности на сформированный в установленном порядке земельный участок под многоквартирным домом.

Собственники квартир владеют, пользуются и распоряжаются общедомовым имуществом, в том числе и земельным участком, в соответствии с гражданским законодательством.

Согласно позиции О.В. Шихалевой, которую мы разделяем, земельная доля соответствует понятию доли в праве общей собственности. Понятие земельной доли, приведенное в ст. 15 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», устраняет коллизию между гражданским и земельным законодательством по указанному вопросу, следовательно, особого объекта правоотношений общей собственности - земельной доли - не существует, а существует самостоятельный объект гражданских правоотношений – доля в праве общей собственности [10, с. 54].

При переходе права собственности на помещение в многоквартирном доме доля в праве общей собственности на общее имущество в данном доме нового собственника равна доле в праве общей собственности на указанное общее имущество предшествующего собственника такого помещения.

Следует учитывать, что если земельный участок поставлен на кадастровый учет и сформирован до 01.03.2005, то есть до принятия Жилищного кодекса РФ, то владельцы квартир в многоквартирном доме считаются ее собственниками со дня вступления в его силу. Вместе с тем, если участок сформирован и занесен в кадастр после принятия ЖК РФ, то право совместной собственности появляется в силу закона «О введении в действие Жилищного кодекса РФ» [3].

Как известно, в совместном постановлении Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» установлено, что не требуется каких-либо актов органов власти о возникновении права общей долевой собственности у собственников помещений в многоквартирном доме. Следовательно, одновременно с государственной регистрацией права на помещение в многоквартирном доме в силу закона возникает право общей долевой собственности на общее имущество этого дома, в том числе и на земельный участок под этим домом. [9].

При этом, государственная регистрация права, хотя бы одного собственника жилого или нежилого помещения в многоквартирном доме, является юридическим актом признания и подтверждения государством возникновения прав собственников помещений на общедомовое имущество.

Более того, определенная доля в праве собственности на квартиру, независимо от ее размера, дает право на беспрепятственное владение и пользование всем общим имуществом многоквартирного дома. Доля не подлежит выделу в натуре, т.е. не может быть превращена в другой объект земельных правоотношений (например, часть земельного участка).

В то же время регистрация права собственности на долю общедомового имущества, в том числе и земельного участка под многоквартирным домом, является не обязанностью, а правом собственника квартиры. Но при определении права собственности на долю такого общедомового имущества и ее регистрации зачастую возникают проблемы, которые необходимо разрешать путем внесения изменений в действующее законодательство.

К примеру, на основании решения Ингушского регионального третейского суда в декабре 2010 года за Д. и другими гражданами было признано право собственности на квартиры в новом многоквартирном доме и доли общедомового имущества, пропорциональные жилой площади каждой из приобретенных квартир, расположенных в указанном доме на данном земельном участке, а также прекращено право собственности Б. на земельный участок под этим же домом, в связи с признанием такого права за собственниками квартир, пропорционально размера их жилой площади (дело № ТС 06-04/2010).

Право собственности на жилое помещение Д. зарегистрировала в Росреестре в 2011 году. Основанием регистрации послужило решение вышеуказанного третейского суда.

Решив в 2019 году зарегистрировать право собственности на долю общедомового имущества – земельный участок, Д. обратилась в Росреестр, однако в регистрации ей было отказано, в связи с тем что право собственности на землю под многоквартирным домом на момент ее обращения было зарегистрировано на бывшего собственника Б.

Д. обратилась в федеральный суд с требованием о признании действия Росреестра незаконными и обязании зарегистрировать право собственности на долю земельного участка пропорционально ее жилой площади, расположенной в многоквартирном доме на данном земельном участке. Заявитель в обоснование своих требований ссылалась на решение третейского суда, в котором было прекращено право собственности Б. на спорный земельный участок и признано право собственности на долю в общедомовом имуществе каждого собственника жилого помещения.

В своем возражении Росреестр указал, что регистрационные действия носят заявительный характер и на момент регистрации права собственности на квартиру в 2011 году от собственника не поступило заявления о регистрационных действиях в отношении общедомового имущества. Для регистрации права собственности необходимо присутствие собственника Б. Ссылка Д. на тот факт, что Б. находится в федеральном розыске за совершение ряда преступлений и его местонахождение неизвестно, не повлияла на решение суда, признавшего отказ в регистрации права собственности на долю земельного участка под многоквартирным домом законным.

Полагаем, что суд вынес решение вопреки позиции Коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, определившего, что момент возникновения права общей долевой собственности у собственников жилых и нежилых помещений на общее имущество, а также момент перехода доли в праве наступает с даты государственной регистрации права собственности на квартиру [8].

Пунктом 2 ст. 8.1 ГК РФ предусмотрено, что права на имущество, подлежащие регистрации (в том числе право собственности на недвижимое имущество), возникают, изменяются, прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, если иное не установлено законом [1].

Положениями ст. 36 - ЖК РФ и чч. 2 и 5 ст. 16 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» установлено, что момент возникновения права общей долевой собственности у собственников жилых и нежилых помещений на общее имущество многоквартирного жилого дома, в том числе на земельный участок, сформированный под таким домом, а также момент перехода доли в праве на общее имущество наступает именно с даты государственной регистрации права собственности на квартиру.

Таким образом, покупатель квартиры с момента государственной регистрации права собственности приобретает в силу закона и право на долю в общей долевой собственности на сформированный в установленном порядке земельный участок, под многоквартирным домом.

Необходимо отметить, что согласно п. 5 ст. 14 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости», основаниями для осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав являются вступившие в законную силу судебные акты [5].

В соответствии с п. 32 раздела VI Приказа Росрегистрации от 07.06.2007 «Об утверждении Методических рекомендаций о порядке государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании судебных актов», – при осуществлении государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании решения третейского суда в графе «Документы-основания» соответствующих подразделов ЕГРП рекомендуется указывать реквизиты документов, на основании которых возникли гражданские правоотношения, а также решения третейского суда [7].

В соответствии с п. 4 ст. 8 Гражданского Кодекса РФ, если право на имущество возникает, изменяется или прекращается вследствие наступления обстоятельств, указанных в законе, запись о возникновении, об изменении или о прекращении этого права вносится в государственный реестр по заявлению лица, для которого наступают такие правовые последствия, может быть предусмотрено также право иных лиц обращаться с заявлением о внесении соответствующей записи в государственный реестр.

Между тем, необходимо помнить, что судебный акт является самостоятельным основанием как для государственной регистрации права на недвижимое имущество, так и для погашения регистратором имеющихся записей в едином государственном реестре недвижимости.

В случае если решением суда предусмотрено прекращение права на недвижимое имущество у одного лица или установлено отсутствие права на недвижимое имущество у такого лица, и при этом предусмотрено возникновение этого права у другого лица или установлено наличие права у такого другого лица, то государственная регистрация прав на основании этого решения суда может осуществляться по заявлению лица, у которого право возникает на основании решения суда, либо право которого подтверждено решением суда.

При этом не требуется заявление лица, чье право прекращается или признано отсутствующим по этому решению суда, в случае если такое лицо являлось ответчиком по соответствующему делу, в результате рассмотрения которого признано аналогичное право на данное имущество за другим лицом (ч. 3 ст. 58 Закона о регистрации).

Вопрос об отчуждении или выделе доли общедомового имущества регулируется ст. 37 ЖК РФ. После того как произошло определение долей в праве общей долевой собственности на участников договоренности накладываются регламентируемые законом запреты.

Так, согласно п. 2 ст. 290 ГК РФ, имущественная доля не может выступать как самостоятельный объект совершения гражданско-правовых сделок. Соответственно, из этой нормы вытекает принцип, что доля земельного участка в общедомовом имуществе не может быть отчуждена отдельно от недвижимости.

Приведенные аргументы дают основание утверждать, что пределы осуществления правомочия распоряжения земельным участком под многоквартирным домом состоят в невозможности отчуждать долю на этот участок отдельно от собственников квартир.

Указанная проблема, которая, на наш взгляд, подлежит решению в ближайшее время, заключается в необходимости внесения изменений в закон о государственной регистрации, указав, что при регистрации права собственности на жилое или нежилое помещение в многоквартирном доме следует одновременно регистрировать и право собственности на долю общедомового имущества, в том числе и земельного участка под таким домом, о чем вносить запись в Росреестр. Это избавит Федеральную

службу государственной регистрации, суды и другие заинтересованные административные органы от ненужной волокиты, связанной с дублированием регистрационных действий, в случае если собственник жилого помещения в многоквартирном доме решит заявить о своем праве на долю участка в общедомовом имуществе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32. Ст. 3301.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ, 2005 г. № 1 (часть I) ст. 14.

3. Федеральный закон от 29.12.2004 г. № 189-ФЗ (ред. от 25.05.2020) «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2005 г. N 1 (часть I) ст. 15

4. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О кадастровой деятельности» // Собрание законодательства РФ, 2007 г. № 31 ст. 4017.

5. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ № 218-ФЗ (ред. от 05.04.2021) «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ, 2015 г. № 29 (часть I).

6. Постановление Правительства РФ от 28 января 2006 г. № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // Собрание законодательства РФ, 2006 г. № 6, ст. 702.

7. Приказ Росрегистрации от 07.06.2007 № 112 «Об утверждении Методических рекомендаций о порядке государственной регистрации прав на недвижимое имущество на основании судебных актов» // Бюллетень Минюста РФ, 2007. № 11.

8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.01.2017 по делу № 305-КГ16-10570, А40-78400/2015// URL: https://www.garant.ru. (дата обращения 25.04.2021).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // URL: https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-n-10/

10. Шихалева О.В. Что такое «Доля в праве собственности на земельный участок под многоквартирным домом»? // Российское право: образование, практика, наука. 2010. № 5. С. 53-59.

УДК 347

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОРЯДКА ВЕДЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ, УЗБЕКИСТАНЕ И БЕЛАРУСИ

© 2021 г. Т.А. Мосиенко, К.С. Мухиддинов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В работе рассматриваются принципы исполнительного производства в России, Беларуси и Узбекистане. Актуальные проблемы практики применения принципов исполнительного производства являются на сегодняшний день главенствующими для судебных приставов Федеральной службы судебных приставов при исполнении судебных актов.

Авторы предлагают принять Исполнительный кодекс Российской Федерации для надлежащего исполнения юрисдикционных актов, в том числе иностранных судебных решений.

Ключевые слова: *судебный пристав-исполнитель, исполнительное производство, стороны исполнительного производства, этапы исполнительного производства, принципы исполнительного производства, задачи, меры принудительного исполнения*

The paper discusses the principles of enforcement proceedings in Russia, Belarus and Uzbekistan. The problems of applying the principles of enforcement proceedings are today dominant for bailiffs of the Federal Bailiff Service in the execution of judicial acts.

The authors propose to adopt the Executive Code of the Russian Federation for the proper execution of jurisdictional acts, including foreign court decisions.

Key words: *bailiff, enforcement proceedings, parties to enforcement proceedings, stages of enforcement proceedings, principles of enforcement proceedings, tasks, enforcement measures*

Актуальный процесс исполнительного производства может выступать в качестве одной из сфер права, которая в России развивается достаточно активно и в последние годы обретает все большую значимость. Большая часть вопросов, которые связаны с реализацией положений, изложенных в Федеральном законодательстве, на практике не способны отыскать единообразного решения. Это обусловлено созданием правовой доктрины в выделенной сфере, а также изъянами, присутствующими в законодательстве.

Совершенствование концепции исполнительного производства – это отдельная правовая сфера. Изучая ее, следует более подробно изучить те элементы, которые демонстрируют ее индивидуальность. Среди них – базовые принципы исполнительного производства. Данный момент становится особенно важным при формировании Исполнительного кодекса Российской Федерации. Он предполагает внесение основных принципов в положения.

Здесь следует отметить, что принципы исполнительного производства представляют собой комплекс основ, закрепленных на законодательном уровне. Из них происходит суть и содержание всех решений, которые принимаются в сфере исполнительного производства. Принципы демонстрируют сущность исполнительного производства. Она заключается в следующем: органы государственной власти исполняют функции, связанные с исполнением. Для этого реализуются предоставленные полномочия. Применяются принудительные меры, что нужно для удовлетворения интересов лиц. Среди них есть как физические, так и юридические лица. В их пользу обеспечивается исполнение.

Принципы исполнительного производства

Среди принципов исполнительного производства в Российской Федерации можно указать следующие пункты: законность; справедливость; равноправие; целесообразность [1].

Существует также ряд специальных принципов, о которых следует упомянуть: неприкосновенность лица, выступающего в качестве должника; диспозитивность; неприкосновенность минимальной величины средств, необходимых для жизни должника (а также членов его семьи); пропорциональность распределения сумм, подлежащих взысканию между лицами, которые выступают в роли взыскателей; национальный язык.

Если речь идет об Узбекистане, то здесь действуют следующие принципы: законность; своевременность; прозрачность совершения исполнительных мер; целесообразность; справедливость; уважение чести и достоинства гражданина [2].

На территории Беларуси действует несколько принципов. В их список включаются: законности; процессуальная экономия; равноправие; добросовестность; уважение чести гражданина, а также его

достоинства; соблюдение баланса между объемом требований, поступающих со стороны взыскателя, и мероприятий, которые будут предприняты для исполнения в принудительном порядке; беспристрастность [3].

На наш взгляд, следует провести анализ принципов, применяемых в исполнительном производстве России, Республики Беларусь и Республики Узбекистан.

Исследуя списки по всем трем странам, изучаемым в рамках анализа, можно сделать вывод о том, что они приблизительно идентичны. Большая часть из них совпадают. Причем, во всех государствах наиболее важным считается принцип законности, который относится к категории «общеправовых». Его суть закреплена в нескольких законодательных актах. Если говорить о Российской Федерации, то в Конституции РФ [4] есть статья, которая провозглашает права и свободы каждого гражданина в качестве высшей ценности. Государство дает гарантии этих прав, обеспечивая их полноценную реализацию.

На территории всех стран из тех, что рассматриваются в рамках данного анализа, большое значение имеет и принцип равенства сторон в исполнительном производстве. Он заключается в том, что государство предоставляет гарантии всем в равной степени. При этом не имеет никакого значения пол, раса, национальность, язык, религия. Также не важно положение (как имущественное, так и социальное) [5, с. 45].

Что касается принципа целесообразности, характерного сразу для двух стран (это РФ и Узбекистан), то его необходимость была неоднократно подтверждена на практике. Для исполнительного производства это подразумевает оправданность определенных действий, осуществляемых уполномоченными структурами. Выражаясь другими словами, это соответствие между поставленной целью и действиями, совершенными по факту [6].

Хотелось бы отметить, что в исполнительном производстве РФ, если рассматривать сложившуюся на данный момент ситуацию, система принципов развита достаточно хорошо. Для дальнейшего совершенствования системы требуется закрепление на законодательном уровне. Важно, чтобы принципы приобрели обязательный характер, были внедрены практически повсеместно. Для модернизации они должны быть внесены в практическую деятельность структур, отвечающих за принудительное исполнение [7, с. 201].

В РФ главная цель принудительного исполнения заключается в восстановлении прав и свобод в случае нарушения актов, прописанных в законодательстве. При этом в Узбекистане в качестве основных задач выступает реализация мер, направленных на обязательную и своевременную реализацию ряда мер, которые направлены на исполнение в принудительном порядке исполнительной документации. Данная документация предоставляется на базе решений, принимаемых в судебных инстанциях, а также предписаний, вынесенных по делам (как административным, так и гражданским).

Главная задача в Республике Беларусь заключается в восстановлении прав, законных интересов физических и юридических лиц, а также лиц, находящихся в статусе индивидуальных предпринимателей. Также в список основных задач можно внести соблюдение и защиту государственных интересов. Данный пункт осуществляется за счет реализации исполнительной документации. Исполнение происходит вовремя, грамотно, в полной мере, что обеспечивает высокую эффективность функционирования. Здесь можно сделать вывод об общности позиции между двумя странами: РФ и Беларусью. Формулировка основных задач приблизительно идентична [8, с. 67].

Далее, на наш взгляд, следует рассмотреть структуры, выступающие в качестве исполнителей. Например, в Узбекистане в этой роли выступают государственные или же частные судебные исполнители. Они реализуют функции, которые были возложены на них законодательно. В РФ в качестве исполнителя выступает судебный пристав-исполнитель. По сути, это должностное лицо, которое реализует ряд функций, связанных с исполнением решений, вынесенных судебными структурами, в принудительном порядке. Также он обеспечивает исполнение актов, выданных иными органами (как вариант, иными должностными лицами). Главной обязанностью является исполнение решений (а также постановлений), связанных с взысканием денежных средств. Здесь подразумевается наложение ареста на денежные средства, их изъятие. Речь идет не только о тех деньгах, которые находятся в наличной форме, но и безналичных суммах, выявленных на счетах должника, открытых в кредитных учреждениях. При этом, арест может налагаться на имущественные ценности. При выполнении непосредственных обязанностей лицо, занимающее должность судебного пристава-исполнителя, должен хранить при себе удостоверение определенного образца, а также исполнительную документацию, предоставленную судебными структурами. В Беларуси в качестве исполнительного органа выступает судебный исполнитель [9, с. 114].

Здесь можно сделать вывод о наличии общих черт между системой, принятой в Российской Федерации и Республике Беларусь.

Также в рамках представленного анализа требуется сравнить основные стимулирующие меры, призванные должника устранить задолженности. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1. Меры, стимулирующие к возврату образовавшейся задолженности

	Российская Федерация	Республика Узбекистан	Республика Беларусь
Стимулирующие меры	- запрет, налагаемый на выезд за пределы страны; - запрет, налагаемый на предоставление загранпаспорта; - запрет на отчуждение имущественных ценностей	- наложение ограничений на выезд; - наложение ареста на имущественные ценности, принадлежащие должнику; - арест, который налагается на денежные средства, находящиеся в наличной форме; - арест на имущественные ценности, принадлежащие должнику; - арест, налагаемый на суммы, находящиеся на счетах или во вкладах; - запрет на выполнение определенных действий.	- арест, который налагается на денежные средства, находящиеся в наличной форме; - арест на имущественные ценности, принадлежащие должнику; - арест, налагаемый на суммы, находящиеся на счетах или во вкладах; - опись и/ими изъятие имущественных ценностей, даже если в данный момент времени они находятся у третьих лиц. В некоторых случаях это имущество передается на хранение, что соответствует законодательству страны; - наложение запрета на осуществление некоторых действий и так далее.

Из данных, которые продемонстрированы в таблице 1, можно понять, что меры стимулирования должника приблизительно одинаковы во всех странах, рассматриваемых в рамках данной статьи. В перечисленных государствах принято налагать арест на ценности (в первую очередь, имущественные) и денежные средства, при этом территориальные перемещения существенно ограничиваются.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать вывод о наличии общих черт у двух стран: Российской Федерации и Республики Беларусь. Среди общих черт можно упомянуть исполнителя, отвечающего за реализацию решений, принципы, а также спектр решаемых задач. Впрочем, есть несколько общих особенностей и с Узбекистаном. В первую очередь, речь идет о принципах и мерах, применяемых для стимулирования должника.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об исполнительном производстве» // Российская газета. 06.10.2007. № 223.
2. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Российская газета. 05.08.1997. № 149.
3. Закон Республики Узбекистан от 29.08.2001 № 258-II (ред. от 03.12.2019) «Об исполнении судебных актов и актов иных органов» // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2001. № 9-10. Ст. 169.
4. Закон Республики Беларусь от 24.10.2016 № 439-З (ред. от 06.01.2021) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11600439.
5. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
6. Куракова Н.В. Место исполнительного производства в системе права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 11. С. 45-47.
7. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2019. 455 с.
8. Боннер А.Т. Исполнительное производство: отрасль российского права или стадия процесса? // Законодательство. 2019. № 8. С. 67-68.
9. Завадская Л.Н. Реализация судебных решений. М: Наука, 2018. 288 с.

УДК 347 349.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УСЛОВИЯХ НЕПОЛНОГО РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

© 2021 г. Н.Г. Шатверян, Д.А. Орлова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В данной статье углубленно изучается правовое регулирование работы на условиях неполной продолжительности рабочего времени, дается общая характеристика данного режима, выявляются положительные и негативные стороны использования такой продолжительности на практике, а также рассматривается проблематика юридического закрепления данного вида рабочего времени.

***Ключевые слова**: трудовое законодательство, работник, работодатель, рабочий день, Трудовой кодекс РФ, неполный рабочий день, трудовые отношения, смена, режим гибкого рабочего времени.*

The article examines in depth the legal regulation of work on the terms of part-time working hours, gives a general description of this regime, identifies positive and negative aspects of the use of such duration in practice, and also considers the problems of legal consolidation of this type of working time.

***Key words**: labor legislation, employee, employer, working day, Labor Code of the Russian Federation, part-time work, labor relations, shift, flexible working hours.*

На сегодняшний день трудовое законодательство активно развивается во всех направлениях, в том числе в направлении закрепления обоснованных юридически правовых норм по поводу временной продолжительности рабочего дня [8, с. 75]. Такое обоснование призвано не только учитывать, но и обеспечивать законные права и интересы обеих сторон трудовых отношений. Однако в юридически закрепленных документах нет четкой регламентации по поводу регулирования неполного и ненормированного рабочего времени. Таким образом, обоснованные нормы (93, 96, 101, 102 ТК РФ и так далее) не способны быть полностью реализованы в данной категории [4]. Неоднозначность и целевая направленность таких норм порождает многочисленные проблемы и противоречия в применении их на практике.

В условиях современного мира система использования неполного рабочего дня и неполной рабочей недели с каждым годом становится все более актуальней. Данная система не только способна обеспечить реализацию трудовых интересов работников, но и самих работодателей.

Невозможно игнорировать факт того, что спрос на работников, осуществляющих трудовую деятельность в режиме неполного рабочего времени, вырос за последние десять лет. Такое проявление повышенной заинтересованности в привлечении работников связано с изобретением машинных механизмов, которые используются в сельской промышленности; автоматизации большинства работ (в частности работы с документами), изначально предполагавшей ручной труд.

Стоит заметить еще один факт, а именно то, что структурные сдвиги в экономической сфере страны подвигли работодателей повысить организацию мест для трудоустройства на условиях неполного рабочего дня [2, с. 57]. Такая модель во многом поспособствовала расширению базы вакансий на рабочие места, а также развитию сферы услуг и многих отраслей инфраструктуры. Так, трудовая деятельность в указанном режиме считается одним из самых выгодных решений в экономической сфере, так как у работодателя появляется возможность минимизировать трудности в разрешении организационных и программно-технологических проблем, решить сложности по поводу потери прибыли и облегчает набор сотрудников для привлечения к трудовой деятельности в качестве дополнительной рабочей силы. Именно поэтому распространение трудовой деятельности в режиме неполного рабочего дня является очень многообещающим способом решения проблемы безработицы в стране [5, с. 7].

Стоит учитывать, что при такой модели рабочего времени значительно повышается производительность труда у работников, не говоря о выработке сотрудников, занятых на общих условиях рабочего времени, вместе с тем является положительным моментом для работодателей [6, с. 33].

Не менее важным преимуществом для работодателя является то, что данный режим рабочего времени позволяется значительно экономить ресурсы. Данный аспект распространяется на все сферы, где будут задействованы работники, выполняющие работу в таком режиме. Это касается заработной платы – на таких условиях работники получают оклад совершенно в другом размере, что, в свою очередь, в большинстве случаев не мешает производительности труда. В конечном итоге, работодатель может избежать издержек в производстве и значительно сэкономить, не теряя при этом кадров.

Нужно иметь ввиду, что при наличии возможности перехода на такой вид рабочего времени работодатели смогут значительно снизить риски массовых увольнений работников [1. с. 38]. Такой вывод обусловлен положениями ч. 6 ст. 74 Трудового кодекса, в которой говорится, что, если работник отказывается от продолжения работы в режиме неполного рабочего дня (смены) и (или) неполной рабочей недели, трудовой договор расторгается в соответствии с п. 2 части первой ст. 81 ТК РФ с предоставлением соответствующих гарантий и компенсаций. В результате, несмотря на то, что в данных нормах не содержится никаких обстоятельств относительно порядка предложения о работе в режиме неполного рабочего времени, при отказе работника на такой перевод, сотрудник подвергается увольнению в порядке сокращения. Тем самым, введение режима неполного рабочего времени согласно ч. 5 ст. 74 ТК РФ способствует предотвращению таких массовых сокращений.

Социальным преимуществом для работников устройства на работу на условиях неполного рабочего времени является то, что такое распределение значительно облегчает совмещение работы с другими занятиями и видами деятельности [3. с. 84]. Такая перспектива, равно как значительное расширение рабочих мест в сфере услуг и отдельных отраслях инфраструктуры, поспособствовало значительному росту принятых на работу женщин. Для множества из них, имеющих несовершеннолетних детей, такой механизм работы – самый эффективный, поскольку это позволит иметь дополнительный заработок в семью, при этом достаточно времени уделять детям.

Кроме этого, такая работа привлекательна и для студентов, обучающихся в режиме дневной формы. Это дает возможность не только получать образование, но и возможность самостоятельно себя обеспечивать, свободно совмещать эти два вида деятельности без негативных последствий.

Лица пожилого возраста тоже немало заинтересованы в таком режиме работы, поскольку множество граждан пожилого возраста получают сравнительно маленькие выплаты пенсии, и в связи с тем, что некоторые профессии имеют ограничения по возрасту, пенсионеры вынуждены прекратить основную трудовую деятельность, лишаясь стабильного заработка. Как итог, с помощью такого режима работы остающиеся трудоспособными и не имеющие больших проблем со здоровьем пожилые граждане способны продолжить заниматься трудом с учетом их физического состояния.

Что касаемо юридического закрепления положения работы в условиях неполного рабочего времени, то Трудовой кодекс РФ позволяет устанавливать такой режим в нескольких случаях, кроме обычного соглашения между сторонами трудового договора.

Во-первых, такие работники как беременные женщины, родители или законные представители несовершеннолетнего ребенка, а также работники, которые ухаживают за больным членом семьи, имеют возможность согласовать переход на данный вид рабочего времени со своим работодателем.

Во-вторых, ссылаясь на статью 372 Трудового кодекса РФ, можно заключить, что работодатель вправе устанавливать данный режим работы по своей инициативе, как и в случаях, связанных с возможным ростом увольнений с рабочих мест в виду изменений организационных или технических условий труда.

Из чего можно заключить, что возможность использования неполной продолжительности рабочего времени во многом позволяет реализовать трудовые и социальные интересы не только работников, но и самих работодателей. Однако трудовое законодательство на данный момент не дает полной гарантии защиты прав сторон трудовых отношений, так как множество тонкостей такого нормирования рабочего времени не были расписаны юридически законодателем.

На данный момент существует несколько значительных недостатков в применении работы на условиях неполного рабочего времени.

Во-первых, трудовое законодательство не берет во внимание зарубежный опыт, связанный с использованием в качестве рабочей силы граждан пожилого возраста. Такая тенденция связана зачастую с тем, что такие лица значительно уступают более молодым работникам в плане здоровья и трудоспособности. Многие работодатели считают, что работники в возрасте могут быть менее эффективны в выполнении стандартного объема работы. В других странах кадровая политика относительно данного вопроса более снисходительна.

Возможным выходом из этого положения может стать повсеместное распространение модели работы на условиях неполного рабочего дня или недели. Так, снизится процент незанятого населения, достигшего пожилого возраста, но имеющего высокую квалификацию в той или иной сфере трудовой деятельности и достаточно способного выполнять работу по данной модели [7]. Для многих работодателей такая перспектива будет заманчива, поскольку позволит расширить рабочие места и преуменьшит проблемы кадрового набора, возникающие при деятельности в узкоспециальных отраслях.

Во-вторых, как показывает практика, довольно часто возникает неопределенность по поводу конкретного определения стандарта временной продолжительности рабочей смены для сотрудников, которые работают в режиме неполного рабочего времени. К сожалению, Трудовой Кодекс не регламентирует границы времени трудовой деятельности. Чтобы уменьшить проблемы, возникающие по

этому вопросу, стоит разработать несколько стандартов, которые бы применяли к отличным друг от друга видам трудовой деятельности. Таким образом, это позволит защитить интересы обеих сторон трудовых отношений.

Необходимо обратить внимание и на наличие рисков для работников, выбравших такой режим работы. Такие риски, прежде всего, выражаются в том, что некоторые работодатели могут оказаться некомпетентны по поводу многих аспектов таких трудовых отношений. Судебная практика показывает, что возникает множество споров между работником и работодателем по поводу необоснованного сокращения продолжительности отдыха, несоразмерного расчета и выплаты заработной платы, плохой реализации государственных гарантий, исчисления трудового стажа и так далее. Отдельно стоит сказать о том, что зачастую работодатель игнорирует положения статьи 93 ТК РФ, касательно предоставления неполного рабочего дня по заявлению сотрудника в период отпуска по уходу за ребенком. Примером этому может служить Решение № 2-3406/2019 2-3406/2019~М-2628/2019 М-2628/2019 от 29 мая 2019 г. по делу № 2-3406/2019, в котором работник частично добился удовлетворения иска по поводу предоставления работы в режиме неполного рабочего дня.

Так, работник должен помнить не только о преимуществах, но и о возможности наступления таких негативных последствий при устройстве на работу с данным режимом. Данная проблема несет субъективный характер, поскольку во многом избежание таких рисков требует не только квалифицированных знаний о своих правах и обязанностях в выбранной трудовой деятельности, но и развитого правового сознания, сопряжённого с активной социальной позицией у сотрудника.

Множество трудовых споров по вопросам, связанных с установлением или с приостановлением режима неполного рабочего времени, возникает преимущественно из-за проблемы не зарегламентированности отдельных моментов в нормах трудового кодекса. Например, в апелляционном определении московского городского суда от 22.05.18 г. № 33-17774/2018 был рассмотрен иск по поводу незаконности приказа работодателя о том, что работник обязан изменить режим рабочего времени в связи с рождением ребенка только при предъявлении заявления об этом не менее чем за 5 рабочих дней. В итоге, суд признал действия ответчика (работодателя) неправомерными.

К сожалению, такой положительный исход для истца является редкостью в судебной практике. Если обратиться к статистике судебных разбирательств по трудовым спорам, касающихся правомерности издания работодателем локальных нормативных актов, то можно сказать, что в большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении исков сотрудников с истребованием признания незаконным локальные нормативные акты, ссылаясь на то, что в Трудовом кодексе отсутствуют положения, позволяющие работнику оспорить такой акт в суде. На данный момент такие споры решаются с учетом ст.8 ТК РФ, а именно суд может признать акт не подлежащим к исполнению к конкретному работнику, издавая при этом индивидуальное решение.

Из этого следует, что такая практика отрицательно сказывается на защите прав и интересов работников и стоит пересмотреть данное отсутствие норм о признании локального нормативного акта недействительным, тем самым избавив судебные разбирательства от вынесения отдельных актов для каждого такого спора.

Резюмируя, следует отметить, что модель работы на условиях неполного рабочего времени имеет множество как преимуществ, так и недостатков. Однако только на практике возможно довести такой принцип осуществления трудовой деятельности до практического идеала, позволяющего максимально обеспечить защиту прав и законных интересов как работников, так и работодателей.

Литература

1. Вишневская Н.Т. Регулирование рабочего времени как средство смягчения проблемы безработицы // Труд за рубежом. 2000. № 1. С. 36-47.

2. Демина В.В. Трансформация социально-экономического содержания рабочего и свободного времени в постиндустриальной экономике: дис. ... д.э.н. М., 2012. 391 с.

3. Истратий А.Ю., Козлова Е.Г. Особенности использования свободного времени как элемента нематериального стимулирования персонала // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2016. № 2. С. 82-88.

4.Киселев Я.Л. О правовом регулировании режима рабочего времени // Советское государство и право. 1953. № 8. С. 51-52.

5. Кулешова Л. М. Использование труда на режимах неполного рабочего времени. М., 1987. С. 29.

6. Патрушев В.Д. Использование совокупного времени общества: (Проблема баланса времени населения). М.: Мысль, 1978. 216 с.

7. Рекомендация МОТ «О пожилых трудящихся» № 162 от 1980 г. Конвенции и рекомендации, принятые МОТ. 1957-1990. Т. II. Женева, 1991. С. 19271934.

8. Цыганкова И. В., Базжина В. А., Никишина О. Ю. Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2014. Т. 15. № 24 (270). С. 71-86.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 346.9

ЗАЩИТА ПРАВ СУБЪЕКТОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

© 2021 г. М.В. Лисицкая, Ю.Т. Эрганов

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Статья посвящена рассмотрению вопросов защиты прав субъектов предпринимательства. Исследовано право субъекта на осуществление предпринимательской деятельности. Проанализировано право предпринимателя на защиту. Рассмотрены формы защиты прав предпринимателей. В результате проведенного исследования были сделаны выводы о необходимости дальнейшего совершенствования внесудебных механизмов защиты прав предпринимателей.

Ключевые слова: *предпринимательство, субъекты предпринимательства, права предпринимателей, право на осуществление предпринимательской деятельности, право на защиту, защита прав предпринимателей.*

The article considers issues of protection of the rights of business entities. The right of a subject to carry out entrepreneurial activity is studied. The right of an entrepreneur to protection is analyzed. The forms of protection of the rights of entrepreneurs are considered. As a result of conducted research, conclusions are drawn about the need for further improvement of non-judicial mechanisms for protecting the rights of entrepreneurs.

Keywords: *entrepreneurship, business entities, rights of entrepreneurs, the right to conduct entrepreneurial activity, the right to protection, protection of the rights of entrepreneurs.*

В условиях современного хозяйственного порядка, основанного на рыночных отношениях, особое значение приобретают механизмы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Различные подходы к защите их прав вырабатывались в мировой практике довольно длительный промежуток времени.

Вместе с тем, используемые в России механизмы защиты еще далеки от совершенства, а права предпринимателей не в достаточной степени защищены. В связи с этим исследование защиты прав предпринимателей в свете норм трансформирующегося законодательства и сложившейся правоприменительной практики с целью выработки путей дальнейшего совершенствования предпринимательского законодательства представляет научный и практический интерес.

При осуществлении своей деятельности предприниматели реализуют субъективные права различного вида, охраняемые государством и подлежащие защите. Основным субъективным правом предпринимателя, безусловно, является само его право осуществлять предпринимательскую деятельность, которой признается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» (п. 2 ст. 2 ГК РФ).

В данном контексте обратим внимание на правовую неопределенность в отношении разделения предпринимательской и иной экономической деятельности. Как подчеркивается в научной литературе, законодательство содержит определение понятия «предпринимательская деятельность, но при этом не содержит понятия «экономическая деятельность» [1]. В связи с этим на практике возникают вопросы о соотношении предпринимательской и иной экономической деятельности, к которой может быть отнесена, в частности, деятельность, приносящая доход, которую могут осуществлять некоммерческие юридические лица, профессиональная деятельность таких субъектов как арбитражные управляющие, независимые оценщики и др.

Мы разделяем позицию по данному вопросу, высказанную И.В. Ершовой, [2] и считаем необходимым закрепить дефиницию «хозяйственная деятельность» в Гражданском кодексе РФ, дополнив соответствующим термином ст. 2 ГК.

Право осуществлять предпринимательскую деятельность включает ряд элементов: возможность произвольного выбора предпринимателем того вида и формы деятельности, которую он намерен осуществлять. Субъект предпринимательства может реализовывать деятельность любого рода, но, если осуществление того или иного вида деятельности требует наличия лицензии, то субъект вправе осуществлять такую деятельность только в случае ее наличия. Так, основной перечень лицензируемых

видов предпринимательской деятельности установлен в ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Физическое лицо может самостоятельно избирать организационную форму предпринимательства и может осуществлять ее как без образования юридического лица, в качестве индивидуального предпринимателя (ИП), так и создав соответствующую организацию со статусом юридического лица.

Таким образом, в качестве субъектов, которые могут осуществлять предпринимательство, выступают и ИП, и юрлица (прежде всего коммерческие).

Однако государство может устанавливать некоторые ограничения права граждан осуществлять предпринимательскую деятельность [3], как правило, в целях защиты интересов государства и общества в целом, прав и законных интересов граждан и организаций.

Рассматриваемое право составляет базис правового положения предпринимательских субъектов. «Данное конституционное право основывается как на положениях международных договоров, так и на нормах Конституции РФ, регламентирующих свободу экономической деятельности, права человека на собственность, свободный труд» [4].

Соответственно, указанное право охраняется и защищается нормами предпринимательского законодательства.

В процессе реализации субъективного права лица на занятие предпринимательской деятельностью субъект предпринимательства реализует различные юридически закрепленные возможности, подлежащие защите. При нарушении таких возможностей со стороны иных лиц или государства в лице уполномоченных органов предприниматель может воспользоваться принадлежащим ему правом на защиту.

Право на защиту характеризуется как «предоставленная управомоченному лицу возможность применения мер правоохранительного характера для восстановления его нарушенного или оспариваемого права» [5].

Данное право реализуется субъектами предпринимательства как в судебной, так и во внесудебной формах [5]. Судебная форма защиты получила в современной российской правоприменительной практике наибольшее распространение. Причем, как справедливо отмечает М.Н. Илюшина, «В многочисленных судебных спорах суды давно исходят из баланса интересов сторон» [6]. Наряду с этим применяются и внесудебные формы защиты прав предпринимателей, в первую очередь, административный порядок защиты. Так, при нарушении прав предпринимателей, действиями, противоречащими нормам антимонопольного законодательства, Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» предусматривает прежде всего административный порядок привлечения предпринимателя-правонарушителя к ответственности. Так, в функции Федеральной антимонопольной службы на основании ст. 22 указанного Закона включены выявление правонарушений в сфере антимонопольного регулирования, принятие мер по их прекращению и привлечение виновных лиц к ответственности. Таким образом, субъект предпринимательства, права которого нарушены в результате недобросовестного поведения хозяйствующего субъекта, нарушившего антимонопольное законодательство, может осуществить защиту своих прав в административном порядке, обратившись с соответствующей жалобой в антимонопольный орган. При этом согласно положениям п. 3 ст. 37 рассматриваемого Закона потерпевшие вправе защитить свои права и в суде, предъявив требования, в частности, «о восстановлении нарушенных прав, возмещении убытков, включая упущенную выгоду, возмещении вреда, причиненного имуществу».

При нарушении прав предпринимателей помимо административного порядка применяются и иные механизмы внесудебной защиты, основанные на достижении компромисса между сторонами, такие как досудебное урегулирование разногласий, медиативные процедуры и т.п. Как отмечают исследователи, при разрешении имущественных споров наблюдается устойчивый рост применения именно внесудебных форм защиты, что вызвано повышением уровня правовой грамотности предпринимателей [7], а также повышением уровня доверия хозяйствующих субъектов к таким формам защиты [8]. Вместе с тем потенциал внесудебных механизмов разрешения конфликтов по-прежнему реализуется недостаточно и требует дальнейшего совершенствования.

Полагаем, что внесудебные формы защиты предпринимательства, в частности основанные на достижении соглашения между сторонами конфликта, такие как досудебное урегулирование споров, процедура медиации и другие, выступают в качестве действенного инструмента урегулирования экономических конфликтов и в связи с этим должны получить дальнейшее развитие в законодательстве и в правоприменении.

Итак, право предпринимателя на осуществление предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности предусмотрено Конституцией РФ и находит свое законодательное закрепление в ГК РФ и иных нормативно-правовых актах. При этом действующее законодательство не содержит легального определения понятия «экономическая деятельность». Кроме того, на практике нет четких критериев отграничения предпринимательской деятельности и экономической

деятельности, что создает неясности в правовом регулировании отношений с участием предпринимателей. В связи с этим считаем необходимым закрепить понятие «экономическая деятельность» в ст. 2 ГК РФ.

В процессе реализации субъективного права лица на занятие предпринимательской деятельностью субъект предпринимательства реализует различные юридически закрепленные возможности, подлежащие защите. Права предпринимателей защищаются с использованием различных форм. В результате исследования мы пришли к выводу о том, что указанные формы целесообразно подразделять на судебные и внесудебные.

Внесудебные способы защиты прав участников предпринимательских отношений могут выступать в качестве эффективного механизма урегулирования споров между хозяйствующими субъектами. Но, несмотря на рост популярности применения таких форм защиты, на сегодняшний день их потенциал реализуется не в полной мере. Соответственно, необходимо дальнейшее развитие нормативно-правового регулирования внесудебных форм защиты прав предпринимателей.

Литература и источники

1. Скворцова Т.А., Сорокин В.А. К вопросу о понятии предпринимательской деятельности и о ее соотношении с иными видами экономической деятельности // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ "Нацразвитие". Всероссийской (национальной) научно-практической конференции и Всероссийских (национальных) научных конференций. Санкт-Петербург, 2021. С. 87-89.

2. Ершова И.В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // Lex russica. 2016. № 9. С. 46-61.

3. Ручкина Г.Ф. Предпринимательская правосубъектность как элемент правового статуса гражданина // Юрист. 2003. №10. С. 2-5.

4. Предпринимательское право Российской Федерации / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 992 с.

5. Скворцова Т.А., Козорезова С.В., Бут Н.А. Механизмы защиты прав предпринимателей при осуществлении валютных операций // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 163-165.

6. Илюшина М.Н. Проблемы прекращения в одностороннем порядке договоров с участием предпринимателей в свете Концепции совершенствования гражданского законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 14-20.

7. Романова В.В. Проблемные аспекты реализации судебной и внесудебной форм защиты прав лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в сфере строительства энергетических объектов // Российский судья. 2012. № 10. С. 38-41.

8. Жестеров П.В. Ответственность членов совета директоров: тернистый путь эволюции от уголовной репрессии и административной дисквалификации к гражданско-правовому формату разрешения конфликтов // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2016. № 6. С. 294-299.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.633

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ УСЫНОВЛЕНИЯ (УДОЧЕРЕНИЯ) ДЕТЕЙ В РОССИИ

© 2021 г. Т.А. Мосиенко, А.А. Григорьева

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

По мнению авторов, процесс усыновления (удочерения) является важным элементом социальной политики российского государства, но при этом, следует особо отметить, что правовой механизм данного института до конца не проработан и нуждается в совершенствовании.

На основе проведенного анализа правого механизма авторами выделяется перечень проблем, связанных с усыновлением детей как российскими, так и зарубежными гражданами. При этом необходимо определить правовой статус ребенка, оставшегося без попечения родителей, который имеет право быть усыновленным.

В статье подробно рассмотрен правовой механизм усыновления (удочерения) ребенка в России, который регламентирован законом, а права и обязанности усыновителей в отношении принятого ребенка возникают на основании судебного решения.

Ключевые слова: *суд, ребенок, оставшийся без попечения родителей, усыновление (удочерение), органы опеки и попечительства, прокурор, усыновители, возраст, согласие обоих супругов, члены семьи, тайна усыновления, социальное сиротство, кандидаты в усыновители, судебная практика, апелляционная жалоба.*

According to the authors, the process of adoption is an important element of the social policy of the Russian state, but at the same time, it should be especially noted that the legal mechanism of this institution is not fully developed and needs improving.

Based on the analysis of the legal mechanism, the authors identify a number of problems associated with the adoption of children by both Russian and foreign citizens. At the same time, it is necessary to determine the legal status of a child left without parental care, who has the right to be adopted.

The article discusses in detail the legal mechanism of adoption of a child in Russia, which is regulated by law, and the rights and obligations of adoptive parents in relation to an adopted child arise on the basis of a court decision.

Key words: *court, child left without parental care, adoption, guardianship authorities, prosecutor, adoptive parents, age, consent of both spouses, family members, secret of adoption, social orphanhood, candidates for adoptive parents, court practice, appeal*

Определяя актуальность избранной темы для исследования, можно отметить, что в России уже сформирована правовая база, которая направлена на урегулирование процессов усыновления (удочерения).

Необходимо отметить, что принятие закона Димы Яковлева [1] не могло не сказаться положительным образом на устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, в зарубежные семьи, хотя очень многие дети до принятия этого закона уже были усыновлены и проживают до настоящего времени за рубежом.

Поэтому за последние годы российские дети-сироты стали в 11 раз реже попадать в зарубежные семьи на усыновление по сравнению с показателями 2012 года. Также следует обратить внимание на то, что вдвое сократилось и количество усыновлений на территории нашего государства. Если в 2012 году в иностранные семьи попали 2604 ребенка из России, то в 2019 году – всего на всего 240 детей. Лидером усыновления детей, оставшихся без попечения родителей, является Итальянская Республика, граждане которой усыновили в 2012 году 762 ребенка, а в 2019 году – 165 детей [2].

По официальным данным в 2012 году чаще всего детей из России усыновляли также граждане США, Испании, Франции и Германии, а в 2019 году список государств в этой области значительно изменился.

В 2020 году число детей, оставшихся без попечения родителей, сократилось на 13 % по сравнению с 2019 годом и их количество составило 30 684 ребенка. При этом подавляющее большинство детей были переданы в российские семьи под опеку и попечительство (72 %), а остальных детей передали в учреждения социальной защиты населения.

Социальное сиротство в России является одной из главных проблем в современном обществе, и поэтому государство должно уделять особое внимание по защите прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей.

Алкоголизм и употребление наркотических средств родителями ставит под угрозу семью, в том числе детей, которые подвергаются семейно-бытовому насилию, а иногда получают инвалидность необратимого рода от своих родителей.

Разрушение семейных устоев не может не сказаться на обществе в целом, так как ценности, прививаемые в семье ребенку, являются неотъемлемым способом родительского воспитания, от которого зависит качество жизни нашего государства и в дальнейшем позволит ему создать семью по прототипу своих родителей.

Маргинализация в рамках отдельной семьи является угрозой обществу в целом. Следует помнить, что дети, обреченные на социальное сиротство могут привнести в свою взрослую жизнь искаженные модели поведения, а соответственно проблематика социально сиротства является важной исследовательской задачей.

В соответствии с нормами как международного, так и российского законодательства, основной задачей семейного права является обеспечение интересов детей. Психологи всего мира утверждают, что ребенку для полноценного развития нужна семья и чем раньше ребенок будет усыновлен, тем безболезненнее для него пройдет данный процесс [4, С. 142-143].

В настоящее время уделяется внимание данной категории лиц. Встречается некомпетентность государственных служащих, которые осуществляют деятельность по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, недостаточно финансируются программы по предоставлению жилья данной категории лиц, также имеется бюрократизм в органах власти. Немаловажным фактором является недостаточный уровень правовой культуры самих детей-сирот: отсутствие необходимых знаний о своих правах и способах их защиты и, как следствие, низкая активность в отстаивании собственных прав.

В настоящее время законодательством Российской Федерации разрешена и урегулирована процедура усыновления не только гражданами нашей страны, но и гражданами иных зарубежных государств. Однако важно отметить закрепление приоритетности национального усыновления перед международным.

Так, согласно норме, закрепленной в ст. 124 Семейного кодекса РФ (СК РФ) [5], иностранные граждане могут претендовать на усыновление российского ребенка при условии, что данный ребенок не может быть устроен в российскую семью в течение года с момента постановки на учет в государственный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей [6].

Конвенция ООН «О правах ребенка» [7] закрепляет права детей и обязанность государств-участниц данной Конвенции осуществлять защиту прав и интересов ребенка, не достигшего возраста совершеннолетия, в случае их нарушения.

В российской судебной практике чаще всего нарушаются сроки органами опеки и попечительства при постановке ребенка на первичный учет в региональный банк данных, а, следовательно, федеральный банк данных также с опозданием получает сведения о ребенке, оставшемся без попечения родителей.

Необходимо сказать, что в настоящий период работа органов опеки и попечительства подвергается большой критике со стороны практикующих юристов, а именно по подбору семьи для ребенка, оставшегося без попечения родителей.

Юридические права и обязанности усыновителей и приемных детей по отношению друг к другу прекращаются после отмены усыновления. Детей передают либо родителям, либо органам опеки и попечительства для последующего устройства.

Суд вправе восстановить прежние данные:

– о месте и дате рождения (если они были изменены);

– ФИО с согласия ребенка 10 лет и старше.

Усыновителю могут присудить выплату алиментов на содержание ребенка. Отмена в отношении совершеннолетнего допускается только с его согласия и согласия усыновителей (ст. 144 СК РФ).

В интересах детей, определяемых в семью на воспитание, тайну усыновления охраняет государство (ст. 139 СК РФ). Специалисты органов опеки, ЗАГСа, суда, имеющие дело с документами, в интересах несовершеннолетних не имеют право разглашать информацию и несут ответственность по уголовному законодательству (ст. 155 Уголовного кодекса РФ [8]).

Статья 127 СК РФ закрепляет перечень лиц, не обладающих правом на усыновление (удочерение) ребенка, тем более, если эти лица имеют судимость за тяжкие и особой тяжести преступления.

Судимые за преступления тяжкие и особой тяжести, преступления против половой неприкосновенности не могут быть усыновителями ни при каких условиях. Лица, совершившие уголовные преступления небольшой и средней степени тяжести, могут быть усыновителями на усмотрение суда, ес-

ли будет подтверждено, что они не нанесут вреда жизни, здоровью и нравственности детей. При этом если суд обязан учитывать:

– срок, прошедший с момента преступления;

– обстоятельства, поведение кандидата с целью убедиться, что такое лицо не представляет угрозы для ребенка (п. 10 ст. 127 СК РФ).

До того как решение суда вступит в законную силу, его можно обжаловать в апелляционном порядке (ст. 320 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) [9]) в вышестоящем суде (ст. 320.1 ГПК РФ).

Апелляционную жалобу подают через тот же суд, который вынес решение, в течение 10 дней со дня его принятия (п. 2.1 ст. 274 ГПК РФ).

Документ предусматривает, что при принятии решения об усыновлении суды в интересах ребенка смогут отступать от положений статьи 127 Семейного кодекса РФ. Уточняется, что речь идет лишь о тех ситуациях, когда ребенок «в силу уже сложившихся семейных отношений» живет с потенциальным усыновителем или опекуном.

Процесс усыновления является важным и сложным правовым механизмом во всех государствах мира. В разных странах в рамках развития законодательства этих государства в системе усыновления происходили различные формы детерминации данного правового института. Благодаря целенаправленной государственной политике, изменению отношения общества к приемной семье, а также совершенствованию деятельности органов опеки и попечительства, удалось достигнуть данных результатов. Но численность детей, оставшихся без попечения родителей, до сих пор остаётся высокой.

Правовой механизм международного усыновления должен принимать во внимание имеющиеся социально-правовые условия института усыновления в каждой правовой системе той или иной страны. Следует отметить, что на международном уровне существует целый ряд нормативных правовых актов, которые закрепляют право ребенка на заботу, воспитание в семье, право на свою индивидуальность, право на защиту государства.

Международные документы регламентируют запрет на получение выгоды от усыновления детей. На государства возлагается обязанность обеспечивать оформление процедуры усыновления только компетентными органами власти в соответствии с международным и национальным законодательством.

Также предусматривается обязанность государства контролировать разрешения на усыновления ребенка заинтересованными лицами, к которым, например, относятся родственники усыновленного ребенка, представители органов опеки и попечительства. Во всех странах усыновление ребенка представляет собой одну из наиболее приоритетных и распространенных форм устройства тех детей, которые остались без попечения родителей.

Интерес иностранных усыновителей к Российской Федерации обусловлен тем, что в России большое количество детей, которым нужна семья, туда же можно отнести детей с пороками развития, которых российские граждане усыновляют достаточно не охотно. Так, согласно официальным данным, приведенным на сайте Федерального банка данных о детях-сиротах, сегодня там находятся видео анкеты и сведения более чем о 43 тыс. российских детей [10], большинство из которых долгие годы не могут найти свою семью.

Международное усыновление иностранцами несколько отличается от процедуры усыновления гражданами РФ. Главное отличие заключается в том, что в процедуре участвует не только региональный орган опеки и попечительства и суд, но еще и уполномоченный орган иностранного государства. Кроме того, будущему иностранному усыновителю, в сравнении с гражданином РФ, придется собрать более расширенный пакет документов, чтобы встать на российский учет желающих усыновить ребенка.

Для иностранных усыновителей, также как и для граждан РФ, определяется конкретный перечень требований. Так, усыновители не должны иметь судимости, каких-либо зависимостей и заболеваний, которые могут препятствовать исполнению родительских обязанностей. Кроме того, эти граждане должны быть дееспособными, иметь хорошее материальное положение, собственную жилплощадь, немало важным является и наличие опыта в общении с детьми. Процедура усыновления иностранцами российских детей включает в себя несколько этапов. В порядок действий иностранного усыновителя первым делом следует отнести сбор всех необходимых документов, затем осуществляется обращение в региональный банк данных о детях-сиротах РФ. После чего кандидат становится на учет и ожидает очереди. Далее усыновитель получает предложение, знакомится с ребенком и оформляет согласие. И уже после совершенных им действий назначается судебное заседание, затем кандидат получает судебное решение и становится на учет в консульство [11, с. 44-45].

Необходимо отметить, что российский законодатель стремится к устройству ребенка в семью, но граждане США, в том числе одинокие, не могут претендовать на усыновление российского ребенка, как и многие другие страны, где разрешены однополые союзы.

В 2021 года премьер-министр РФ М. Мишустин утвердил новые Правила организации усыновления российских детей иностранцами. Они касаются роли зарубежных некоммерческих организаций (НКО) и государственных структур, которые вступили в действие с 1 января 2021 года.

В России постоянно проводится мониторинг судебных решений по вопросам усыновления. Постановление Пленума Верховного Суда РФ является правоприменительным актом, разъясняющим нижестоящим судам механизм усыновления (удочерения) [12].

При решении правовых коллизий разъяснения Верховного Суда РФ позволяют повысить эффективность и конкретизировать юридические решения в рассматриваемой сфере, что не всегда отвечает жизненным реалиям.

Подводя итог, следует отметить, что процесс усыновления прошел длительный период развития и в данном конструкте особое значение приобретает правовой опыт. Многие вопросы усыновления (удочерения) опираются на сложившиеся условия.

По нашему мнению, необходимо сформировать комплекс мер, направленных на совершенствование института усыновления (удочерения). Думается, что для налаживания близкого контакта усыновителя с ребенком следует закрепить в Семейном кодексе РФ для претендентов в усыновители испытательный срок продолжительностью до 6 месяцев. Все это позволит более качественно подойти к усыновлению ребенка, так как он уже понес тяготы всей взрослой жизни, когда проживал со своими биологическими родителями, например, родители злоупотребляли спиртными напитками либо наркотическими средствами либо физически истязали ребенка и т.д.

На наш взгляд, на территории государства, заключившего двухсторонний договор об усыновлении (удочерении) российских детей, необходимо создавать российские представительства органов опеки и попечительства, возложив на специалистов этих органов обязанности по контролю и защите прав и интересов детей, усыновленных иностранными гражданами.

Только тогда можно с уверенностью утверждать, что усыновители, зная о таких специалистах в их государстве, будут обдуманно подходить к усыновлению детей, оставшихся без попечения родителей, и не нарушать права и интересы детей.

По нашему мнению, иностранные граждане, желающие принять ребенка на усыновление (удочерение), должны проходить подготовку на территории Российской Федерации в соответствии с действующим законодательством, учитывая при этом обычаи и традиции нашей многонациональной страны, и знание русского языка должно быть обязательным, так как ребенок в основном передается в иностранные семьи в более сознательном возрасте и ему все это позволит в кратчайшие сроки адаптироваться к той среде, в которой он будет проживать в последующее время.

Данные положения должны быть включены в ч. 2 п. 6 статьи 127 Семейного кодекса РФ для надлежащей защиты прав и интересов ребенка, претендующего на усыновление в иностранную семью.

Все это позволит более тщательным образом проводить установление усыновления, но и жизнь ребенка, проживающего в другом государстве, на наш взгляд, не должно исключать контроля со стороны Российского государства, гражданином которого является несовершеннолетний.

Таким образом, современный механизм усыновления (удочерения) не может быть назван эффективным, а унификация правового механизма должна осуществляться с учетом практического опыта и быть направлена на совершенствование правоприменительной практики.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Российская газета. 29.12.2012. № 302.
2. Поддержка детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Официальный сайт Министерства просвещения Российской Федерации // URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans.
3. Детство в регионах России. Оценка детского благополучия на основании открытых данных, 2019. // URL: https://static.tochno.st/files/analytical/b804e14d309195d3e8fb07149db876fc.pdf
4. Шергунова Е.А., Поздеева В.С. Национальное регулирование вопросов международного усыновления // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: Сборник научных трудов II Международной научной конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 142-145.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.03.2021) // Российская газета. 27.01.1996. № 17.
6. Федеральный закон от 16.04.2001 № 44-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» // Российская газета. 20.04.2001. № 78.
7. Конвенция ООН «О правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) //

Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Российская газета. 20.11.2002. № 220.

10. Усыновите.ру // URL: http://www.usynovite.ru.

11. Веденькова О.В., Чуркина Л.М. Актуальные вопросы по совершенствованию российского законодательства в области усыновления российских детей иностранными гражданами // Актуальные проблемы формирования правового государства в Российской Федерации: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: Башкирский государственный университет, 2017. С. 43-51.

12. Белов С.В. Основные направления совершенствования законодательства об усыновлении с иностранным элементом // Актуальные проблемы развития науки в современной России: Материалы студенческой научно-практической конференции. Ставропольский институт кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права. Ставрополь: ООО «Издательско-информационный центр «Фабула», 2019. С. 64-70.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 6.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.2

ЮРИДИЧЕСКИЕ И ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

© 2021 г. С.Т. Ахмедханова, Б.С. Баталова

Северо-Кавказский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Махачкала 367008, г. Махачкала, ул. Агасиева, 87

North-Caucasian Institute (Branch) of Russian State University of Justice in Makhachkala 87, Agasieva str., Makhachkala, 367008

В статье рассматривается вопрос об уголовно-правовой ошибке, которая может непосредственно влиять на изменение квалификации содеянного. Также дается классификация видов ошибок в зависимости от различных признаков. Ставится актуальная проблема изучения влияния на квалификацию совершенной ошибки свойств потерпевшего, поскольку умысел направлен на причинение вреда лицу, обладающему определенными свойствами.

Ключевые слова: *уголовное право, ошибка, классификация ошибок, значение ошибки, юридические и фактические ошибки.*

The article discusses the issue of a criminal error that can directly affect the change in the qualifications of the offense. It also provides a classification of types of errors depending on various characteristics. Presents the relevant problem of studying the effect on qualifications of the committed mistake in the properties of the victim, since the intent is aimed at causing harm to a person who has specific properties.

Keywords: *criminal law, error, classification of errors, meaning of error, legal and factual errors.*

Ошибка в уголовном праве представляет собой неверную оценку лицом, совершающим противоправные действия, сопутствующих обстоятельств, которые их характеризуют и определяют степень опасности для общества, или их юридическое значение.

Специалисты, изучая теоретические основы уголовного права, в том числе и зарубежного, до настоящего времени не могут прийти к единому мнению об упорядочении видов ошибок.

Предлагаются различные варианты, их анонс представлен следующими оценками:

- действий по степени опасности для общества;
- сопровождающим преступное деяние обстоятельствам;
- факторам юриспруденции (правовые ошибки);
- по предметности (юридической или фактической);

– обстоятельств возникновения (извинительная или иная);
– степени значения (существенная или нет);
– социальной и психологической характеристике.

Интерес к определению и квалификационным подходам со стороны правового научного социума объясняется тем, что характеристики определённой ошибки могут существенно влиять на выяснение субъективности совершённых преступных действий.

Исходя из этого, сегодня принята за основу классификация, не только разделяющая мнения большинства теоретиков права, но и практически применяемая – в зависимости от ошибочного мнения лица о трактовке признаков преступления. Она использует понятия юридической и фактической ошибки в уголовном праве.

В настоящее время уголовное законодательство страны не имеет разделов, закрепляющих определение и значащую роль ошибки.

Несмотря на то, что уголовное право является единым источником, который регулирует взаимоотношения между людьми и законом, не редко встречаются ошибки в уголовном праве. Понятие ошибка в уголовном праве определяется как заблуждение лица в юридических и фактических свойствах совершенного противоправного деяния и его последствиях. Из-за неточной квалификации содеянного преступления, в юридической практике очень много оплошностей, их процент составляет от 30 до 50, а в некоторых случаях и 60. Требуется отметить, что все это не сухие цифры, а судьбы людей, чье дело неправильно квалифицировали, соответственно, назначили не то наказание, которое полагается по закону [4, с. 45].

Проблема юридической ошибки обретает особую актуальность в условиях:

1) нестабильности уголовного законодательства;

2) интенсификации процесса криминализации;

3) расширения круга уголовно-правовых норм с бланкетными диспозициями и динамичности иных нормативно-правовых актов, наполняющих конкретным содержанием такие диспозиции;

4) достаточно выраженной криминализации деяний с неочевидной общественной опасностью.

Согласно установленному законодательству, принцип вины влечет за собой ответственность только за истинное представление лица о характере совершаемого им проступка и наступивших последствиях. В статьях 25, 26 УК описаны пределы информационной нагрузки на интеллект преступника, он обязательно должен осознавать опасный характер подобного поведения, предвидеть наступление конкретных последствий, желать и сознательно допускать такие последствия или относиться к ним безразлично.

Если человек не осознает всего вышеперечисленного, то его правовой статус может повлечь совершенно иное наказание. Человек будет признан психически нездоровым и неподсудным. Его отправляют на принудительное лечение [5, с. 86].

Ошибка в уголовном праве это, как уже выше упоминалось, заблуждение, оно может быть юридическим или фактическим. Юридическая ошибка в уголовном праве – это заблуждение субъекта преступного деяния в преступности или непреступности данного деяния, в его квалификации и мерах принудительного воздействия.

Фактическая ошибка – это не отвечающее действительности представление лица о фактических обстоятельствах и последствиях своего деяния. Уголовная ответственность лица, заблуждающегося относительно юридических свойств и последствий совершаемого им деяния, наступает в соответствии с оценкой этого деяния не со стороны данного субъекта, а законодателем. Иначе говоря, юридическая оплошность в уголовном праве обычно не влияет ни на форму вины, ни на саму квалификацию преступления.

Фактическое заблуждение в уголовном праве, наоборот, учитывает и форму вины, влияет на квалификацию преступления и на размер, вид наказания. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве, в свою очередь, разделяются на несколько видов, которые позволяют лучше квалифицировать преступления и назначать соответствующее наказание.

Существуют следующие виды юридических заблуждений:

– субъект противоправного действия считает свои поступки преступными, а на самом деле они таковыми не являются (мнимое преступление);

– ошибочное представление субъекта правонарушения о квалификации его поведения и размере наказания;

– субъект считает свои поступки не преступными, тогда как Уголовный Кодекс предусматривает наказание за них. Понятие юридической ошибки чаще всего спровоцировано недостаточностью знаний в области юриспруденции большинства граждан. Как говориться, незнание законов не освобождает от ответственности.

Юридический вариант заблуждения можно отметить на примере, когда лицо, укравшее несколько монет, посчитало, что к ответственности его не притянут, ведь, по сути, сумма не большая, но между обычными монетами оказалась дорогостоящая наградная монета.

Судебный процесс будет длиться не долго, так как на лицо злой умысел и желание получить наживу. То, что субъект преступления считал, что все сойдет ему с рук, это только его оплошность, и судья ее во внимание не принимает, так как воровать в любом случае плохо, и за воровство привлекают к ответственности [3, с. 42].

Примером юридической ошибки также будет ситуация, при которой муж с женой поссорились, жена после скандала выбежала на улицу и случайно попала под машину. Мужчина имеет свой субъективный вариант событий и поэтому идет в полицию сдаваться, но по сути вины мужа в этой ситуации нет. То, что пара повздорила, не значит, что мужчина желал смерти своей жене и толкнул ее под машину.

Третьим примером будет ситуация, когда кредитор в качестве уплаты долга забирает корову у должника и продает ее, но корова стоит больше, чем имеющийся долг. Кредитор полагает, что действует в рамках закона, хотя на самом деле он наносит имущественный ущерб должнику, ведь он жил за счет этой коровы (продавал молоко).

Подобное поведение уголовно наказуемо, и кредитор в этом случае совершает юридическую ошибку. Понятие ошибки в уголовном праве фактического вида более обширное, так как последствия такого заблуждения могут быть совершенно разными. Существуют следующие виды фактических ошибок:

- заблуждение в объекте преступного посягательства. Ярким примером данной ошибки будет ситуация, при которой субъект хотел лишить жизни своего знакомого, при этом произвел в него несколько выстрелов. Благодаря скорой помощи, которая моментально среагировала на вызов свидетелей, потерпевшего спасли. Значение в данном случае будет иметь сам факт того, что намерение преступника было исполнено и преступление доведено до конца. Фактически был причинен тяжкий вред здоровью человека, и содеянное нужно квалифицировать с юридической точки зрения как оконченное покушение на убийство; требуется отметить, что существует такое определение как отклонение действия, эта ошибка не связана с субъективным заблуждением.

- ошибка в личности потерпевшего. Примером данной ошибки есть ситуация, при которой гражданин С. хотел убить сотрудника полиции К. В темное время суток перепутал его с обычным прохожим и произвел в него выстрел, от которого последний скончался. Об отклонении действия можно говорить, если С. выстрелил в К., но промахнулся и попал в стоящего рядом с ним человека. В описанной выше ситуации, гражданин С. будет притянут к ответственности за оконченное покушение на жизнь К. и убийство прохожего с косвенным умыслом;

- заблуждение в предмете преступления. Например, В. хотел украсть скрипку Страдивари, но ошибочно утащил обыкновенную, дешевую скрипку. Здесь квалификация должна осуществляться по ст. 164 (хищение предметов, что имеют особую ценность) со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК (преступление не доведено до конца по независящим от субъекта преступления обстоятельствам) [6, с. 73];

- ошибка в средстве преступления. Ярким примером является ситуация, при которой гражданин, пришедший на прием к представителю власти, выплеснул ему в лицо стакан воды с целью его оскорбить. При этом в стакане оказался уксус, но гражданин, осуществивший данное деяние, об этом не знал, ведь отличить жидкость на вид сложно. Существует также ошибка в развитии причинной связи. Примером ситуации будет преступное деяние, касающееся отравления определенной личности, в пищу которой добавили яд. Жертва, употребив первый кусок, поперхнувшись, умерла от асфиксии. Приговор в данном случае будет выноситься в зависимости от умысла виновного, а именно как оконченное покушение на убийство, ведь, по сути, субъект преступления свое дело до конца не довел.

Фактическая ошибка и ее уголовно правовое значение имеет огромное значение, и главным критерием в квалификации таких преступлений есть вина субъекта. В судебной практике постоянно появляются спорные вопросы в квалификации преступлений, юридическая и фактическая ошибки в уголовном праве играют решающую роль, ведь позволяют углубить познание в сути противоправности действий и дают возможность более точно квалифицировать преступления и строго соблюдать закон. Благодаря тому, что в уголовном праве существует понятие ошибки, на юристов налагается обязанность тщательно исследовать субъективную сторону преступления.

Направленность умысла субъекта правонарушения имеет важное значение, порой именно этот момент позволяет невиновным людям избежать наказания, что влечет за собой статья, которую они якобы нарушили [5, с. 85].

В заключение данной научной работы сделаем выводы: ошибка всегда связана с восприятием и познанием окружающей действительности. Названные процессы, в свою очередь, представляют собой, прежде всего, отражение объективной действительности в психике лица.

Заблуждения могут возникать на любом уровне познания – как на сенситивном (чувственном), так и рациональном. Эти формы постижения действительности, по сути, образуют две стороны единого процесса. Соответственно, дефекты познания могут носить смешанную природу.

Таким образом, заблуждения в восприятии окружающего мира имеют гносеологические предпосылки, то есть непосредственно связаны с процессом познания (более того, просто невозможны вне его рамок). Коль скоро познание представляет собой процесс отражения объективной действительности в психике лица, соответственно, ошибка, заблуждение свидетельствуют о неправильном, искаженном отражении. При их наличии субъективный образ чего-либо, сформировавшийся в сознании человека, не соответствует объективной реальности, сущему.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 24 мая 1996 г. № 174-ФЗ: в ред. от 05.04.2021. Текст: электронный // КонсультантПлюс: справочно-правовая система // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения 07.05.2021).
2. Алиев З.Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение // Законность. 2017. № 1. С. 32.
3. Безрукова Т.И. Фактическая ошибка: вопросы классификации и квалификации // Законность. 2017. № 3. С. 42.
4. Звечаровский И. Э. Ответственность в уголовном праве. СПб.: Издательство Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2017. 100 с.
5. Малешина А. В. Уголовная ответственность юридических лиц и перспективы ее регламентации в уголовном законодательстве России // Законодательство. 2017. № 8. С. 81-87.
6. Черник Н. Ю. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних в России в XVIII-XX вв.: историко-правовой взгляд // Юристъ - правоведъ. 2017. № 4. С. 72-74.

УДК 342.7 343.631

СВОБОДА СЛОВА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С КЛЕВЕТОЙ[1]

© 2021 г. А.А. Безуглая, С.Н. Безуглый

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015

В данной статье осуществлен разбор правовых и теоретических источников, связанных с криминализацией, санкциями и последствиями клеветы в киберпространстве. Отмечено, что разнообразие подходов, отраженных в Уголовном кодексе России при дефинировании «клеветы» и ее критериев (признаков), вызывает необходимость в их дальнейшей законодательной гармонизации в части регламентирования ее критериев. Сделан вывод о необходимости создания более эффективного механизма правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации лиц, обладающих специальным статусом, уголовно-правовыми мерами, а также выработки количественных критериев определения общественной опасности клеветы в сети Интернет. Предложено внести изменения в ч. 3 ст. 298.1 Уголовного кодекса России, дополнив ее квалифицирующим признаком: «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

***Ключевые слова**: свобода слова, информация, клевета, киберпространство, сеть, Интернет.*

This article analyzes legal and theoretical sources related to criminalization, sanctions, and the consequences of defamation in cyberspace. It is noted that the variety of approaches reflected in the Criminal Code of Russia when defining "slander" and its criteria (signs), causes the need for their further legislative harmonization in terms of regulating its criteria. It is concluded that it is necessary to create a more effective mechanism for the legal protection of the honor, dignity and business reputation of persons with special status, criminal-law measures, as well as to develop quantitative criteria for determining the public danger of defamation on the Internet. It is proposed to amend Part 3 of Article 298.1 of the Criminal Code of Russia,

[1] Статья подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ, номер проекта – МК-1377.2020.6, тема проекта «Интегральная роль взаимодействия палат парламента в обеспечении конституционного права на свободу слова», соглашение № 075-15-2020-411 от 16.03.2020.

adding a qualifying feature: "with the use of mass media or information and telecommunications networks, including the Internet."

Keywords: *freedom of speech, information, slander, libel, cyberspace, network, Internet.*

В условиях продолжающейся цифровизации многих аспектов повседневной жизни людей самостоятельным феноменом становится клевета в сети Интернет [1], под которой в широком смысле слова понимается поведение людей, использующих компьютерные сети, мобильные сети и другие современные средства коммуникации, фабрикация, распространение ложной информации, которые наносят ущерб репутации других [2].

Криминализация подобных деяний имеет как своих сторонников, так и яростных противников. С одной стороны, по сравнению с традиционной клеветой, клевета в сети Интернет характеризуется высокой скоростью распространения, повышенным вниманием со стороны широкой общественности, минимальными затратами на фабрикацию и распространение заведомо ложной информации, что упрощает осуществление преступлений, связанных с клеветой. С другой стороны, чрезмерная уголовная репрессия и судебное толкование свободы слова в сети Интернет могут подорвать конституционное право граждан выражать свое мнение [3; 4].

Как следствие, законодатель сталкивается с проблемой: как эффективно защитить права граждан на свободу слова, соблюдая при этом баланс прав и интересов личности, общества и государства. И поиски этого баланса не всегда оказываются успешными. Как следствие, нормы об уголовной ответственности за клевету в УК РФ подвергались и декриминализации, и криминализации. Следует подчеркнуть, что последний процесс набирает активную силу. Только недавно научная общественность обсудила поправки в нормы об уголовной ответственности за клевету, принятые в декабре 2020 года, как законодатель предложил еще изменения. Так, поправками, введенными 5 апреля 2021 г. [5], установлена уголовная ответственность за распространение заведомо ложных сведений о ветеранах Великой Отечественной войны, а также унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (п. «в» ч. 2 и ч. 4 ст. 354.1 УК РФ).

В науке уголовного права, а также в России [6; 7; 8; 9; 10] и за рубежом [11; 12], не наблюдается единства подходов к криминализации, санкциям и последствиям клеветы. В специальной литературе отмечается сложность квалификации клеветы из-за неразработанности в отечественной теории уголовного права понятия «заведомой лжи» и ее критериев [13]. В то время как в отдельных юрисдикциях (к примеру, КНР) достаточно подробно определены объективные признаки клеветы. Такое выделение признаков реализовано через законодательное уточнение в поправке № 9 к уголовному законодательству Китая понятий: «сфабрикованные факты», акт «диффамации», акт «распространения» и серьезные обстоятельства (аналог признака общественно опасные последствия) [14].

На сегодняшний день в отечественном уголовном законодательстве нормы об ответственности за клевету содержатся в статьях 128.1, 298.1, 354.1 УК РФ.

Синтезируя доктринальные подходы авторов к исследованию условий, необходимых для квалификации высказывания в качестве порочащего (в контексте ст. 128.1 УК РФ), представляется возможным выделить следующие:

– информация о лице должна иметь негативный характер;

– информация должна быть представлена в форме утверждения о факте (проверяема на соответствие действительности), а не мнения;

– информация должна быть о физическом лице в такой форме, которая позволяет в достаточной мере индивидуализировать это лицо;

– информация должна быть распространена (известна хотя бы одному третьему лицу);

– автор информации (конкретный причинитель вреда) также должен быть известен достоверно: ссылки на известность информации от третьих лиц или на анонимные источники снимают ответственность с распространителя информации;

– информация должна быть заведомо ложной (распространитель информации достоверно знает о ее ложности) [15].

Перечисленные условия в целом можно применить и для квалификации клеветы, предусмотренной ст. ст. 298.1 и 354.1 УК РФ. Вместе с тем, если сравнивать признаки составов преступлений, предусмотренных тремя рассматриваемыми статьями УК РФ, то обнаруживается неравномерная защищенность отдельной категории граждан от клеветы в киберпространстве.

Речь идет о судьях и сотрудниках правоохранительных органов. Не теряет своей актуальности утверждение С.А. Сургай о том, что «государство, провозгласившее принцип независимости судей, не предпринимает действий для его практической реализации в конфликтных ситуациях, фактически оставляя федерального судью один на один с недобросовестными гражданами» [16, с. 177].

Новейшие исследования также свидетельствуют о проблеме дискредитации сотрудников поли-

ции с целью их отстранения от служебной деятельности [17]. Так, по данным Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, «помимо обращений граждан, дискредитирующую информацию содержат депутатские запросы и публикации в средствах массовой информации и сети Интернет» [18, с. 57]. Так, в 2016 году один из информационных порталов Краснодарского края разместил в сети Интернет статью, дискредитирующую начальника отдела полиции, материалы которой впоследствии был растиражированы в печатных и электронных СМИ, а также на телевидении.

Как показывает следственно-судебная практика, клевета в отношении судей и сотрудников правоохранительных органов, как правило, обусловлена невозможностью разрешения конфликта, возникающего в связи с рассмотрением дел или материалов в суде; производством предварительного расследования; исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта. Так, приговором Крымского районного суда Краснодарского края было установлено, что виновное лицо, действуя умышленно и из мести за вынесенный в отношении другого лица обвинительный приговор по делу о мошенничестве, осознанно опубликовало в социальных сетях «Вконтакте» видеозапись из судебного заседания, в комментариях к которой была распространена клеветническая информация в форме утверждения о факте получения судьей взятки [19]. В другом уголовном деле лицо разместило клеветническую публикацию в отношении судьи, интегрированную с обвинением ее в совершении тяжкого преступления – получении взятки за вынесение незаконного, по его мнению, приговора – в сети Интернет на сайте с доменным именем https://судьироссии.рф [20].

Отметим также, что следователи также становятся потерпевшими по делам о клевете из мести за их служебную деятельность. Например, Ишимский городской суд Тюменской области установил факт клеветы в отношении следователя, выразившейся в распространении ложной информации о его гомосексуальных связях и наклонностях в публичной группе (в которой состояло 200-250 чел.), созданной в мессенджере WhatsApp [21]. Как следует из приведенных примеров, ложные сведения о судьях и сотрудниках правоохранительных органов зачастую распространяются публично, через общедоступные сайты, социальные сети и мессенджеры, наряду с традиционными письменными обвинениями в различных жалобах и обращениях.

В этой связи актуализируется вопрос о пересмотре механизма уголовно-правовой защиты судей и иных сотрудников правоохранительных органов от клеветы в киберпространстве. Отдельные шаги были сделаны законодателем в 2020 году. В частности, вновь принятый Федеральный закон «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации» [22] сформулировал легальное определение сотрудника органа принудительного исполнения. В дальнейшем это понятие было включено в УК РФ [23], тем самым круг сотрудников правоохранительных органов, чьи честь, достоинство и деловая репутация охраняется уголовным законом, был расширен. В результате законодательных изменений был уточнен перечень лиц, которые могут быть потерпевшими от клеветы в связи с осуществлением своей служебной деятельности.

Вместе с тем, в настоящее время такой способ совершения клеветы из мести за служебную деятельность с использованием сети Интернет получил распространение на практике, однако в соответствующих уголовно-правовых нормах не упоминается. При этом для защиты чести и достоинства отдельной категории граждан (ветераны Великой Отечественной войны) уголовно-правовые меры применяются, что нашло свое отражение в специальных нормах о клевете.

В этой связи нами предлагается дополнить ч. 3 ст. 298.1 УК РФ квалифицирующим признаком, который бы охарактеризовал способ клеветы по отношению к судьям и указанным выше сотрудникам правоохранительных органов: «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Другим вопросом уголовно-правовой регламентации ответственности за клевету в киберпространстве является определение субъектного состава. В зарубежной литературе приводятся разнообразные подходы к субъекту клеветы в сети Интернет. В частности, китайские исследователи выделяют пять категорий лиц, ответственных за клевету в сети Интернет [14]:

1. Издатель клеветнических сообщений, то есть лицо, которое опубликовало их в сети Интернет, сфабриковав факты, подрывающие репутацию других лиц; или путем подделки исходного информационного сообщения третьих лиц в ущерб репутации других лиц, а затем распространило его в сети Интернет.

2. Лицо, пересылающее ложную информацию и осознающее тот факт, что она сфабрикована и наносит ущерб репутации других лиц.

3. Лицо, сфабриковавшее информацию, подрывающую репутацию других, организовавшее или направляющее других лиц на распространение клеветы в сети Интернет.

4. Лицо, подделавшее исходное информационное содержание других участников информационной сети, чтобы в ущерб репутации других лиц, организовывать и направлять распространение информации в сети Интернет.

5. Поставщики сетевых услуг.

Среди вышеперечисленных первая, третья и четвертая категории лиц могут стать субъектом преступления о клевете, и это не вызывает споров в судебной практике. Если рассматривать данных лиц через призму института соучастия, то исходя из выполнения ими той или иной роли в распространении ложных сведений, они могут быть признаны исполнителем, организатором, подстрекателем, пособником.

Следует также остановиться на технических аспектах криминализации клеветы в киберпространстве. Специфика глобальной сети Интернет состоит в том, что однократно размещенная информация впоследствии не может быть полностью удалена, и даже спустя годы порочащие сведения могут быть найдены на просторах всемирной паутины [24]. А если дело о клевете дошло до судебного разбирательства, то текст приговора с подробным описанием обстоятельств дела также становится общедоступным в силу открытого размещения на портале ГАС Правосудие, сайтах судов и иных информационных справочных правовых ресурсах. Полагаем, что данное обстоятельство повышает степень общественной опасности клеветы в сети Интернет. В этой связи считаем необходимым анализировать не только уже криминализированные качественные признаки клеветы и круг потерпевших от клеветы, но и возможные количественные показатели клеветы, как число просмотров контента, содержащего ложные сведения, или количество пересылок контента другим Интернет-пользователям. Кроме того, целесообразно внедрить в практику правоохранительных органов, выявляющих подобный контент, различные сервисы статистики и аналитики социальных сетей, которые используются сейчас в основном в маркетинговых целях и позволяют собирать, обобщать данные о количестве нажатий, просмотров, повторных передач, иным образом отследить публикации, что также может способствовать противодействию клевете в сети Интернет.

В заключении отметим, что изложенные в настоящей статье вопросы и перспективные пути их разрешения не охватывают всего пласта проблем, которые возникают в связи с защитой свободы слова в киберпространстве. Однако в нынешних обстоятельствах уже имеющиеся в уголовном законе нормы обеспечивают сильную правовую основу противодействия клевете в сети Интернет.

Литература

1. Kobets P.N., Krasnova K.A. Cyberstalking: public danger, key factors and prevention, Przegląd Wschodnioeuropejski, IX/2 2018: 43-53.
2. Liu Danyang: From The Judicial Interpretation To See The Defamation Of Internet Crime, Legal Expo 2017.
3. Андреев С.Д., Безуглая А.А. Право на свободу мысли и слова и его пределы в Российской Федерации // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 5 (132). С. 57-60.
4. Гелуненко В.В. Конституционная формализация свободы слова в конституциях государств Восточной Европы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. № 4. С. 333-337.
5. Федеральный закон от 05.04.2021 № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: http://pravo.gov.ru, 05.04.2021 (дата обращения: 31.05.2021).
6. Дайшутов М.М., Кадников Ф.Н. К вопросу об уголовной ответственности за клевету // Евразийская адвокатура. 2021. № 1 (50). С. 59-63.
7. Егорова Н.А. Новое в уголовно-правовом противодействии клевете // Законность. 2021. № 3 (1037). С. 41-45.
8. Осадчая Н.Г. Клевета: особенности уголовно-правового регулирования // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2021. № 2 (129). С. 122-125.
9. Подройкина И.А. Юридический анализ клеветы как уголовно наказуемого деяния // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 2 (117). С. 114-117.
10. Радченко К.Н. Проблемы правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности за клевету // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2 (55). С. 103-108.
11. Aneta Spaic, Claire Nolasco, Milos Novovic (2016). Decriminalization of defamation – The Balkans case a temporary remedy or a long term solution? // International Journal of Law. Crime and Justice. Volume 47. Pp. 21-30.
12. Каженов Е.Е., Каженова А.С. Уголовные правонарушения против личности (общее состояние и отдельные вопросы совершенствования законодательства) // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной Прокуратуре Республики Казахстан. 2020. № 1. С. 17-25.
13. Хмелевский С.В. «Клевета»: проблемы правоприменительной практики // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 134-139.

14. Xiaobing Li, Yongfeng Qin (2018). Research on Computer Network Defamation Crime in China // Procedia Computer Science. Volume 131. Pp. 1217-1222.

15. Гитинов А.С., Абдулкадирова Х.Д. Криминализация ответственности за клевету как способ охраны и защиты конституционного права на достоинство личности // The Scientific Heritage. 2020. № 44-5 (44). С. 42-45.

16. Сургай С.А. Разграничение клеветы в отношении судьи, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления и заведомо ложного доноса // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 2. С. 177-182.

17. Васильев Э.А., Дьяченко Н.Н. О проблеме дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Оперативник (Сыщик). 2018. № 2 (55). С. 17-20.

18. Васильев Э.А., Дьяченко Н.Н. Субъекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 56-60.

19. Приговор № 1-254/2019 от 28.11.2019 по делу № 1-254/2019 // URL: https://sudact.ru/ (дата обращения 26.05.2021).

20. Постановление № 1-810/2019 от 09.09.2019 по делу № 1-810/2019 // URL: https://sudact.ru/ (дата обращения 26.05.2021).

21. Приговор № 1-84/2019 от 22.03.2019 по делу № 1-84/2019 // URL: https://sudact.ru/ (дата обращения 26.05.2021).

22. Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://pravo.gov.ru, 22.12.2020.

23. Федеральный закон от 08.06.2020 № 170-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://www.pravo.gov.ru, 08.06.2020.

24. Кобец П.Н., Краснова К.А. Об общественной опасности киберсталкинга и необходимости его предупреждения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (часть 2). С. 77-83.

УДК 343

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОТОРЫХ ПРИЧАСТНА К АУТОАГРЕССИВНОМУ ПОВЕДЕНИЮ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

© 2021 г. Д.А. Берестовой

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются уголовно-правовые аспекты деятельности различных деструктивных объединений, разрабатываются рекомендации, связанных с уголовно-правовой оценкой действий лиц, причастных к аутоагрессивным актам и участвовавших в объединение противоправного характера.

***Ключевые слова**: деструктивные объединения, терроризм, экстремизм, преступления, причастные к аутоагрессии, квалификация*

The article analyzes criminal-law aspects of the activities of various destructive associations, develops recommendations related to the criminal-law assessment of the actions of persons involved in autoaggressive acts and participated in the association of illegal nature.

***Keywords:** destructive associations, terrorism, extremism, crimes involved in autoaggression, qualification*

В уголовном законе существуют нормы, непосредственно направленные на уголовно-правовое противодействие преступным деяниям, побуждающим потерпевшего к аутоагрессии и содействующим аутоагрессивным актам, а также нормы, касающиеся преступлений, причастных к аутоагрессивным актам.

Уголовное преследование за преступления, причастные к аутоагрессивным актам, во многом затрудняется юридико-техническое несовершенством уголовного закона и отсутствием научно-обоснованных рекомендаций по квалификации этих преступлений. В действующем уголовном законодательстве криминализированы деяния лиц, которые создают, руководят и участвуют в преступном или ином антиобщественном объединении, организуют, склоняют, содействуют совершению преступных деяний, которые в реальности могут быть связаны с аутоагрессивными актами. Это требует разрешения вопросов о том, образуют ли вышеуказанные деяния совокупность преступлений или в этих случаях имеет место конкуренция норм. Руководствуясь правилами и принципами квалификации, мы попытаемся рассмотреть наиболее сложные квалификационные проблемы и разработать рекомендации по их разрешению.

Первый дискуссионный вопрос сводится к уголовно-правовой оценке действий тех лиц, которые организуют действия, доводящие потерпевших до самоубийства, склоняющие потерпевших к самоубийству либо содействующие самоубийству.

Одни ученые полагают, что за совершение вышеуказанных деяний виновный должен привлекаться к уголовной ответственности по ст. 110.2 УК РФ [4]. Иные авторы доказывают, что это невозможно, поскольку законодатель криминализировал только организацию распространения информации о способах самоубийства и организацию призывов к его совершению [1]. Полагаем, что с последней точкой зрения следует согласиться. Дело в том, что ч.1 ст. 110.2 УК РФ указывает на виды организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, которые не образуют состава преступления ни по ст. 110 и ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, ни по ч.2 ст. 110.1 УК РФ. Поэтому действия организатора доведения, склонения и содействия самоубийству следует квалифицировать как доведение, склонение или содействие самоубийству, совершенные организованной группой или как приготовление к соответствующим преступлениям, если его организационные усилия не увенчались успехом.

На практике сложно оценить действия лица, которое создало объединение террористического, экстремистского или иного противоправного характера (ч.1 ст. 205.4, ч.1 ст. 205.5, ч.1 ст. 282.1, ч.1 ст. 282.2, ч.1 ст. 239 УК РФ) и при этом занималось организацией деятельности, сопряженной с аутоагрессией.

На наш взгляд, организация деструктивного объединения и организация деятельности членов этого деструктивного объединения согласно ч.1 ст. 17 УК РФ представляет собой реальную совокупность преступлений. Правильно рассуждает В. В. Малиновский, подразделяя организационную пре-

ступную деятельность в зависимости от объекта приложения организационных усилий [2].

Разделяя его позицию, мы предлагаем действия лица, которое сначала организовало деструктивное объединение, а потом стало организовывать деятельность лиц, побуждающих к самоубийству либо доводящих до самоубийства, склоняющих или содействующих самоубийству либо подстрекающих к иным аутоагрессивным актам, квалифицировать по правилам совокупности преступлений.

При конкуренции общей и специальной нормы должна применяться специальная норма. Часть 1 ст. 239 УК РФ является в нашем случае общей нормой. Она предусматривает ответственность за создание и руководство религиозным или общественным объединением, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью.

Выбор конкретной специальной нормы осуществляется с учетом правил разграничения смежных составов преступлений, разработанных в теории уголовного права. Если виновное лицо непосредственно занималось организацией и руководством совершения террористического акта террориста-смертника, то его действия дополнительно необходимо квалифицировать по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ.

Квалификационные проблемы возникают при оценке деяний участников экстремистского, террористического или иного деструктивного объединения, которые склоняли других лиц к совершению аутоагрессивных деяний.

Во-первых, участие в деструктивном объединении и участие (в любой роли) в совершении преступления, причастного к аутоагрессивным деяниям, надлежит квалифицировать по правилам реальной совокупности преступлений. Иными словами, если участник экстремистского, террористического или иного преступного или религиозного или общественного объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, побуждал других лиц совершить самоубийство или содействовал этому деянию, то содеянное квалифицируется по ч.2 ст. 205.4 или ч.2 ст. 205.5 или ч.2 ст. 282.1 или ч.2 ст. 282.2 или ч.3 ст. 239 УК РФ и п. г ч.2 ст. 110 или п.г ч.3 ст. 110.1 или п. б ч.2 ст. 151.2 УК РФ. Выбор конкретной нормы осуществляется по правилу конкуренции норм, о котором мы уже упоминали.

Разрешая вопрос об уголовно-правовой оценке содеянного, в этой ситуации следует руководствоваться правилом, согласно которому совокупность преступлений отсутствует, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Так как в преступлениях экстремистской или террористической направленности легально не фиксируется то, что они могут быть сопряжены с самоубийством или иным несуицидальным аутоагрессивным актом, то содеянное требует квалификации по правилам совокупности. По этой причине категорически нельзя согласиться с рекомендациями тех авторов, которые утверждают, что действия, направленные на побуждение террориста-смертника к совершению самоубийства, содействие этим действиям и их организация охватываются исключительно ст. 205.1 УК РФ [3]. Поскольку в ст. 205 УК отсутствует квалифицирующий признак «совершение преступления, сопряженного с самоубийством исполнителя террористического акта», можно сделать вывод о том, что содействие террористическому акту, соединенного с самоубийством (его организацию, склонение и пособничество), следует квалифицировать не только по ст. 205.1 УК РФ, но и по иным нормам, регламентирующим ответственность за совершенные организованной группой преступления, причастные к суициду (п. г ч.2 ст. 110, п. г ч.3 ст. 110.1 УК РФ). И, наконец, если указанные выше деяния сопряжены с призовыми к совершению преступления террористического, экстремистского характера (ст. 205.2, ст. 280 УК РФ) или пропаганду деяний, сопряженных с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью (ч.3 ст. 239 УК РФ), содеянное следует квалифицировать по правилам реальной совокупности преступлений.

Литература

1. Егорова Н. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С.11, 12.

2. Малиновский В.В. Понятие и виды организационной преступной деятельности в уголовном праве России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1 (10). С. 348-355.

3. Пучнина М. Ю. Криминальный суицид: проблемы квалификации и отграничение от смежных составов преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 1. С. 212-216.

4. Смирнов А. М. Уголовно-правовая характеристика организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. 2018. №7(23). URL: https:// Alley-science.ru

УДК 343.2

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

© 2021 г. М.С. Диденко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматривается развитие института наказания в советский период. Периодизация данного эволюционного периода в российской правовой науке датируется с 1917 по 1991 гг. Выявляются закономерности дореволюционного и советского периода в рамках российско-правовой науки. Представлено авторское мнение по поводу терминологии института наказания, его развития, регламентации в советской России. Отражены три периода развития норм уголовного законодательства в советское время: довоенный, военный, послевоенный. Изучаются уголовно-правовые акты советской эпохи и применение видов наказания с целью государственной борьбы с преступностью. Детально рассматривается вопрос исторического развития государственной меры принуждения (лишение свободы) в советской правовой системе. Анализируется сохранившаяся на долгие годы система наказаний в советское время. Выявлен результат процесса развития института наказания на уголовную политику советского государства.

Ключевые слова: *советское уголовное право, институт наказания, система наказаний, уголовное законодательство СССР, исправительно-трудовое законодательство, Уголовный кодекс, репрессивная политика, признаки наказания.*

The article examines the development of the institution of punishment in the Soviet period. The periodization of this evolutionary period in Russian legal science dates from 1917 to 1991. The author reveals the patterns of the pre-revolutionary and Soviet period in the framework of Russian legal science. On this topic, the statements of several legal scholars are given, and their own opinion is expressed about the terminology of the institution of punishment, its development, and regulation in Soviet Russia. The article reflects three periods of development of criminal legislation in the Soviet era: pre-war, military, and post-war. The author studies the criminal-law acts of the Soviet era and the use of types of punishment for the purpose of the state fight against crime. The issue of the historical development of the state measure of coercion (deprivation of liberty) in the Soviet legal system is considered in detail. The article analyzes the system of punishments preserved for many years in the Soviet era. Outlines the result of the process of developing the institution of punishment on the criminal policy of the Soviet state.

Keywords: *Soviet criminal law, institution of punishment, Soviet period, system of punishments, criminal legislation of the USSR, Criminal Code, repressive policy, signs of punishment.*

История развития института наказания в советский период вызывает особый интерес. Данный этап в российской науке принято датировать 1917-1977 гг.

Прежде чем выявить актуальность рассматриваемой темы, тенденции исторического развития института наказания в советский период необходимо дать фактическое определение наказания. Наказание – государственная мера принуждения, применяемая судами за совершившее преступление, проступок, с целью специального или общего предупреждения [5, с.155]. Исходя из определения, можно обозначить характерные признаки, учитывающиеся при исполнении наказания:

1) принудительный характер исполнения наказания;
2) применение меры государственного принуждения только судом;
3) выявление виновности или невиновности обвиняемого в совершении преступления;
4) целесообразность применения (наказание направлено на исправление виновного) [5, с. 154-155].

Юридической науке известны и другие определения наказания, отличающиеся своими разными взглядами и задачами. Рассмотрим наиболее верные высказывания ученых-юристов по поводу наказания. И.М. Гальперин рассматривает наказание как один из значимых способов искоренения преступности, обращая внимание на социальные изменения в стране [2, с.3]. Взаимосвязь содержания наказания и социально-правовых изменений дает возможность, по мнению деятеля, влиять на искоренение преступности.

М.Д. Шаргородский рассматривает наказание (преступление), применяемое судами в принудительной мере. По его научным работам, наказание есть дополнительная мера предупреждения пре-

ступности. Большинство ученых критикуют в своих работах данное высказывания, относя наказание к основной мере государственного принуждения [9, с.40]. В.И. Ленин, советский деятель, в понимание наказания вкладывал смысл единоличного принятия меры государственного воздействия. В большей степени изучая наказания со стороны индивидуальной ответственности.

Различные мнение о понятийности наказания хоть и отличаются своей направленностью, имеют хотя и не одинаковый, но схожий смысл – наказание есть средство борьбы с преступностью. И тот факт, что наказание в уголовном праве выступает в роли социально-правового явления, считаем верным умозаключением.

Советское уголовное право ассоциируется с кодифицированным законодательством, многоуровневостью, неоднозначными нормами уголовного права, со значительными изменениями положений, принципов уголовного законодательства. По сравнению с дореволюционным периодом зарождения института наказания, советский период отличается своей изменчивостью и детализированностью, отказом от уже сложившейся системы наказаний, отказом от используемых в дореволюционное время карательных мер. Разрабатываются с учетов уголовной политики советского времени законодательные акты, касаемые следующего: системы наказания, института наказания, общих положений института наказания, видов наказания, назначение наказания, правовой регламентации института наказания.

Эволюционный процесс развития института наказания в советское время делится на три периода. Довоенный (революционный) период с 1917г. по 1940г., военный период с 1941г. по 1945г., послевоенный период с 1945г. по 1966г. Необходимо рассматривать вышеперечисленные периоды в отдельности.

С 1917 года зарождается советское уголовное право. Характеристика данного этапа связана с многоуровневой правовой системой. Нельзя употребить в данный период термин «развитие», так как много, что было в уголовном законодательстве в дореволюционное время, осталось пережитком прошлого. Это связано с многими факторами: историческими, эволюционными, политическими, социальными, экономическими.

В первую пятилетку уголовной политики учитывалось правосознание российского общества (еще не приспособленного к зародившейся советской эпохе), социальное положение людей [4, с.73]. Изначально, с самого момента зарождения советской власти, законодательство кодифицированным не было. В уголовных актах было четкое закрепление по классовому признаку: принадлежность, чин и т.д.

Уголовную политику того времени нельзя назвать идеальной. Мнимая идея через насилие перейти на новый этап развития института наказания была выбрана неудачно.

Подразделяли преступления на контрреволюционные, особо тяжкие, иные. В то время государственными органами, применяющими наказания, были следующие: окружные, местные, полковые, дисциплинарные суды; суды, командующие войсками; революционные, военные трибуналы; трибуналы печати; полевые и губернские комиссии [1, с. 7-8].

Зарождение начал в уголовном законодательстве получило свое закрепление в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР», созданных в 1919г. Позже появился новый вид наказания, названный «объявление вне закона» [7].

Целью наказания являлось:

1) предупреждение преступлений;
2) социальная защищенность от опасных личностей;
3) возмещение ущерба;
4) полифункциональность наказания.

Создавалась нормативная база, позволяющая законодателю выбирать наказание, давалась возможность судить по законам военного времени (судьи основывались на своем субъективном мнении).

Временная инструкция 1918г. являлась одним из первых нормативных актов в области исполнения наказания. В ней содержалась мера наказания в виде лишения свободы, порядок ее отбывания.

Эволюционный процесс института наказания был заменен мерой социальной защиты, что не имело в дальнейшем никакой законодательной оправданности, а только привело к негативным последствиям: репрессиям.

Уголовные преобразования 1919г. были выявлены за счет судебной практики как очень далекие от целей, основания применения, признаков наказания.

Начиная с конца 1919г. остро встал вопрос о разработке кодифицированного источника. Первый советский источник 1922 года по своему содержанию имел два части: общую и особенную. Всего включал в себя 227 статей, таким образом, кодекс являлся компактным. Общая часть Уголовного кодекса, как современный российский кодекс, обозначал общие начала: порядок

применения, мера воздействия, отбывания срока, виды наказания. В особенной части были отражены преступления особой важности – должностные, государственные. Система наказаний 1922 г. двигалась по пути смягчения (от особо тяжких к наименее тяжким). Данные наказания были предусмотрены в Уголовном кодексе РСФСР.

Система наказаний включала следующий перечень:

1) лишение свободы со строгой изоляцией;
2) лишение свободы;
3) изгнание из пределов страны на конкретный срок или на неопределенный;
4) конфискация имущества;
5) обязательные работы;
6) увольнение с занимаемой должности;
7) штраф;
8) условное осуждение;
9) обязанность по заглаживанию вины;
10) общественное порицание.
11) расстрел (исключающая мера воздействия).

В 1924 г. с образованием СССР создается закон о началах уголовного законодательства. Наказание на законодательном уровне было заменено термином «социальная защита». Становилось заметно, как правоприменитель поспешно отказывается от терминов, методов наказания, общих начал и создал вновь зарождающиеся. Вскоре данные изменения подлежали немедленному возвращению.

В 1924 г. был утвержден Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее – ИТК РСФСР) [3]. Кодексом были предусмотрены различные меры взыскания. Норма, содержащаяся в ст. 145, указывала на возможность перевода осужденного в другое исправительное учреждение. Решение о переводе принимала наблюдательная комиссия.

Новым витком в зарождении института наказания стало принятия Уголовного кодекса РСФСР в 1926 г. Это была редакция Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Данный кодекс рассматривался как менее карательный вид назначения наказаний. Система наказаний в сравнении с 1922 годом была идентичной и просуществовала длительный период времени – до конца 1959 года.

К нововведениям в советский период, спустя девять лет после принятия УК РСФСР 1926г., стало привлечение несовершеннолетних детей к уголовной ответственности с двенадцатилетнего возраста. Об этом свидетельствует нормативный документ – Постановление СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». До этого были отголоски в различных источниках уголовного права лишь о необходимости введение уголовной ответственности.

Решительность законодателей прибегнуть к такому виду наказания для подростков была вызвана повышенным ростом подростковой преступности, с образованием ОПГ, а также увеличением краж, убийств. Меры наказания в отношении подростков применялись все без исключения. О применении смертной казни в нормативном акте не упоминалось, но одна судебная практика с применением смертной казни в отношении подростка-преступника имеется. Малолетний преступник совершил умышлено особо тяжкие преступления, убив восьмерых детей, была доказана вина в похищении человека. Правоприменители действовали решительно, чтобы искоренить детскую преступность в СССР.

В военный период осуществлялось карательное правосудие, это был важнейший инструмент по управлению страной в то непростое время. Начиная с 1941 года ужесточились меры наказания в отношении преступлений против личного имущества граждан. Исправительно-трудовые работы были замены лишением свободы. Появился новый вид краж, который был характерен только в условиях военного времени. Кражи квалифицировались с отягчающими обстоятельствами. Совершение преступления группой лиц квалифицировалось как бандитизм.

В системе наказаний были обозначены виды контрреволюционной преступности за тяжкие государственные преступления. Об увеличении меры наказания свидетельствовал приказ, содержащий сведения о работе Верховных судов, окружных, краевых по делам контрреволюционных преступлений. Применялась высшая мера наказания – расстрел.

В послевоенное время больших изменений не было, лишь была замечена тенденция к усилению уголовной репрессии. Попытками увеличить борьбу с имущественными преступлениями стало усиление меры государственной ответственности:

- за растрату, хищение государственного имущества, кражу осужденный заключается в исправительный лагерь, где отбывает срок от 7 до 10 лет;

- за хищение общественного имущества отбывание наказание достигало до 20 лет лишения свободы;

- за хищение личного имущества – 20 лет лишения свободы с конфискацией [8].

В 1953 году создан проект о замене уголовной ответственности за некоторые преступления с применением дисциплинарной и административной ответственности. Это касалось лиц, совершивших преступления, не причинившие крупного вреда для государства, граждан.

Послевоенный период отражает подготовку правоприменителей к иному источнику уголовного права. В Уголовном кодексе 1960 г. все насильственные действия, репрессивные начала были искорены как заведомо ложный путь развития института наказания. Этот период рассматривается с точки зрения гуманности и справедливости. К важным изменениям в советской России относилось сокращение смертной казни, а также в малых количествах применялась конфискация имущества, сокращение срока лишения свободы.

Со временем гуманизация принятого УК РСФСР 1960г. претерпела значительные изменения, которые были связаны с социально-правовой и экономической направленностью. Учащались такие виды общественных деяний как дискриминация в сфере хозяйственной деятельности. Меры ответственности за общественно-опасные деяния были смягчены. Наряду с появлением различных посягательств на общество, учащение организованной преступности существовавшие положения теряли свою актуальность. Они просто были отражены только на бумаге и были недейственны. Мера наказания уже перестала отвечать по своей значимости определенным характерным целям, задачам.

К видам наказания относилось:

1) лишение свободы;
2) штраф;
3) конфискация имущества;
4) увольнение с занимаемой должности;
5) обязанность возместить причиненный ущерб;
6) исправительные работы;
7) лишение званий;
8) направление в дисциплинарный батальон;
9) лишение права занимать некоторые виды должностей и заниматься определенной деятельностью;
10) ссылка;
11) высылка.

Следует сказать, что такой вид наказания как изгнание за пределы Советского Союза был исключен из системы наказания.

В видах наказания, не связанных с лишением свободы, наблюдались принципы гуманизма [6]. Так, например, положения о сроки давности значительно сократились. К таким категориям лиц как беременные и несовершеннолетние особая мера наказания не применялась.

Уголовный кодекс 1960г. – это отражение нашего современного уголовного законодательства.

Таким образом, социальный институт наказания в советской правовой системе зарождался постепенно, с использованием репрессивной, гуманистической, контрреволюционной политики. Каждая из выбранной тактики по созданию цельного института наказания была выбрана в рамках советского времени с целью достижения определенного результата. Нельзя преувеличивать и преуменьшать значимость проделанной работы не одного десятка лет по созданию и развитию уголовно-правовой науки.

Литература

1. Багрий-Шахматов Л.В. Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право. М., 1969. С. 7.
2. Гальперин И.М. Наказание: социальные функции, практика применения. М.: Юрид. лит., 1983. С. 3.
3. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16 октября 1924г. // Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917-1959).М.: Госюриздат, 1959.
4. Мелюхонова Е.Е. Развитие системы уголовных наказаний в советский период // Genesis: исторические исследования. 2016. № 4. С. 73.
5. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов: СГУ, 1962. С.154.
6. Осокин Р.Б. К вопросу о криминализации изготовления или распространения произведений, пропагандирующих насилие и жестокость // Публичное и частное право. 2014. № 1
7. СУ РСФСР, 1917. № 4. С. 70.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г. // СЗ СССР, 1947. № 14.
9. Шарогородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л.: ЛГУ, 1973. С.40.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© 2021 г. В.П. Мосиенко

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В работе исследуются актуальные вопросы, связанные с расследованием уголовных дел в отношении несовершеннолетних, истоки и причины возникновения молодежной преступности. Дается характеристика несовершеннолетнему преступнику, рассматриваются статистические данные преступности несовершеннолетних, и на их основе делаются соответствующие выводы. Автором вносятся предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: *несовершеннолетний, законные представители, подозреваемый, обвиняемый, преступление, уголовное судопроизводство, уголовное дело, правоохранительные органы, педагог, психолог, психическое развитие, социальное общество, коррупционная составляющая, государственное устройство.*

The work examines topical issues related to the investigation of criminal cases against minors, the origins and causes of youth crime. A characteristic of a juvenile offender is given, statistical data on juvenile delinquency are considered, and appropriate conclusions are drawn on their basis. The author makes proposals for improving the current criminal procedure legislation.

Keywords: *minor, legal representatives, suspect, accused, crime, criminal proceedings, criminal case, law enforcement agencies, teacher, psychologist, mental development, social society, corruption component, state structure.*

Важное место в жизни общества и государства занимает подрастающее поколение. В свое время Франц фон Лист заметил, что «Молодежь заброшенная это – рассадник будущей профессиональной преступности. Потеря там, – громадная выгода здесь» [1, с. 76].

Поэтому в российском уголовном судопроизводстве среди особых производств огромное внимание уделяется расследованию уголовных дел по факту совершения преступлений несовершеннолетних. Связано это с тем, что у этой категории участников уголовного процесса имеются свои специфические особенности характеристики личности.

Известно, что предметом доказывания по каждому уголовному делу являются обстоятельства, изложенные в статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2], и в части 2 этой статьи, указывается на необходимость выявления также обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Для несовершеннолетних обвиняемых это указание, на наш взгляд, имеет особое значение, так как именно здесь могут выявляться те глубинные мотивы и причины преступления, которые характерны несовершеннолетнему обвиняемому.

Помимо этого, согласно ч. 1 ст. 421 УПК РФ при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, устанавливаются:

– возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения;

– условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности;

– влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Представляется, что вышеизложенные в уголовно-процессуальном законодательстве требования в полной мере можно отнести к словам великого русского педагога К.Д. Ушинского, который говорил, что: «Если педагогика хочет воспитать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [3, с. 23].

Следует согласиться с мнением такого великого ученого в области педагогики и сделать вывод о том, что человек воспитывается не только родителями, лицами их заменяющими, но и обществом в целом и только от них в дальнейшем будет зависить качество воспитания и его поведение в жизненных реалиях.

В связи с изложенным, хотелось бы внести предложение о конкретизации в отдельной статье уголовно-процессуального кодекса обстоятельств, подлежащих выяснению в ходе производства по уголовному делу в отношении несовершеннолетнего, аналогично тому, как это определено в статьях 61, 63 Уголовного кодекса Российской Федерации [4].

Проблема преступности среди несовершеннолетних возникла не сегодня, она существовала во все времена независимо от существующего государственного устройства, но она всегда была связана с теми негативными обстоятельствами в обществе, которые имеются в тот или иной период его развития.

В нашем государстве – это коррумпированность чиновников всех рангов, тяжелые социально-бытовые, материальные условия, отсюда конфликты в семье, отсутствие надлежащего воспитания детей, разрушение семейных ценностей, например развод родителей, и ряд других отрицательных проявлений.

Как справедливо отмечает Т.А. Мосиенко, «Человек чувствует себя сильным и свободным, если у него твердая материальная почва, и отсюда психологическое здоровье семьи, и желание иметь детей, и развивать свой маленький коллектив. Изменения в социальном обществе сделали насущным разработку проблем, касающихся правоотношений не только при заключении брака, но и при расторжении брака супругов» [5, с. 51].

Действительно, развод родителей не является редкостью, а суды, в свою очередь, не выясняют мнение ребенка, с кем из родителей он останется проживать после развода, к кому из них он больше привязан, в дальнейшем по мере взросления такой ребенок начинает мстить родителям, а в последствии он становится «человеком-улицы» и может совершать преступления различной степени тяжести.

Представляется необходимым отметить, что в последнее время у несовершеннолетних проявляется эгоизм, вражда, грубость по отношению к родителям и окружающим, зависть, жадность, достижение желаемой цели для удовлетворения своих материальных и иных потребностей любым способом, в том числе и противоправным.

Как правило, противоправные деяния совершаются несовершеннолетними в группе, и при этом отсутствует сожаление и чувство стыда о содеянном.

Необходимо отметить, что негативную роль в воспитании несовершеннолетних сыграло введение в учебных заведениях всех уровней такого понятия как оказание образовательных услуг, вместо осуществления качественного образования и воспитательного процесса.

Надо сказать, что в настоящий период времени в России учителя настолько загружены ведением отчетностей, составлением различных планов, что, на наш взгляд, не способствует индивидуальной работе с подрастающим поколением, а последние этим пользуются в своих интересах.

Имеющаяся учебная нагрузка в школах ведет к истощению неустоявшейся нервной системе школьника, что в конечном итоге приводит к ухудшению их психического состояния здоровья и тяжелым последствиям, в том числе совершению особо тяжких преступлений в учебных заведениях (Березняки, Казань, Крым и другие).

Как пишут В. Овчинский, А. Сухаренко, «в 2020 году к уголовной ответственности всего по России было привлечено 852 052 человека, из которых около 64 % не имели постоянного источника дохода, и чтобы содержать свою семью и детей, проживающих отдельно вынуждены были совершать преступления». Они акцентируют внимание на том, что «каждое 27 преступление было совершено несовершеннолетними или при их соучастии, в том числе вызывает повышенную тревогу 45% рост преступлений против половой неприкосновенности, в 2017 году – 425, а уже в 2019 – 618 таких преступлений» [6].

По данным Генеральной прокуратуры, несовершеннолетние в России ежегодно совершают или участвуют более чем в 40 тысяч преступлений. Большинство несовершеннолетних (83 %) в 2019 году совершили преступления против собственности, 8 % – против жизни и здоровья и более 4 % – это преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков [7].

Надо сказать, что вызывает огромную озабоченность, что незаконный оборот наркотиков в России стал более доступным для несовершеннолетних, которые часто привлекаются для закладки и распространения, а иногда распространяют, в том числе в образовательных учреждениях.

Представляется, что работники правоохранительных органов уделяют недостаточно внимание вопросам профилактики преступности среди несовершеннолетних. По нашему мнению, в правоохранительных органах должны быть определены формуляры посещения учебных заведений, в которых обучаются несовершеннолетние, для своевременной постановки на учет лиц, употребляющих либо распространяющих наркотические средства, и ежемесячно ответственные работники обязаны отчитываться перед начальником отдела, а последний – перед вышестоящими органами о проделанной работе.

Представляется необходимым отметить, что в 2019 году были поставлены на учет подразделениями по делам несовершеннолетних 145 тысяч подростков, а 70 тысяч были привлечены за административные правонарушения, возраст которых до 16 лет. Данные цифры показывают нам, что в семье и учебных учреждениях не ведется качественная работа с несовершеннолетними по предупреждению и пресечению правонарушений.

При проведении исследования обозначенной нами темы было установлено, что большинство преступлений несовершеннолетних совершается лицами мужского пола, но в них участвуют и девушки, не достигшие возраста совершеннолетия.

В то же время, по данным РИА Новости [8], за период с 2009 по 2019 гг. число преступлений, совершенных несовершеннолетними в возрасте от 14 до 17 лет, сократилось в 5 раз (таблица 1).

Таблица 1. Динамика преступлений, совершенных несовершеннолетними в возрасте от 14 до 17 лет, за период 2009-2019 гг.

Законодательство	2009	2019
ст. 105 УК РФ (убийство)	679	131
ст. 131 УК РФ (изнасилование)	565	100
ст. 158 УК РФ (кража)	25 000	8 300

На наш взгляд, прослеживается грубое искажение статистических данных о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, с целью сглаживания ситуации в этом сложном вопросе. И связано это, по нашему мнению, с тем, что правоохранительные органы недостаточно укомплектованы профессиональными специалистами, практически отсутствует институт наставничества, на одного следователя приходится огромное количество уголовных дел, что приводит к некачественному и несвоевременному расследованию преступлений, а иногда и к их необоснованному прекращению, в связи с наличием возможной коррупционной составляющей от благодарных родителей либо лиц, их заменяющих.

При расследовании преступлений, совершенных лицами, не достигшими возраста совершеннолетия, в соответствии со статьей 425 УПК РФ, обязательное участие на допросе принимает педагог и психолог, которые привлекаются правоохранительными органами.

Представляется, что уголовно-процессуальное законодательство далеко от совершенства, а именно в указанной норме отсутствуют критерии к профессиональному уровню подготовки работы с несовершеннолетними как к педагогу, так и психологу.

По нашему мнению, целесообразно внести изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство в части совершенствования расследования уголовных дел, совершенных лицами, не достигшими возраста совершеннолетия, закрепив статью 425.1 УПК следующего содержания:

«При проведении любых следственных действий в отношении подозреваемого, обвиняемого несовершеннолетнего обязательно участие педагога и психолога, а также его законных представителей или лиц, их заменяющих.

Для педагога и психолога необходимо наличие высшего образования, стаж работы с несовершеннолетними не менее 5 лет, для психолога – наличие лицензии на данный вид деятельности».

При производстве по уголовному делу необходимо выяснить у подозреваемого, обвиняемого и педагога отсутствие у них конфликтов либо неприязненных отношений, и, если таковые имеются, данный педагог не может быть допущен к участию в производстве по уголовному делу.

При осуществлении производства по таким сложным категориям уголовных дел представляется целесообразным проведение соответствующей профессиональной подготовки работников правоохранительных органов, имеющих навыки работы с несовершеннолетними, так как от их действий будет зависить судьба подростка-преступника.

Внесение данных изменений будет способствовать, по нашему мнению, повышению качества правоприменительной практики, укреплению законности и государства в целом.

Литература и источники

1. Франц фон Лист. Задачи уголовной политики. М.: Инфра-М, 2004. 110 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 13.05.2021) // Российская газета. 22.12. 2001. № 249.
3. Ушинский К.В. Человек как предмет воспитания. М., 1950. Т. 8. 964 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Мосиенко Т.А. Особенности защиты прав детей при расторжении брака родителей в России и странах зарубежного правопорядка // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7. (122). С. 49-51.
6. Овчинский В., Сухаренко А. Мир криминала. Преступность в период пандемии // Завтра. Вып. 9. (1419).
7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: https://genproc.gov.ru.
8. В Росстате заявили о снижении подростковой преступности в России // РИА Новости. 19.06.2020.

УДК 343

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРОВОКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

© 2021 г. В.Н. Севумян

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье предлагается новое понятие провокативной деятельности. Определяются виды провокационной деятельности. Высказываются предложения по дальнейшему совершенствованию этого института уголовного права.

***Ключевые слова**: провокация преступления, провокационная деятельность, противоправное поведение, провокация войны.*

The paper proposes a new concept provocative activities. Specifies the types of provocative activities. Suggestions are made for further improvement of this institution of criminal law.

***Keywords:** provocation of a crime, provocative activity, illegal behavior of the victim, the provocation of war.*

Провокация преступления в уголовно-правовой доктрине трактуется крайне узко и в основном имеет в виду отдельные (частные по отношению к этому явлению) положения, упоминающиеся в уголовном законе, связанные с одним из видов соучастия – подстрекательством (точнее, с его частью) – в Общей части или с провокацией дачи взятки или коммерческого подкупа в Особенной части уголовного права.

Несмотря на общественную опасность провокативной деятельности, действующее отечественное уголовное законодательство в качестве самостоятельного преступления выделяет только вышеназванную провокацию взятки или коммерческого подкупа (ст. 304 УК РФ). Явный пробел в законодательстве не способствует усилению борьбы с преступностью, так как оставление без правового воздействия опасных форм поведения, порождая безнаказанность, приводит к вовлечению в совершение преступлений лиц, которые до встречи с провокатором являлись законопослушными гражданами. Проявляя личную инициативу и руководствуясь различными мотивами либо, реже, выполняя задания сотрудников оперативных служб, лицо может стать на путь провокативной деятельности.

Сложный и опасный характер такой деятельности определяется тем, что провокатор не просто побуждает других лиц к совершению преступления либо создает для этого необходимые условия или обстоятельства, а склоняет их к совершению преступлений, и, добившись этого, сообщает о содеянном спровоцированными лицами правоохранительным органам.

«Провокация» означает действие, направленное против отдельных лиц, групп, государств и т.п. с целью вызвать определенную ответную реакцию [1, с.679].

В науке предложено теоретическое понятие провокации преступлений. По мнению А.А. Мастеркова, под провокацией преступления следует понимать вовлечение другого лица в совершение преступления с целью вызвать впоследствии наступление неблагоприятных для него последствий [2, с.10].

При глубоком анализе уголовного закона становится ясным, что необходимо введение в научный оборот более широкого понятия, нежели провокация, а именно такого как провокативная деятельность. Не претендуя на данном этапе исследования в формулировании окончательного понятия провокативной деятельности, очертим его пределы по объему входящих в него элементов.

Провокативная деятельность как уголовно-правовой институт, по нашему мнению, представляет собой систему действий, определенную линию поведения субъекта преступления (провокатора), выражающуюся в вовлечении, побуждении, склонении, принуждении или понуждении другого лица к совершению преступления, либо в создании обстановки и условий для этого с целью последующего изобличения виновного в совершении преступления, в осуществлении предусмотренных уголовным законом действий, направленных на провокацию войны и осложнение международных отношений, а также в противоправном поведении потерпевшего, влекущем совершение преступления как ответную реакцию на это поведение.

Таким образом, провокативная деятельность как уголовно-правовой институт включает в себя две принципиально разных разновидности провокационных действий, объединенных тем, что и в

одном, и в других случаях имеет место провокация, относящаяся к реальному или возможному совершению преступления, а именно: 1) провокационные действия субъекта преступления; 2) провокационные действия потерпевшего от преступления, которое явилось следствием предпринятой им провокации. В любом случае в неё входят два обязательных элемента: 1) действия одного лица, провоцирующие другое лицо на совершение преступления; 2) действия спровоцированного лица, которые выражаются в совершении или попытке совершения того преступления, на которое оно провоцировалось.

По нашему мнению, необходимо различать следующие подвиды провокативных действий первого вида (провокативные действия субъекта преступления):

1) провокативные действия как вид соучастия, имеющие своей целью вовлечение, побуждение, склонение, принуждение и понуждение другого лица к совершению преступления;

2) провокативные действия как создание обстановки и условий для совершения преступления с целью последующего изобличения виновного в совершении преступления при провокации взятки и коммерческого подкупа;

3) провокативные действия в виде нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные или жилые помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, совершенного в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

И второй вид провокативных действий: провокативная деятельность в виде противоправного поведения потерпевшего, при этом состояние виновных должно быть вызвано: а) насилием; б) издевательством; в) тяжким оскорблением; г) иным противоправным или аморальным поведением (действиями или бездействием) потерпевшего; д) длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего.

Краткая характеристика провокативной деятельности обоих видов сводится к следующему:

1) *Вовлечение, побуждение, склонение, принуждение и понуждение другого лица к совершению преступления.*

Перечисленные способы провокативной деятельности рассмотрены в уголовно-правовой доктрине крайне однобоко, и поэтому в дальнейшем необходим более подробный их анализ.

Провокатор, по мнению С.Н. Радачинского, предполагает использовать спровоцированное деяние не в целях достижения совместного преступного результата, а в целях доказательства обвинения [4, с.44]. Но мы не можем согласиться с автором в том, что цель провокатора – дискредитация провоцируемого лица, которая преступлением не является. Кроме того, нельзя, на наш взгляд, ограничиваться одной целью – доказательства обвинения, здесь необходимо говорить о таких целях как попытка избежать уголовной ответственности с привлечением к ней лица, не подлежащего уголовной ответственности, месть в отношении лица, которого вовлекают в совершение преступления. Пытаясь спровоцировать другое лицо на совершение преступления, провокатор желает, чтобы именно благодаря его действию на это лицо оно и совершило преступление. При этом провокатор заранее делает для себя выбор, какое преступление должно совершить спровоцированное лицо, действуя, таким образом, осознанно и с прямым умыслом.

Однако прямой умысел у провокатора носит сложный характер, он не ограничен только одним желанием побудить провоцируемое лицо совершить конкретное преступление, так как данное желание сопряжено одновременно и с другим желанием – изобличить спровоцированное лицо в совершении им того самого преступления, которое спровоцировал провокатор, или с желанием использовать провоцируемого для получения прибыли, а возможно, из мести как в отношении провоцируемого, так и потенциального потерпевшего от провокации. Достижение данных целей и превращает лицо в провокатора.

2) *Создание обстановки и условий для совершения преступления с целью последующего изобличения виновного в совершении данного преступления при провокации взятки и коммерческого подкупа.*

По этому виду провокативной деятельности в системе преступлений против правосудия недостаточно полно рассмотрены вопросы правомерных и неправомерных действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. На наш взгляд, они должны быть учтены.

3) *Провокативная деятельность, направленная на войну или осложнение международных отношений.*

Провокация войны как цель преступления означает, что виновный, стремясь вызвать юридическое состояние войны, направляет усилия на создание условий, при которых война объявляется либо фактически начинаются боевые действия [3, с.181]. Посягательства, направленные на нарушение международного мира, безусловно, представляют повышенную опасность в сравнении с иными преступлениями, призванными спровоцировать осложнение международных отношений. В сущности, провокация войны – это особое наиболее опасное проявление международных осложнений [5, с.76].

Цель осложнения международных отношений является альтернативной цели провокации войны. Из законодательной формулировки вовсе не следует, что виновный не может преследовать достижения одновременно двух означенных целей.

4) *Противоправное поведение потерпевшего*.

В УК РФ содержатся ст. ст. 107 и 113, которые предусматривают ответственность за убийство и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенные в состоянии аффекта. Формулируя указанные составы преступлений, законодатель в диспозициях специально акцентирует внимание на роль потерпевших при совершении этих преступлений. И убийство, и причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью совершают только виновные, находящиеся в состоянии сильного душевного волнения (аффекта).

Таким образом, по нашему мнению, в уголовном праве России следует выделять два вида провокативной деятельности, глубокое изучение особенностей которых может привести к выявлению их специфических особенностей, требующих учета как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности.

Литература

1. Большой академический словарь русского языка. М.; СПб., 2012.
2. Мастерков А.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: Автореф. дис. … к.ю.н. Владивосток. 2000.
3. Международное уголовное право / Под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2013.
4.Радачинский С.Н. Провокация преступления как комплексный институт уголовного права: проблемы теории и практики: Дис. … д.ю.н. Н. Новгород. 2012.
5 Сухарев Д.Л. Нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой. Ставрополь, 2003.

УДК 343.2

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

© 2021 г. Д.В. Тынянский, А.Л. Клочкова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются основные подходы к определению принципов уголовной политики государства. Исследуются научные классификации принципов уголовной политики, роль и значение принципов уголовной политики. Приводится сравнение научной и правотворческой характеристик принципов уголовной политики. Определяется соотношение принципов уголовной политики с принципами отраслей права уголовной направленности, общеправовыми принципами. Авторами по итогам проведенного исследования формируется система принципов уголовной политики.

Ключевые слова: *уголовная политика, определение принципов уголовной политики, классификация принципов уголовной политики, система принципов уголовной политики.*

This article considers the main approaches to defining the principles of state criminal justice. It analyzes scientific classifications of the principles of criminal justice, role and significance of the principles of criminal justice. The article also compares the scientific and legal characteristics of criminal justice principles. The article defines the correlation between the principles of criminal justice and the principles of the branches of criminal law and general legal principles. As a result of the conducted research, the system of criminal justice principles is formed by the authors.

Key words: *criminal justice, defining the principles of criminal justice, classifying the principles of criminal justice, the system of criminal justice principles.*

Понимание уголовной политики, как и любого политико-правового института, тесно взаимосвязано с определением формирующих ее руководящих начал, которые характеризуют его содержание как необходимого правового инструмента борьбы с преступность, определяют основные направления воздействия на общественные отношения для достижения социально приемлемых показателей преступности.

Поскольку не существует универсальной модели противодействия преступности, принципы уголовной политики позволяют самостоятельно определить и сформировать каждому государству стратегию и тактику борьбы с преступностью, которая окажется наиболее эффективной в социально-экономических и политических условиях в условиях которой функционирует государство.

Более того, в наиболее обобщенном понимании уголовная политики сама представляет собой определенную систему политико-правовых начал, на основе которых государственные органы осуществляют противодействие преступности и охраняют наиболее важные общественные отношений.

Несмотря на значимость уголовной политики для безопасности государства, до настоящего времени как законодателем, так и научным сообществом не установлены принципы, на основе которых в настоящее время Российское государство формирует и реализовывает свою политику по борьбе с преступностью.

Согласно теории уголовного права, уголовно-правовые нормы, регулирующие отношения, связанные с совершением общественно-опасных деяний, составляют основу уголовной политики любого государства. В связи с чем для определения основных принципов уголовной политики необходимо установить взаимосвязь и соотнести уголовное право и уголовную политику. В настоящее время научное сообществе не пришло к единому пониманию о том, как необходимо соотносить уголовное право и уголовную политику, что из них является частью, а что целым.

С.А. Борсученко считает уголовную политику составляющей уголовного права и соотносит ее как часть по отношению к целому. При таком подходе происходит обобщение принципов уголовной политики, которая, по мнению ученого, также, как и уголовное право, основывается на установленных уголовном законодательстве принципах законности, равенства граждан перед законом, принципах вины и справедливости [1, с. 55].

Наиболее обоснованной является позиция Н.А. Лопашенко, которая считает, что уголовная политика является первичной по отношению к уголовному праву, поскольку уголовное законодательство формируется с учетом задач и целей, которые стоят перед уголовной политикой в конкретный период исторического развития [2, с. 20].

Таким образом, именно уголовная политика определяет систему закрепленных законодательством принципов и руководящих начал, на основе которых, в свою очередь, формируется уголовное право. В связи с чем позиция Н.А. Лопашенко предлагает обратную взаимосвязь, при которой уголовная политика выступает целым, а уголовное право выступает ее частью.

Несомненно, принципы, закрепленные уголовным законодательством, важны и не могут быть противопоставлены принципам функционирования любого политико-правового института, поскольку исходят не только из теории государства и права, но и закреплены высшим законом страны, международными актами. Вместе с тем, общие правовые принципы не способны конкретизировать содержание уголовной политики и определить ее социальное назначение. Таким образом, предполагается целесообразным разделить принципы уголовной политики на межотраслевые, которыми выступают вышеуказанные общеправовые принципы, характерные, согласно теории государства и права, для всех политико-правовых институтов государства, и отраслевые, специальные, характерные исключительно для уголовной политики, отражающие ее специфику, основные направления воздействия на общественные отношения.

Важной задачей при определении принципов уголовной политики является не столько формирование системы руководящих начал, свойственных исключительно данному политико-правовому институту, сколько определение круга принципов, которые отражают подлинную природу уголовной политики. Поэтому систему принципов уголовной политики необходимо ограничить разумным количеством, поскольку чрезмерное расширение руководящих начал приведет к падению их значимости, что, несомненно, скажется на эффективности уголовной политики.

Некоторые авторы представляют систему принципов уголовной политики как совокупность общеправовых принципах уголовной политики и принципы уголовной политики, выводимые из совокупности уголовно-правовых норм. При этом, выдвигая такую характеристику специальных принципов уголовной политики, научное сообщество не пришло к единому мнению о том, что считать принципами уголовной политики, выводимой из совокупности уголовно-правовых норм, поскольку уголовно-правовые нормы также закрепляют и общеуголовные принципы, формирующие всю систему права.

Например, Н.А. Лопашенко в качестве специальных принципов уголовной политики выделяет принципы социальной и научной обоснованности и экономии репрессии [2, с. 14]. В то время как А.И. Коробеев дополнительно к указанным принципам уголовной политики предлагает относить принципы дифференциацию и индивидуализацию ответственности, наказания [3, с. 81]. Вместе с тем, указанные принципы характерны в целом как для теории уголовного права, так и для всех отраслей права уголовного цикла. Вместе с тем большинство авторов сходятся во мнении, что принцип научности или научной обоснованности является обязательным, неотъемлемым элементом любой классификации, системы принципов уголовной политики государства.

Другие ученые высказывают мнение о недопустимости отдельного выделения указанных принципов, обосновывая это тем, что принципы научности и дифференциации и индивидуализации ответственности, наказания представляют собой отдельные элементы принципов гуманизма и справедливости, относимых к числу общеправовых принципов уголовной политики, в связи с чем их дополнительное выделение нарушает последовательность и внутреннюю согласованность элементов системы принципов уголовной политики.

Поддерживая позицию сторонников выделения двух вышеуказанных принципов научной обоснованности и экономии репрессии, следует пояснить, что данные принципы пронизывают всю структуру уголовной политики, начиная с начального этапа формирования уголовной политики и завершая этапом ее реализации.

Для установления целесообразности включения принципа дифференциации и индивидуализации ответственности, наказания, следует обратить внимание на то, что именно уголовное право является составляющей уголовной политики, закрепляющей основные направления, стратегию и тактику борьбы с преступностью, в то время как уголовное право закрепляет способы и методы противодействия, законодательно развивая задачи уголовной политики. Позиция выделения указанных принципов только в уголовном праве представляются неверной, поскольку при таким подходе данные принципы закрепляются в уголовном праве, которое соотносится с уголовной политикой как часть и целое.

Аналогичный подход применим и к принципам научной обоснованности и экономии репрессий, поскольку закрепление данных принципов привело к появлению таких положений уголовного права как условно-досрочное освобождение, когда применение дальнейших санкций государства нецелесообразно и может привести только к дополнительной криминализации личности.

Представляется ошибочным выделять в качестве принципов уголовной политики руководящие начала, закрепленные исключительно в отраслях уголовно-правового цикла. Поскольку правовое перевоспитание и социализация личности, допустившей нарушение социальных норм, является принципом не только отраслей права, но и всех сфер общества.

Проблема определения принципов уголовной политики и в научной литературе, и в правотворческой деятельности решается неоднозначно. Научным сообществом предложны несколько подходов к классификации принципов уголовной политики, каждый из них отличается не только общим перечнем принципов, но и значением каждого из них, содержанием. Авторы определяют различные спектры принципов уголовной политики от узких до наиболее развернутых.

На основании изложенного, можно сделать вывод о том, что наиболее целесообразным является использования классификации, формирующей систему принципов уголовной политики из общих и специальных принципов, как правового, так и неправового характера, поскольку общие принципы одинаково распространены на все социальные институты общества.

В качестве общих принципов уголовной политики следует указать основные принципы, закрепленные конституцией, такие как законность, гуманизм, справедливость, гласность, равенство прав и законных интересов граждан и других лиц. В качестве специальных принципов, детализирующих содержание уголовной политики как уголовно-правового института, предлагается выделять научную обоснованность, экономии репрессий и инструментов государственного принуждения, принцип дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, социальную ориентированность и обусловленность, устойчивость и предсказуемость, легитимность уголовной политики.

Литература

1. Борсученко С.А. Принципы уголовно-правовой политики // Вестник российской правовой академии. 2009. № 1. С. 51-55
2. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 234 с.
3. Коробеев А.И. Полный курс уголовного права: в 5 т. // Т. 1: Преступление и наказание. СПб., 2008. – 1133 с.
4. Кузнецов А.П. Принципы уголовной политики // Общество и право. 2017. №1. С. 13-17.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

СУД ПРИСЯЖНЫХ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

© 2021 г. А.В. Гаврицкий, К.С. Панчихин

Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия 344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Ленина, 66

Rostov Branch of Russian State University of Justice, 66, Lenina St., Rostov-on-Don, 344038

В статье анализируются деятельность и реформирование института суда присяжных в уголовном судопроизводстве, а также его значение для отправления правосудия. Авторы рассматривают различные научные взгляды на значение суда присяжных в уголовном судопроизводстве. В ретроспективе исследуется взгляд законодателя на перечень уголовных дел, подсудных присяжным заседателя. Обосновывают свою точку зрения на значимость суда присяжных в уголовном делопроизводстве России.

Ключевые слова: *присяжные заседатели, формирование коллегии присяжных заседателей, гражданский долг, форма отправления правосудия.*

The article analyzes the activity and reform of the institution of trial by jury in criminal proceedings, as well as its significance for the administration of justice. The authors consider various scientific views on the importance of jury trials in criminal proceedings. In retrospect, the author examines the legislator's view on the list of criminal cases that are subject to jurors. They justify their point of view on the importance of a jury trial in the criminal record-keeping of Russia.

Key words: *jurors, formation of the jury, civic duty, form of administration of justice.*

В последнее время все чаще при обсуждении института присяжных заседателей возникают дискуссионные вопросы по поводу значимости данной формы отправления правосудия в уголовном судопроизводстве России. Особенно активно данный вопрос обсуждается после принятия Федерального Закона от 23.06.2016 г № 190-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей», который позволил с 01 июня 2018 г. в районных, гарнизонных и военных судах рассматривать уголовные дела с участием присяжных заседателей [2], и внесения соответствующих изменений в нормы УПК РФ [1].

Некоторыми авторами замечено, что «рамки применения института присяжных заседателей расширены с целью развития демократических основ уголовного судопроизводства, доверия гражданского общества к судебной системе, повышения гласности и открытости правосудия. Законодательство позволяет создать условия для широкого привлечения граждан к отправлению правосудия, а потому, данный институт имеет большое значение в уголовном судопроизводстве» [14, с. 290].

Однако такого мнения придерживаются не все авторы. Ряд ученых не поддерживают существующий институт присяжных заседателей, считая, что в России нет условий для его нормальной реализации [3, с. 13]. Свое мнение ученые обосновывают разными причинами.

Суд присяжных устоял и под шквалом критики и недовольства представителей судейского и прокурорского сообществ. Однако почти за двадцать пять лет своего существования он не только не смог стать стержнем судебной системы, но и значительно сдал свои позиции. На сегодняшний день суд присяжных рассматривает примерно 0,05% от общего числа уголовных дел, в среднем по 500 уголовных дел в год. Современный суд присяжных существует при значительной оппозиции оправдательным вердиктам, которые он выносит, и со стороны судейского сообщества.

Ученые считают, что непрофессионалы в юриспруденции не могут решать вопрос о виновности или невиновности лица в совершении преступления. Такие граждане склонны поддаваться эмоциям и личным симпатиям. В связи с этим приводят многочисленные примеры оправдания присяжными заседателями подсудимых [9, с. 90; 16, с. 8].

Другие не против суда присяжных, но считают, что в сегодняшней правовой системе он является чужеродным, так как Россия относится к государствам континентальной Европы, где присутствует суд шеффенского типа, когда судьи и присяжные действуют единой коллегией и решают все вопросы общим голосованием. Хотя и этот принцип построения суда с участием коллективного начала достаточно спорен, так как в таком суде неизбежно психологическое давление на присяжных заседателей со стороны профессионального судьи. С учетом знаний и навыков профессиональной деятельности

суд, безусловно, будет оказывать давление на присяжных заседателей.

Некоторые авторы однозначно и категорично указывают на то, что в суде присяжных нет необходимости [16, с. 68]. А.В. Цветков считает, что «такая постановка вопроса вполне уместна, ведь упразднение этого института, который рассматривает дел меньше, чем количество написанных о нем статей, в массиве больших чисел останется незамеченным» [11, с. 68].

Н.А. Колоколов, ссылаясь на японских юристов, отвечает на него следующим образом: «Не знаем зачем, но так принято в цивилизованных странах» [9, с. 90]. Если речь идет о каком-то важном атрибуте демократии, без которого государство будет исключено из клуба цивилизованных стран, то сотня неправосудных приговоров в год может показаться вполне приемлемой платой за столь почетное членство.

М.Т. Аширбекова доказывает, что деятельность присяжных имеет чисто процессуальную природу, а выносимый ими вердикт – правоприменительный акт, с той оговоркой, что он канализирует естественное право [4, с. 33]. И.В. Маслов оценивает этот институт с точки зрения достижения им цели уголовного судопроизводства (соответственно, не достигает) [12, с. 18]. О.В. Качалова и М.В. Беляев, напротив, полагают, что привлечение народа к отправлению правосудия сокращает риск судебной ошибки и, как социальное следствие, увеличивает доверие населения к суду. При этом ученые делают оговорку, что так выглядит идеальная модель [8, с. 176].

Подобные представления Л.В. Головко характеризует как часть мифологемы суда присяжных [7, с. 67]. Н.А. Колоколов точно подмечает, что «суд народа может быть эффективен только там, где общество однородно, как это было в средневековой и викторианской Англии. Если это условие не соблюдается, справедливость вытесняется расовыми, этническими, религиозными, социальными и прочими предрассудками» [10, с. 3].

Законодатель регулярно изменяет компетенцию судов с участием присяжных заседателей и чаще всего в сторону сужения. Динамика изменения объема составов преступлений наглядно проанализирована А.В. Габовым и Н.М. Хромовой: «Первоначальная редакция ст. 31 УПК РФ содержала 51 состав. В 2002 г. были исключены два состава преступлений, а в 2003 году - еще один. Значительное сокращение количества составов преступлений, подсудных суду присяжных, произошло в 2008 году, когда из их числа были исключены преступления террористической направленности и ряд преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Количество составов уменьшилось до 48 [6, с. 4].

Однако в период времени с 2010 по 2012 год перечень составов преступлений, подсудных суду присяжных, расширялся: в него было включено около 27 составов, в том числе возвращены преступления террористической направленности, введены преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности и два состава преступлений в сфере оборота наркотиков. С 2013 по 2015 год перечень уголовных дел, выведенных из подсудности судьи федерального суда общей юрисдикции и коллегии из 12 присяжных заседателей, опять расширяется: были исключены преступления террористической направленности; преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. На 2016 г. к подсудности суда с участием присяжных заседателей относятся 33 состава преступлений» [6, с. 6].

Следующим негативным моментом в деятельности института суда присяжных, на наш взгляд, является сокращение количества присяжных заседателей с 12 до 8 в областных и 6 присяжных заседателей – в районных судах. Согласно математической теореме Кондорсе, чем выше количество голосующих, тем ниже вероятность ошибки. Очевидно, что законодатель в основу принятия решения коллегией присяжных заседателей положил именно эту теорему. Как отмечает С.С. Коломенская, «Вопрос о численности присяжных заседателей провели американские ученые Джелфан А. и Соломон Г. Они использовали эмпирические данные и математическое моделирование и доказали, что сокращение численности коллегии с 12 до 6 присяжных заседателей увеличивает вероятность «оправдательной» ошибки» [11, с. 68].

Количество составов преступлений, рассматриваемых судом присяжных в районных, городских и военных судах, увеличилось. Суду присяжных подсудны уголовные дела, по которым не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, в том числе по ст. 105 УК РФ («Убийство») и ч. 4 ст. 111 УК РФ (Причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего). Это наиболее рассматриваемые составы преступлений в судах. К их подсудности относится и ряд других, которые гораздо реже встречаются в судебной практике, например ст. 317 («Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»), ст. 277 («Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля»), ст. 295 («Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование») и ст. 357 («Геноцид»). Однако «народный» суд по-прежнему остается недоступным для основной массы обвиняемых, поскольку его компетенция не распространяется на кражи, мошенничество, преступления при осуществлении предпринимательской деятельности и иные.

Численность состава суда присяжных сократилась, ситуация с формированием коллегии присяжных заседателей не изменилась. Формирование коллегии даже из 6 присяжных заседателей по-прежнему вызывает определенные сложности [14, с. 291; 15, с. 60].

Граждане не желают активно исполнять свой гражданский долг. Нежелание участвовать в отправлении правосудия не влечет для них каких-либо правовых последствий. Мы не согласны с мнением некоторых авторов, предлагающих ввести уголовную ответственность за неявку в суд кандидатов в присяжные заседатели. Такое отношение к рядовым гражданам будет отдалять население от отправления правосудия. А значение института присяжных заседателей состоит в том, чтобы привлечь к рассмотрению народный элемент, и такое привлечение должно осуществляться на добровольных началах. Считаем, что есть необходимость в формировании интереса у представителей народа к процедуре рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. Есть необходимость в большей информированности населения в такой форме правосудия и ее целесообразности, а применять меры уголовного принуждения в данном случае неправильно и не целесообразно.

По нашему мнению, в суде присяжных решается важная воспитательная задача. С одной стороны, общая превенция преступлений, а с другой – осознание гражданами при выполнении обязанностей присяжных своего долга перед своим народом, что «не может оставить гражданина равнодушным к судьбе своей страны» [13, с. 297].

Таким образом, с политической точки зрения введение суда присяжных как самой демократичной формы судопроизводства следует признать важным этапом в построении правового государства.

С психологической точки зрения любое коллегиальное решение вопросов, в том числе в суде присяжных, предпочтительнее, нежели единоличное, поскольку коллективная оценка доказательств является более объективной. Вместе с тем именно в коллегии существует определенная опасность вынесения решения в результате давления неправильного мнения большинства на формирование внутреннего убеждения других членов состава суда.

Думается, что полемика о значимости суда присяжных будет развиваться и дальше. Допускаем, что законодатель с учетом правоприменительной практики будет постоянно корректировать данный институт, пока не доведет его до определенного совершенства.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2001. 22 декабря. № 249.
2. Федеральный закон от 23.06.2016 г № 190-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) «О внесении изменений в УПК РФ в связи с расширением применения института присяжных заседателей» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Часть I). Ст. 3859.
3. Абдрахманов Р. Не поторопились ли мы? // Российская юстиция. 1995. № 12. С. 13.
4. Аширбекова М.Т. Вердикт присяжных как правоприменительный акт // Мировой судья. 2019. № 10. С. 33.
5. Венев Д.А. Подсудность суда с участием присяжных заседателей в уголовном процессе России – вопросы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 10. С. 15.
6. Габов А.В., Хромов Н.М. Суд присяжных в России: новая реформа // Судья. 2016. № 5. С. 4.
7. Головко Л.В. Мифологема суда присяжных как гарантии свободы от государства в постсоветском неолиберальном дискурсе / Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества: Материалы научной конференции (г. Москва, 20 апреля 2018 г.): Сб. науч. ст. М., 2018. С. 67.
8. Качалова О.В., Беляев М.В. Вердикт присяжных заседателей и социальные запросы общества // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 176.
9. Колоколов Н.А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 1(12). С. 90;
10. Колоколов Н.А. Неисповедимы мысли juror: справедливость против догмы // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2. С. 3.
11. Коломенская С. Состав и численность коллегии присяжных заседателей в США // Российская юстиция. 2007. № 9. С. 68-70.
12. Маслов И.В. Нужен ли суд присяжных России? // Мировой судья. 2019. № 11. С. 18;
13. Михайлов П.Л. Суд присяжных во Франции: становление, развитие и трансформация. СПб., 2004. С. 297.
14. Палиева О.Н., Коблева М.М. «О реформировании суда присяжных: организационные и процессуальные проблемы» // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 290-293.

15. Палиева О.Н., Васильяди А. Проблемные вопросы формирования коллегии присяжных заседателей // Экономика. Право. Государство. Международный рецензируемый журнал. 2019. № 2 (4) 2019. С. 58-63.
16. Прохорова Е.А., Саморока В.А., Балаянц М.С. Суд с участием присяжных заседателей и мировой судья в современной России: политический, психологический и юридический аспекты // Мировой судья. 2019. № 12. С. 8.
17. Цветков Ю.А. Великий уравнитель: суд присяжных в России // Уголовное судопроизводство. 2020. № 1. С. 45.

УДК 343.1

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК УЧАСТНИКА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

© 2021 г. Р.Г. Непранов, И.А. Кметь

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В настоящее время реализация полномочий следователя является важной составляющей нормального функционирования деятельности правоохранительной системы в целом. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы процессуального статуса следователя в связи с реформированием следственного аппарата, дано само понятие следователя, разъяснены его концептуальные права и обязанности. Приведено обоснование в расширении процессуальной самостоятельности следователя.

Ключевые слова: *следователь, процессуальная самостоятельность следователя, процессуальный статус следователя, руководитель следственного органа, прокурор, Следственный комитет Российской Федерации.*

Currently, the implementation of the powers of the investigator is an important component of the normal functioning of the law enforcement system as a whole. This article discusses the current issues of the procedural status of the investigator, in connection with the reform of the investigative apparatus, gives the very concept of the investigator, explains their conceptual rights and obligations. The rationale for expanding the procedural independence of the investigator is given.

Keywords: *investigator, procedural independence of the investigator, procedural status of the investigator, head of the investigative body, prosecutor, Investigative Committee of the Russian Federation.*

Уголовно-процессуальный статус является одним из видов отраслевого статуса лица, определенного законом. Отраслевой уголовно-процессуальный статус личности В.М. Корнуковым определялся как «закрепленное в нормах уголовно-процессуального законодательства положение гражданина в уголовном судопроизводстве, в котором выражаются типичность процессуального положения всех участвующих в деле лиц, проявляющиеся в признаках гражданства, правоспособности, дееспособности, законных интересах, в правах и обязанностях, гарантиях осуществления прав, а также ответственности» [3, с. 71].

В соответствии с положениями статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1], следователь определен как лицо, наделенное в рамках компетенции, главным образом, осуществлять предварительное следствие, а также наделенное осуществлять и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ.

В новой интерпретации Уголовно-процессуальный кодекс 2001 года существенно скорректировал модель функционирования всего уголовного судопроизводства в России. Законодатель отнес к стороне обвинения и следователя, наряду с другими участниками процесса (п. 47 ст. 5 УПК РФ).

Такой подход законодателя при определении направленности процессуальной самостоятельности деятельности следователя дал начало полемике в теории процессуального права по определению функционального предназначения следователя как ключевого участника уголовного процесса и, как вытекающие из этого следствие, о проблеме в самостоятельности процессуального статуса уже новых российских следователей.

К тому же, в 2007 году путем создания Следственного комитета Российской Федерации и его последующим выделением из органов Прокуратуры Российской Федерации и, как было задумано данной реформой следствие, осуществлено его преобразование в самостоятельный отдельный следственный орган 15 января 2011 года. Эта новелла повлекла за собой перераспределение коренным образом предоставленных законом полномочий по отношению к следователю, а также между руководителем следственного органа и прокурором. Конечно же, данное положение предварительного расследования обосновало многоаспектные проблемы положения следователя. Изначальным образом, в законе была заложена неоднозначность – рассматривались положения, прежде всего, о его процессуальной самостоятельности и независимости, которые бы определяли характер и специфику следователя и его взаимодействия с иными властными субъектами уголовного судопроизводства [6, с. 33].

Научный анализ сущности и соотношения процессуальной самостоятельности следователя с ведомственным и прокурорским надзором является особо актуальным для такой стадии как предварительное следствие, имеющее свою значимость как в теории, так и в практической деятельности.

УПК РФ непосредственно закрепил положение, регламентирующее процессуальную самостоятельность следователя. В ч.3 ст. 38 законодательно закреплено, что именно следователь наделен особым правом самостоятельным образом принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий и осуществлять направление хода и тактики расследования. Исходя из данных положений, стоит отдельно выделить аспекты процессуальной самостоятельности следователя. Во-первых, следователь процессуально стал самостоятелен относительно ведомства, в котором он осуществляет свою деятельность. А во-вторых, он самостоятелен по отношению ко всем остальным участникам уголовного судопроизводства, в том числе прокурора.

В науке процессуальная самостоятельность главным образом определяется наличием законных и процессуальных возможностей самостоятельно осуществлять свои права и обязанности при расследовании уголовного дела и, как отмечается, «в предоставленной законом защите от вмешательств иных лиц извне, вмешательств внутри самого ведомства, и также подчиненность только лишь уголовно-процессуальному законодательству» [2, с. 42].

Сходными правами с прокурором наделен и руководитель следственного органа. Он может вернуть дело следователю с изложением письменных указаний по производству дополнительного расследования, когда речь идет о завершающем и самом ключевом этапе расследования преступлений.

Исследуемые изменения в процессуальной самостоятельности следователя отражаются даже в переименовании «начальника следственного органа» в новой редакции как «руководитель следственного органа». Определение начальника, по словарю Ушакова Д.Н., трактуется как «должностное лицо, руководящее, заведующее чем-либо», в то время как руководитель определен как «человек, руководящий, возглавляющий, являющийся чьим-либо наставником» [7, с. 93]. Соответственно, начальнику неуклонно подчиняются, а руководитель выступает в роли учителя, который на первых этапах становления следователя своими указаниями обучает новых, неопытных следователей, не лишая процессуальной самостоятельности.

Сохраняет свою актуальность вопрос о том, привели ли результаты законодательной реформы к повышению самостоятельности следователя, о которой ведутся многочисленные споры, имеющие под собой различные обоснования и позиции.

Если же исходить из основополагающего содержания реформы, ее конечный результат сводится к двум ключевым процессуальным положениям:

1) перераспределение полномочий прокурора к руководителю следственного органа в части процессуального контроля за следователем;

2) выделение из системы прокуратуры следственного аппарата с последующим созданием самостоятельного, независимого органа – Следственного комитета.

Законодателем были привнесены важные для теории и практики изменения, касающиеся процессуального статуса следователя, его самостоятельности, не зависящей от органов прокуратуры в УПК РФ в ходе реформы.

Представляется интересной позиция В. Ф. Крюкова, который справедливо отмечает, что в реализации назначения уголовного судопроизводства в досудебных стадиях правильное уяснение и уголовно-процессуальное в рамках уголовного закона выстраивание процессуальных отношений надзора и следствия имеет большое значение [5, с. 84].

Процессуальная самостоятельность следователей Следственного комитета должна обосновываться в принятии решений в ходе и в результатах уголовного процесса на внутреннем и собственном убеждении, именно с личной и полной процессуальной ответственностью, что обосновывается этим условием, необходимым для осуществления полномочий по расследованию уголовных дел. Решения по уголовному делу должны быть, как справедливо подразумевается, на изначальном этапе приняты самостоятельно именно следователем, даже тогда, когда требуется согласие «наставника» – руководителя следственного органа, или решением суда для придания юридической силы этим решениям.

Потому закрепленная в законе процессуальная самостоятельность является ничем иным как необходимой гарантией следователя на предварительном следствии для достижения стоящих перед ним процессуальных задач, а в своем конечном счете – непосредственно для назначения и достижения предопределенных общих целей и начал в уголовном судопроизводстве.

Процессуальная самостоятельность основана, прежде всего, в возможности принятия решения по всем вопросам, возникающих у следователя при производстве находящегося у него уголовного дела, на основании внутреннего убеждения, которое будет складываться у него в результатах оценивания в совокупности всего объема доказательств, при котором должно быть исключено вмешательство заинтересованных должностных лиц. На этом обосновании прокурор не наделен и не должен быть наделен властными полномочиями, которые бы повлияли на такое решение.

Представляется правильным подразумевать и то, что уголовно-процессуальная деятельность сочетает в себе много функций, и составляющие ее властные субъекты в функциональном смысле соподчинены между собой по иерархии. Основная функция участника отражает направление в деятельности сущность и главное предназначение, дополнительные функции лишь способствуют осуществлению основной функции, и подчиняются ей [4, с. 74].

Для этой важной и основной функции функционируют самостоятельные субъекты процесса: следователь и руководитель следственного органа. Для прокуратуры в лице прокурора уголовное преследование – важная, но уже дополнительная и никак не основная функция.

Отметим, что сегодня ведутся разговоры о готовящейся новой реформе правоохранительных и следственных органов, быть ей или нет – это вопрос, который муссируется в СМИ уже давно. На сегодняшний день можно сказать, что надзор за предварительным следствием соответствует его модели, представленной в классическом виде. В процессуальной деятельности прокурор и следователь совместным образом осуществляют реализацию положения УПК РФ в ст. 6, которая устанавливает назначение уголовного судопроизводства, а не противопоставляются и конкурируют между собой.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Антонов И.А. Независимость и самостоятельность - основа процессуального статуса следователя // Актуальные вопросы развития государственности и публичного права. Материалы VI международной научно-практической конференции, в 2-х т. Санкт-Петербург, 2020. С. 42-47.
3. Коркунов В.М. Проблемы процессуального статуса следователя и направления их устранения // Студенческий вестник. 2020. № 38-1 (136). С. 71-73.
4. Костенко Д.С. Следователь следователю-криминалисту не товарищ? // Научный компонент. 2020. № 2 (6). С. 74-84.
5. Крюков В.Ф. Проблемы реализации процессуальной самостоятельности следователя // Юриспруденция и право в современном обществе. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2020. С. 84-87.
6. Леонов А.И., Ситников К.А. Эволюция уголовно-процессуального статуса следователя в российском государстве // Общество и право. 2021. № 1 (75). С. 33-39.
7. Ушаков Д.Н. Следователь-криминалист: особенности определения процессуального статуса // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 93-97.

УДК 343.98

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ПОЛНОТЫ И ОБЪЕКТИВНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2021 г. Е.С. Тесленко[1], О.М. Гайбарян[2]

[1]Троицкий филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
457100, Челябинская область
г. Троицк, ул. С. Разина 9

Troitsk Branch
of Chelyabinsk State University
9, S. Razina str., Troitsk, 457100

[2]Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University
of Economics
69, B. Sadovaya str.,
Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматривается вопрос оценки заключения эксперта по судебно-почерковедческой экспертизе с точки зрения ее полноты, достаточности в доказательственном плане и объективности. В рамках статьи описаны наиболее распространённые ошибки, которые встречаются в заключениях судебных экспертов по уголовным делам при производстве судебно-почерковедческих экспертиз.

***Ключевые слова**: судебная экспертиза, криминалистическая техника, заключение эксперта, судебно-почерковедческая экспертиза, ошибка эксперта, оценка экспертизы.*

The article considers the issue of assessing the expert's opinion on forensic handwriting in terms of its completeness, sufficiency in evidence and objectivity. Describes the most common errors which are found in the conclusions of forensic experts in criminal cases in the production of forensic handwriting examinations.

***Key words:** forensic examination, forensic equipment, expert opinion, forensic handwriting examination, expert error, expert assessment.*

Введение

В своем развитии судебная экспертиза прошла все этапы становления: от редких случаев производства экспертиз, по запросу правоохранительных органов, к систематическому проведению экспертиз и созданию теоретических основ судебной экспертизы. Эти теоретические основы формируются на базе анализа большого объема эмпирического материала, позволяющие впоследствии определить объекты исследований, экспертные задачи, методы и приемы исследований. В ходе своего эволюционного развития появлялись роды экспертиз, каждый род наполнялся различными научными разработками.

После чего происходило становление частных теорий отдельных родов судебных экспертиз. Одними из наиболее развитых экспертиз в этом плане являются судебно-медицинская и криминалистическая экспертизы, которые имеют более чем вековую историю своего эволюционирования.

Экспертиза – это процессуальное действие, заключающееся в исследовании экспертом (обладателем специальных знаний) по поручению уполномоченного законом лица (следователя, суда и т.д.) вещественных доказательств, иных материальных объектов и материалов с целью установления фактических данных и обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного или гражданского дела [9].

Анализ определения судебной экспертизы позволяет нам выделить некоторые ее отличительные признаки, а именно:

1) экспертизу проводит лицо, обладающее специальными знаниями в определенной области или областях знаний;

2) применение при производстве экспертизы определенной методики исследования объекта (объектов);

3) производство экспертного исследования носит независимый, самостоятельный характер;

4) производство экспертного исследования имеет особую процессуальную форму.

Почерковедческая экспертиза является одной из наиболее трудоемких криминалистических экспертиз, проводимым в экспертных подразделениях Министерства внутренних дел, Министерства юстиции и Федеральной службы безопасности. От общего числа проводимых судебных экспертиз на долю почерковедческой экспертизы приходится 15%, и это соотношение имеет тенденцию к увеличению с каждым годом [6].

Производство судебно-почерковедческой экспертизы по уголовным делам по категориям расследуемых преступлений распределяется следующим образом:

1) при расследовании экономических преступлений - 35%;

2) при расследовании преступлений против собственности (кражи, грабежи, разбои и т.д.) - 40%;

3) при расследовании преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления - 15%;

4) при расследовании иных преступлений - 10% [7].

Практика доказывает нам возрастающую актуальность экспертизы при расследовании уголовных дел. И тем более ощущается проблема не только назначения и производства судебных экспертиз, но и оценки заключения эксперта с точки зрения процессуальных требований объективности, полноты и достоверности.

Актуальность этого вопроса вызвана еще и тем, что молодые специалисты, окончившие высшие учебные заведения юридического профиля, имеют лишь общее представление о назначении судебно-почерковедческой экспертизы в рамках уголовного процесса и ее криминалистическом и процессуальном значении.

Уже осуществляя свою деятельность на практике, после некоторого числа процессуальных ошибок, тактических просчетов и длительных поисков они начинают осознавать важность экспертного заключения и приобретают навыки технического решения экспертных проблем. Малодоступность необходимой специализированной литературы и справочного материала, отвечающего условию современности, усугубляет положение и усложняет процесс назначения судебных-почерковедческих экспертиз и, соответственно, делают расследование малообеспеченным, то есть без существенной доказательственной базы. Это, с одной стороны, недостаточно полно отражает результат деятельности, направленной на расследование преступлений, а с другой – возрастает необходимость правильной оценки экспертного заключения на предмет его использования в качестве доказательства.

Необходимо отметить, что судебно-почерковедческая экспертиза в уголовном судопроизводстве играет значительную роль из всего многообразия криминалистических экспертиз.

Описание исследования

Заключение эксперта по результатам проведенной экспертизы является доказательством, которое подлежит оценке. Сама оценка заключения эксперта проводится правоприменителем (следователем, дознавателем, судом) на основе своего внутреннего убеждения, в совокупности с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. Заключение эксперта, как и любое доказательство, должно соответствовать критериям допустимости, относимости и достоверности. Наибольшие сложности при оценке заключения эксперта вызывает оценка достоверности выводов эксперта, т.е. его научной обоснованности. Правоприменителю, не обладающему специальными познаниями и опытом в узких областях знаний (науки), чрезвычайно трудно разобраться в сложных и специфичных приемах и методах, применяемых экспертами при производстве исследований, и соответственно, сложно определить их надежность. А это, на наш взгляд, является необходимым условием правильной оценки экспертного заключения. Само экспертное исследование проводится по специальной разработанной методике, апробированной на практике и утвержденной в установленном порядке. Надежность таких методических рекомендаций по производству экспертиз достаточно высока, многие из них стандартизированы и уже не раз доказали свою эффективность.

Со стороны может показаться, что свойствами надежности, объективности и универсальности обладают все экспертные методики, если они имеют научное обоснование. Однако в экспертной практике тоже встречаются различные методологические подходы, которые могут давать и совершенно противоположные результаты.

В рамках исследования было изучено 184 заключения судебных экспертов в области судебно-почерковедческой экспертизы, которые проводились в ЭКЦ ГУ МВД по Челябинской области, ЭКЦ ГУ МВД по Краснодарскому краю и ЭКЦ ГУ МВД по Ростовской области. Следует отметить высокий уровень производства экспертиз данной категории в системе экспертных подразделений органов внутренних дел. Однако наряду с положительной оценкой деятельности судебных экспертов наблюдаются и недостатки, а в некоторых случаях и существенные ошибки.

На наиболее распространенных ошибках в экспертных заключениях хотелось бы остановиться подробнее:

1. В ходе назначения судебно-почерковедческой экспертизы нарушается порядок назначения экспертизы, установленный п. 2 ст. 199 УПК РФ: «Руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения и уведомляет об этом следователя. При этом руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 настоящего Кодекса» [1]. В двух исследованиях эксперту не были разъяснены его права и

обязанности, предусмотренные ст. 57 УПК РФ, что является грубым нарушением уголовно-процессуального законодательства. Это видно из отсутствия подписи в соответствующей строке и даже указания на это в заключении эксперта.

2. В заключении эксперта нарушаются требования п. 30 Приказа МВД России от 29.06.2005 N 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [2], в вводной части отсутствует указание на то, единолично или в присутствии кого-либо эксперт проводил исследование, таким образом в заключении эксперта отсутствуют данные о лицах, присутствовавших при производстве экспертизы. Такое положение так же предусматривает п. 8 ч. 1 ст. 204 УПК РФ.

3. На листе 2 под надписью «НА ЭКСПЕРТИЗУ ПРЕДСТАВЛЕНО:» выявлены нарушения требования методики проведения почерковедческой экспертизы, а именно – эксперт после перечисления вещественных доказательств обязан перечислить и описать материалы, представленные для сравнительного исследования, в следующем порядке: сначала описываются свободные образцы, а затем условно-свободные и наконец экспериментальные образцы [3, 4], а в заключении эксперта иногда не соблюдается порядок описания образцов. Такое положение установлено в 69 заключениях эксперта.

4. В 42 заключениях эксперты не указали количество образцов почерка и не индивидуализировали сами образцы путем их подробного описания (цвет, размерные характеристики исследуемого объекта, наличие или отсутствие механических повреждений на поверхности документа, выполнение документов на специализированных бланках и т.д.), что не обеспечивает объективности и возможности определить конкретный объект как тождественный самому себе.

5. В 17 заключениях эксперты не указали общее количество экспериментальных образцов подписи и не указали, на какой бумаге (линованной или нелинованной) они были выполнены и в каких условиях (отобраны сидя, отобраны стоя и т.д.), чем нарушили требования методики проведения почерковедческих экспертиз [3, 4].

6. Отдельно следует обратить внимание на уверенное указание экспертами формата листов бумаги, так, эксперт указывает, что образцы почерка и подписи выполнены на листах бумаги формата А4, однако не указывает, каким эталоном, стандартом или образцом он пользовался. Это не находит отражение ни в самом экспертном исследовании, ни в списке использованной литературы. Напомним, что при указании на формат бумаги следует руководствоваться ГОСТ 5773-90 «Издания книжные и журнальные. Форматы» или ISO 216 от 1975 года, определяющие серии и форматы бумаги А и В, причем предварительно проведя инструментальные измерения (указание размеров листов является обязательным). К сожалению, такой недостаток наиболее распространен и выявлен в 161 заключении эксперта.

7. В 49 приложениях к заключению эксперта и в тексте самого заключения отсутствуют иллюстрации (фотоизображения) внешнего вида объектов, поступивших на экспертизу, и состояния их упаковки, что также затрудняет определить (индивидуализировать) эти объекты и оценить целостность упаковки указанных объектов. Описание объектов, представленных на экспертизу, в этом случае является неполным, что нарушает принцип достоверности и достаточности для сравнения материалов и объектов с указанными в иных процессуальных документах уголовного дела.

При оформлении иллюстрационной таблицы эксперты не указывают масштаб изображений, в котором выполнены иллюстрации, что нарушает требования составления фототаблиц (иллюстрационных таблиц) для проведения почерковедческих экспертиз [4].

Также в иллюстрационной таблице эксперты не указывают, из какого документа или конкретного листа представленных на исследование объектов взяты экспериментальные образцы для ее составления.

8. К сожалению, в 103 случаях при проведении судебно-почерковедческой экспертизы эксперты нарушают требования п. 3 ч. 4 ст. 57 УПК РФ, где говорится о том, что эксперт не в праве проводить без разрешения дознавателя, следователя, суда исследования, могущие повлечь полное или частичное уничтожение объектов либо изменение их внешнего вида или основных свойств. Однако эксперты уверенно указывают в тексте экспертизы, что после исследования на представленные документы и образцы нанесены оттиски штампа «ЭКЦ ГУ МВД России по …..». Таким образом, со стороны экспертов проводится ряд существенных изменений внешнего вида представленных на исследование объектов без указания в самом заключении на разрешение со стороны следователя об осуществлении подобных действий.

9. При описании объектов, поступивших на экспертное исследование, эксперты недостаточно полно указывают все признаки, индивидуализирующие упаковку представленных материалов и объектов. Например, в заключении эксперт пишет о надписи, выполненной красящим веществом черного цвета, расположенной на конверте белого цвета, но не указывает на то, что эта надпись содержит и на какой стороне (со стороны клапана или на лицевой стороне), на каком расстоянии от краев конверта она расположена, чем нарушает требования п. 30 Приказа МВД России от 29.06.2005 №511

«Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [2].

10. При оформлении заключения эксперта практически повсеместно (143 заключения) распространена ошибка, которая приводит к нарушению требования п.п. е п. 4 ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий» [5], где указанно, что: «Каждая страница любого документа, входящего в заключение эксперта, должна включать в себя сведения, позволяющие установить лицо, которое несет ответственность за содержание этого документа и, при необходимости, описание экспертного случая или исследуемого вещественного доказательства. Из записей исследовательской части экспертизы должно быть ясно, кем и когда был проведен каждый этап анализа/исследования (например, соответствующая(ие) дата(ы)». Так, экспертами-почерковедами не указываются сведения, когда, в какое время и какая часть исследования была проведена непосредственно самим экспертом, также на листах в некоторых заключениях эксперта отсутствует расшифровка подписи и дата проведения исследования.

Отдельно следует обратить внимание на отсутствие в заключении эксперта указания на то, что листы, например с 2 по 7, относятся именно к заключению эксперта с конкретным №... Таким образом, требуется ответить на вопрос: действительно ли листы №2, №3, №4, №5, №6 и №7 относятся к заключению эксперта №… или нет?

В том числе согласно требованию п.п. ж п. 4 ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий» [5] листы записей об исследованиях, выполняемых лабораторией, должны быть пронумерованы с использованием системы нумерации, предусматривающей указание общего числа страниц.

11. В заключении экспертов-почерковедов очень часто нарушаются требования приказа № 511 от 29.06.2005 №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [2], а именно пункта 27 «Приступив к проведению экспертизы, эксперт применяет рекомендованные экспертные методики и имеющиеся в распоряжении ЭКП технические средства для полного, объективного и научно обоснованного решения поставленных перед ним вопросов». Так, в 59 заключениях эксперты в список методик включили учебники и учебные пособия, не утвержденные и не рекомендованные ЭКЦ МВД России. Такую литературу и справочный материал следует указывать в разделе использованного инструментария.

12. При описании цвета красителя, которым выполнены надписи, эксперты не указывают на использовавшиеся в процессе производства экспертизы эталоны цветов и не делают ссылки на Криминалистический атлас цветов, цветовые таблицы CMYK или HUES, что, по нашему мнению, является хоть и незначительной, но все же ошибкой и затрудняет удостоверение в правильности выбранного описания цвета красителя. Так же нет указания на ГОСТ 24226-80 «Пасты чернильные. Технические условия».

13. При исследовании для установления возможности технического воспроизведения подписей эксперты (в 39 заключениях) не всегда описывают условия, в которых проводилась проверка (коэффициент освещения, длина волны излучения и угол расположения исследуемого объекта) и какие именно исследования они проводили при помощи видеокомпаратора VSC-400 или других технических средств, а при использовании микроскопа эксперты не указывают на увеличение, в котором осуществлялось визуальное изучение объектов. Данное обстоятельство снижает объективность проведенного исследования.

14. Спорной и требующей уточнения является фраза, встречающаяся в некоторых заключениях эксперта, которая звучит: «..признаков использования технических средств подделки и методов при их выполнении не обнаружено». Причем, чего именно и каких средств и для чего, не видно из самого заключения эксперта ни в выводах, ни в исследовательской части.

Кроме того, эксперты иногда сами грубо нарушают порядок оценки результатов исследования и формирования выводов, предусмотренные методикой проведения судебно-почерковедческой экспертизы, давая категорически положительный вывод только по 8-10 частным совпадающим признаком. Однако согласно методике проведения судебно-почерковедческого исследования, категорически положительный вывод эксперт вправе дать при отсутствии существенных (необъяснимых) различий и при наличии свыше 10 совпадающих частных признаков, а при наличии 8-9 частных совпадающих признаков эксперт вправе дать только вероятный вывод [3]. Таким образом, 36 заключений эксперта не должны содержать положительных выводов в категорической форме.

15. При описании общих признаков подписи 19 экспертиз содержат сокращение описания исследовательской части. В частности, не указывается координация движений в подписи, не указывается ее общая форма, темп выполнения подписи и некоторые другие признаки, чем нарушаются требования методики проведения почерковедческой экспертизы, а именно детального исследования подписи [3].

16. В 31 заключении эксперта обнаруживаются нарушения требования п. 34 Приказа МВД России от 29.06.2005 №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [2], где указано, что «В исследовательской части заключения приводятся краткая характеристика использованных устройств, материалов, режимов съемки и печати, а для средств цифровой фотографии - вид, модель, производитель использованного аппарата; вид, наименование, версия программного обеспечения, режим получения и печати изображений». Такие сведения эксперты в своих заключениях не отражают, а только перечисляют используемые в процессе производства экспертизы технические средства без информации, требующейся согласно приказу.

Также при перечислении технических и программных продуктов, использовавшихся в ходе проведения исследования и оформления заключения эксперта, содержатся недостаточно полные сведения об измерительной линейки. Зачастую, а это 179 случаев, экспертом указан только ГОСТ 427-75 «Линейки измерительные металлические. Технические условия» без конкретизации использовавшегося предмета для проведения измерений, причем не указаны, соблюдались ли в экспертном подразделении правила хранения средств измерения, а именно – выполнены ли требования ГОСТ 13762 «Средства измерений и контроля линейных и угловых размеров. Маркировка, упаковка, транспортирование и хранение». Не указаны цена деления, предел измерения, в конце концов, вид и шкала измерительной линейки, что также ставит вопрос об объективизации экспертного заключения и его достаточности для ответа на поставленные следователем вопросы в категорической форме.

17. При использовании планшетного сканера экспертами в 67 случаях не указывается программное обеспечение для обработки изображений (сам сканер не является средством работы с изображениями, он лишь служит для преобразования изображений в цифровой формат), не указан формат, в который плоское изображение с исследуемых объектов перенесено в иллюстративную таблицу, не указываются производитель сканера и качество сканированного изображения.

18. Отдельное внимание следует обратить на допускаемое нарушение п. 46 и п. 47 Приказа МВД России от 29.06.2005 №511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [3], которое выражается в непредоставлении сопроводительного письма вместе с заключением эксперта следователю и невозможности последующего ознакомления с сопроводительным письмом стороны защиты. К сожалению, выявлено таких 40 случаев.

19. В 23 заключениях эксперта-почерковеда не находит отражение данных на проведенную после исследования упаковку всех подлежащих возвращению объектов и указания на обеспечение сохранности этих объектов, что является нарушением п. 45 Приказа МВД России от 29.06.2005 N 511 (ред. от 15.10.2012) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [3].

Заключение

Указанные в исследовании процессуальные недочеты и в некоторых случаях грубые нарушения требований методики проведения судебно-почерковедческой экспертизы должны быть тщательным образом проанализированы и учтены с целью недопущения их в дальнейшем. От объективности и полноты экспертного заключения зависят доказательственное значение по уголовному делу и степень доверия общества к правоохранительной системе государства.

Следует стремиться к повышению качества производства судебно-почерковедческих экспертиз при расследовании уголовных дел. Хорошим примером может послужить практика рецензирования судебных экспертиз в ЭКП УТ МВД России по Северо-Западному федеральному округу [8].

Не зря ведущие ученые в области судебных экспертиз отмечают, что использование судебно-почерковедческой экспертизы в уголовном судопроизводстве повышает эффективность работы всей правоохранительной системы в Российской Федерации. Дальнейшее развитие теоретических основ и методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в совокупности с качественным проведением следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий непосредственно влияет на достижение целей уголовного судопроизводства [7].

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021).

2. Приказ МВД России от 29.06.2005 №511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»,

«Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (Зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 №6931).

3. Винберг, Л.А. Шванкова, М.В. Почерковедческая экспертиза. МВД СССР, Высшая следственная школа. Волгоград 1977 г.

4. Методика идентификационного исследования подписей и методика идентификационного исследования рукописных записей / Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств: Ч.I / под ред. Ю.М. Дильдина. М.: ЭКЦ МВД России, 2010.

5. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий». ГОСТ Р 52960-2008, Дата введения 2009-05-01 // Библиотека ГОСТов. URL: http://vsegost.com/Catalog/47/47597.shtml (дата обращения 10.05.2021).

6. Шаова Т.Г., Шевчук И.В. о современном состоянии судебного почерковедения и почерковедческой экспертизы // Научный вестник ВФ РАНХиГС. 2016. № 1.

7. Бобовкин М.В., Проткин А.А. Использование судебно-почерковедческой экспертизы в раскрытии и расследовании преступлений. // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1.

8. Чумакова Е.С. Анализ ошибок в заключениях экспертов при производстве почерковедческих экспертиз / Сборник «Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований». Материалы региональной научно-практической конференции. Составители А.А. Сарсенова, Э.Х. Мамедов. Санкт-Петербург. 2020.

9. Экспертиза в гражданском и уголовном процессах: учебное пособие / А.А. Великий, И.В. Черетских, Е.С. Тесленко. Челябинск: Цицеро, 2017. 76 с.

СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 342.56

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ЦИФРОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ «УМНОГО СУДА»

© 2021 г. А.П. Фоков

Российский государственный университет правосудия
117418, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 69а

Russian State University of Justice,
69a, Novocheremushkinskaya,
Moscow, 117418

В статье раскрываются особенности политической инициативы государства КНР по законодательному обеспечению электронного правосудия в судебной деятельности и внедрении правовых механизмов использования искусственного интеллекта с целью организации в будущем «умного суда» в условиях цифровой реальности и сохранении уважения к автономии судебной власти.

Ключевые слова: *концепция, электронное правосудие, цифровая реальность, законодательство, правовые механизмы деятельности «умного суда, судебная деятельность, автономия судебной власти*

The article reveals the features of the political initiative of the PRC state on the legislative support of electronic justice in judicial activity and the introduction of legal mechanisms for the use of artificial intelligence with the aim of organizing a "smart court" in the future in the context of digital reality and maintaining respect for the autonomy of the judiciary.

Keywords: *concept, e-justice, digital reality, legislation, legal mechanisms of the "smart court" activity, judicial activity, judicial autonomy*

Актуальность проблемы заключается в том, что в современном мире учеными и практическими работниками исследуются различные концепции зарубежных стран в сфере осуществления электронного правосудия в деятельности судов различной юрисдикции.

При этом на дискуссионном уровне поднимаются вопросы применения электронных средств коммуникаций и цифровых технологий в процессе судопроизводства по уголовным и гражданским делам и в делопроизводстве, анализируется и дается оценка зарубежному законодательству, правовым механизмам, регулирующих информационно-технологическое сопровождение судебных процессов по различным категориям рассматриваемых судом дел.

В этой связи в сравнительном аспекте интересен опыт Китайской Народной Республики, который на политическом уровне принял решение об ускорении внедрения искусственного интеллекта в судебную деятельность и организации в будущем «умного суда».

Тем самым политическое руководство КНР полагает разрешить многочисленные проблемы, связанные с деятельностью судов: сократить нагрузку на судей и аппарат судов, минимизировать сроки рассмотрения дел, и, наконец, сократить число вынесения неправосудных и недоброкачественных решений судами.

Таким образом, возникает достаточно интересная научная дискуссия о путях и перспективах совершенствования законодательства, регулирующего сферу осуществления электронного правосудия в России, с учетом опыта зарубежных стран, а в их числе – Китая.

Так, в российской доктрине выработаны концептуальные подходы электронного правосудия «гражданин – суд – гражданин», который, по идее разработчиков, должен максимально обеспечить доступ граждан к правосудию с учетом использования современных электронных средств коммуникации и цифровых технологий и, наконец, с помощью эффективного использования искусственного интеллекта добиться вынесения судами «справедливых» решений и приговоров.

В экспертной среде все чаще возникают дискуссии о том, а возможно ли с помощью искусственного интеллекта (далее – ИИ) организовать процесс отправления правосудия в автоматическом режиме и тем самым возложить на ИИ возможность системно анализировать фактические обстоятельства дела, оценивать документы и доказательства по делу, давать им правовую оценку и выносить соответствующее решения (приговора) и тем самым облегчить «труд» судьи по отправлению правосудия.

Отметим, что в некоторых зарубежных странах: Франции, Великобритании и США – подобные программы с использованием ИИ служат вспомогательным инструментом для анализа документов под контролем аппарата суда и не заменяет судью.

Тем самым, интересен опыт Китайской Народной Республики, где добились определенных успехов в организации «электронного правосудия», создали и внедрили правовой механизм организации судебных процессов онлайн, законодательно закрепили процессуальные права и обязанности участников судопроизводства в уголовном и гражданском процессе, обеспечили сбор, анализ и оценку документов и доказательств, а также внедрили ИИ в составлении «пилотного» проекта решений и приговоров.

Интерес российских ученых в определении генезиса подходов к представлению об электронном правосудии в Китае, осмыслении масштабных и стремительных процессов внедрения информационных технологий в деятельность судов и их цифровизации, бесспорен, т.к. аналогичные процессы проходят и в родном Отечестве, но в более скромных масштабах [1].

Выдвинутая российским ученым Бурдиной Е.В. концепция «Суд как единая платформа» [2], где на примере Республики Казахстан и Китая, Сингапура показала, как работает электронный сервис «Судебный кабинет», где граждане при обращении в суд получают электронную цифровую подпись, а сотрудники могут оказать помощь при подаче заявлений, жалоб и иных судебных документов в электронном виде, может быть востребовано и в России.

Организация электронного правосудия в Китае, на самом деле, началась бурно и стремительно в 2017 году, когда в стране были созданы несколько интернет-судов, в том числе и в Гуанчжоу, на деятельность которого достаточно часто ссылаются российские ученые при исследовании феномена электронного правосудия в Китае.

В целях минимизации сроков возбуждения искового производства для граждан в интернет-суде Гаунчжоу, а также в девяти судах Китая, в частности в Пекине, Шанхае и Гуандуне, установили справочные Интернет-боты, которые представляют всем обратившимся в суд техническо-информационную помощь в возбуждении искового производства и дальнейшем прохождении дела в суде первой инстанции.

Положение об интернет-суде в Гаунчжоу определяет статут - суда общей юрисдикции по рассмотрению административных и гражданских дел, вытекающих из договоров онлайн покупок через сети электронной торговли, по контрактам, осуществляемым в Интернете, по договорам займа и мелких кредитах, заключаемым в сети Интернет, о защите интеллектуальной собственности авторов произведений, впервые опубликованных в Интернете, споров о нарушении в Интернете личных и имущественных прав третьих лиц.

Тенденция политического руководства Китая сделать прозрачными процедуры электронного правосудия нашла отражение и в рассмотрении интернет-судами споров об ответственности за недоброкачественность продуктов, приобретенных в сети Интернет.

Особую нишу в деятельности интернет-судов Китая занимают споры о защите общественных интересов, инициированные органами прокуратуры, а также административные споры, возникающие в связи с действиями административных органов в отношении управления информационными

услугами в сети Интернет, торговли товарами через Интернет и управлении соответствующими услугами.

Правоведы О.В.Журкина и Е.И.Максименко [3] в небольшой по объему статье достаточно содержательно представили процесс «электронного правосудия» в интернет-суде Гуанчжоу.

Процедура состоит из подготовительной стадии процесса, когда происходит регистрация учетной записи доступа участников процесса к системе электронного правосудия (аутентификация личности с использованием биометрии распознавания лица), а затем проходит оформление подачи заявление через веб-сайт интернет-суда по предлагаемой онлайн-форме, либо путем сканирования документов и их прикрепление к имеющемуся иску. Доказательства по делу представляются в формате «Word, Excel, PDF, TXT, аудио-видео карты, в сжатых файлах и ином в электронном виде.

В досудебной стадии сторонам предлагается разрешить спор путем заключения медиативного соглашения с участием посредников, зарегистрированных на платформе интернет-суда. При недостижении мирового соглашения спор передается на рассмотрение судье, который с участием сторон в онлайн режиме с соблюдением процессуальных норм законодательства принимает решение, которое оглашается и размещается на платформе суда в открытом доступе.

Статистика упрямая, но удивительная вещь, но если следовать официальным данным на первое полугодие 2019 года, то например, в интернет-суде Пекина в нерабочие дни граждане подают в электронном виде 14% от общего числа исков, 24% – в остальное время. В первый год работы в Пекинском интернет-суде было зарегистрировано 34.263 дела, а рассмотрено 25.333, из которых 77% связаны с защитой авторских и смежных прав, 79.2% – сторонами являлись граждане, а 19.7% – юридические лица. В 22.3% случаев обе стороны находились в Пекине, а в 77.7% случаев за пределами нахождения Интернет – суда [4].

В настоящее время, в судах Китая, в основном, документооборот находится в цифровом формате, так, например, в судах Сингапура его массив занимает 84% от всего объема документации.

Все граждане Китая, а также более 400 юридических фирм имеют доступ к единой информационной системе интернет-суда Сингапура [5].

Электронные платформы документооборота в интернет-суде Сингапура помимо непосредственной подачи документов используют SMS-оповещение сторон, по почте в электронном виде происходит обмен доказательствами, транскрибирование судебных слушаний проходит в реальном времени вплоть до вынесения решения или приговора суда [6].

В СМИ отмечают [7], что экономическое развитие Китая привлекательно для России, а внедрение передовых информационных технологий в судебную деятельность, в том числе ИИ с 2014 года и по настоящее время с возможным созданием в будущем «умного суда» требуют поощрения и обсуждения технологий на российских дискуссионных научных площадках. Автор статьи, анализируя отчет Верховного народного суда Китая, справедливо отмечает, что создание «умного суда» с использованием современных информационных технологий и внедрение ИИ в судебную деятельность значительно упростит судебные процедуры, снизит нагрузку на судей, облегчит судьям анализ большого объема информации и позволит выработать приемлемый «пилотный проект суда».

В марте 2019 года в Китае запущена система рассмотрения интернет-споров через популярный мессенджер WeChat, который распознает лицо участника процесса для установления личности и позволяет использовать электронную подпись при подаче заявлений и доказательств.

В конце 2019 года Верховный народный суд КНР опубликовал белую книгу – «Интернет-правосудие в китайских судах», где обобщен опыт электронного правосудия, а в декабре 2020 года прошел конкурс, на котором 16 правоведов соревновались с ИИ в анализе юридических контрактов – одной из самых сложных и утомительных разновидностей дел в судебной практике.

Все участники мероприятия пришли к выводу о том, что одновременно с модернизацией электронного правосудия необходимо постоянно повышать уровень квалификации судей и аппарата судов, технического персонала, обеспечивающего применение информационных технологий в судебной деятельности.

Как отмечает СМИ, в марте 2021 года Китае на политическом уровне принята «дорожная карта» по модернизации правовой системы КНР к 2025 году, включающая интеграцию ИИ в судопроизводство в рамках системы «умного суда» для повышения доверия к судам и упрощения контроля над судьями.

Пандемия (COVID-19) обострила и без того сложную ситуацию сложившуюся в судебной деятельности страны, и на этом фоне Верховный народный суд КНР рекомендовал судам предлагать всем участникам судебных споров вершить «правосудие на кончиках пальцев» – проводить все заседания в основном через интернет.

Таким образом, в стране онлайн стало рассматриваться более 200 тыс. дел ежемесячно.

Схематично, суды в Китае подключены к информационной платформе больших данных, где системно накапливается информация о судебных решениях. Платформа больших данных – это своеоб-

разный накопитель документов государственных органов, которая дает возможность судье получать сведения автоматически: о движимом и недвижимом имуществе, о банковских счетах и доходах, иные сведения в отношении физических и юридических лиц.

Все данные постоянно обновляются, и указанное благотворно влияет на возможность анализа решений (приговоров), а в достаточной степени и доказательств по различным категориям дел, рассмотренных в судах Китая.

Стороны в процессе могут отказаться от рассмотрения дела в интернет-суде, подав соответствующее заявление, но тем самым граждане теряют гарантии судебной защиты по рассмотрению дела «в разумный срок» и доброкачественно. Тем и интересен интернет-суд «умный суд», что программные модули оказывают содействие судье в выработке текста протокола судебного заседания, выявляют и исправляют ошибки в тексте судебного решения, формируют электронный архив по делу.

Таким образом, судопроизводство в электронном виде становится достаточно эффективным инструментом в судебной системе Китая.

Программные модули с помощью ИИ дают возможность вышестоящему суду провести предварительную проверку судебных дел, сравнивая доказательства из проверяемого дела из массива ранее рассмотренных дел.

В России самая обсуждаемая тема – возможно ли заменить судью вообще ИИ, который мог бы анализировать и оценивать доказательства и документы, представленные и полученные в суде, а по итогам исследования самостоятельно принять решение или вынести приговор [8].

Действительно, в условиях огромной территории для России может быть интересен опыт организации электронного правосудия в деятельности специальных интернет-судов, созданных в Пекине, Гуанджоу, Ханчжоу, но окончательный вердикт по любому делу должен выносить «Судья» от имени государства, а ИИ всего лишь вспомогательный инструмент.

В феврале 2020 года Председатель Совета судей России В. Момотов на пленарном заседании конференции участников Глобальной сети обеспечения честности и неподкупности судебных органов (Global Judicial Integrity Network) в столице Катара Дохе представил доклад на тему «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» [9].

В. Момотов в докладе четко обозначил приоритеты судейского сообщества о том, что «…понимание таких общих категорий формируется у человека в процессе социализации, воспитания, становления личности – все это невозможно воспроизвести в программном алгоритме... Нередки случаи, когда при отсутствии конкретного правового регулирования суды применяют аналогию закона и аналогию права, под которой понимается разрешение спора исходя из общих начал и смысла законодательства. Смысл законодательства, то есть его дух, может быть выявлен только человеком с высоким уровнем правовой культуры, а никак не компьютером».

Далее В. Момотов сделал сообщение о том, что на государственном уровне в России разрабатывается суперсервис «Правосудие онлайн» для портала «Госуслуги», а с 2022 года можно будет участвовать в заседаниях по гражданским и административным делам через компьютер или смартфон с получением от суда документов, подписанных цифровой подписью. Проверка личности участников будет происходить с помощью распознавания лица и голоса (биометрической идентификации). Сервис не будет распространяться на уголовные дела. С 2024 года суперсервис начнет выполнять более сложные функции, к примеру, автоматическое составление проектов судебных актов.

Для бесспорных судебных дел, например о взыскании долга по нотариально удостоверенному договору, ИИ вполне сможет подготовить проект судебного решения. Однако без судьи не обойтись, если в деле нужно разбираться с противоречиями в нормах или доказательствах. А как оцифровать справедливость или учет смягчающих или отягчающих вину обстоятельств? Ведь решения судов в прошлом не могут учитывать современных реалий или содержать ошибки. Более того, ошибки и дискриминация, периодически возникающие из-за человеческого фактора, положенные в основу работы ИИ, возводятся в ранг системы. Это опаснее, чем единичные случаи субъективизма при принятии решений человеком.

ИИ базируется на тех данных, которые ему представляют, он не более объективен, чем люди, которые создавали или отбирали эти данные. К сожалению, предвзятость ИИ (bias AI) стараются нередко замалчивать. Так, попытка придать огласке этот факт стоила работы Тимнит Гербу, техническому руководителю по вопросам этики искусственного интеллекта Google. Судебные решения и приговоры могут критически повлиять на судьбу каждого человека, поэтому для тестирования судебного ИИ нужно привлекать широкую общественность, СМИ и профессиональное юридическое сообщество [10].

В то же время современное состояние и перспективы развития электронного правосудия в Китае, создание в перспективе «умного суда» следует признать успешным.

Как отмечается в юридических источниках Китая [11] на октябрь 2019 года Верховный суд Китая рассмотрел 118764 дела и вынес вердикт с помощью ИИ.

С этого времени цифровизация правосудия – одна из ключевых задач в государственной политике Китая, а в последующие годы судебные платформы на WeChat появились еще в 12 провинциях, т.к. внедрение ИИ и блокчейна не только сокращает сроки рассмотрения дел и вынесения судом вердикта, но и упрощает процесс судопроизводства. Особенно указанное важно в сферах правового регулирования электронной коммерции, т.к. общее число пользователей мобильного интернета в Китае достигает почти 1 млрд, что создает огромную нагрузку на судебную систему страны.

Как полагает судья Верховного суда КНР Чжоу Цянь, 90% судебных инстанций КНР используют IT – технологии [12], а цифровизация судебной системы согласуется с национальной программой Председателя КНР Си Цзиньпина, которые считает, что отказ или проволочки в правосудии равносильны отказу вершить правосудие.

Уникальный опыт электронного правосудия и цифровизации права и процесса в судебной деятельности КНР поистине уникален, а источники строго регламентированы:

1. Регламент Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах аудио- и видеозаписи судебных заседаний народных судов КНР» (2017) № 5 от 22.02.2017 года, вступивший в силу 01.03.2017 года (《最高人民法院关于人民法院庭审录音录像的若干规定》法释〔2017〕5号，发布日期2017-02-22 实施日期2017-03-01).

2. Отдельные замечания Верховного народного суда КНР «Об усилении работы по налаживанию системы вручения судебных документов по гражданским делам» (2017) № 19 от 19.07.2017 года (最高人民法院《关于进一步加强民事送达工作的若干意见》法发[2017]19号,发布日期2017年7月19日).

3. Уведомление Верховного народного суда КНР «О дальнейшем ускорении создания и углубленного процессов автоматической генерации электронного архива» (2018) № 21 от 16.01.2018 года (《最高人民法院关于进一步加快推进电子卷宗同步生成和深度应用工作的通知》法[2018]21号，2018年1月16日).

4. Регламент Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах рассмотрения рассмотрения дел интернет-судами» (2018) № 16 от 03.09.2018 года, вступивший в силу 07.09.2018 года (《最高人民法院关于互联网法院审理案件若干问题的规定》法释〔2018〕16号，已于2018年9月3日通过，自2018年9月7日起施行).

5. «Решение ПК ВСНП о наделении полномочиями Верховного народного суда по экспериментальным реформам по упрощению и диверсификации процесса гражданского судопроизводства» от 28.12.2019 года, вступившее в силу 29.12.2019 года ПК ВСНП (2019) № 42 (《全国人民代表大会常务委员会关于授权最高人民法院在部分地区开展民事诉讼程序繁简分流改革试点工作的决定》，2019年12月28日).

6. «Программа экспериментальных реформ по упрощению и диверсификации процесса гражданского судопроизводства» Верховного народного суда КНР от 15.01.2020 года (2020) № 10 (最高人民法院印发的《民事诉讼程序繁简分流改革试点方案》法〔2020〕10号).

7. «Меры по осуществлению реформ по упрощению и диверсификации гражданского судопроизводства» от 15.01.2020 года (2020) № 11 (最高人民法院制定了《民事诉讼程序繁简分流改革试点实施办法》法〔2020〕11号）.

8. Уведомление Верховного народного суда «Об усилении и стандартизации онлайн-судопроизводства в условиях профилактики и контроля распространения эпидемии COVID-19»）18.02.2020最高人民法院《关于新冠肺炎疫情防控期间加强和规范在线诉讼工作的通知》[13].

Программа создания «умного суда» начиная с июня 2016 года и на перспективу до 2025 года включена в национальную стратегию развития Китая, и на настоящее время почти завершен полный цикл онлайн процессов, с обеспечением законодательной базы и информационно-технологическим оборудованием с пилотными программами – ИИ (искусственного интеллекта). Мобильный формат постепенно переформатируется в платформы обмена большими данными во внутригосударственной системе различных органов, в том числе и судебных.

Новые технологии: искусственный интеллект (Artificial Intelligence), блокчейн (Blockchain), облачные вычисления (Cloud Computing), большие данные (Big Data) и 5G постепенно внедряются в народные суды всех уровней на территории КНР и содействуют осуществлению процессуальных онлайн-действий. Электронное судопроизводство осуществляется с помощью модульных приложений: посредством внедренных в электронное судопроизводство таких модульных приложений как: распознавание речи в суде, демонстрация электронных доказательств, автоматическое исправления ошибок в документах автоматическая генерация электронного архива по делу, интеллектуальная вспомогательная система по рассмотрению дел, управление судебным процессом, анализ документов и доказательств и представление макета (проекта) решения суда.

Судебная система КНР призвана решить задачи по обеспечению конституционной защиты прав граждан на более высоком уровне, удобным и доступным способом, а самое главное, с соблюдением

законодательства и прозрачного судопроизводства, а также максимально снизить судебные издержки сторон.

Опыт электронного правосудия в Китае, передовые идеи и новые цифровые технологии, правовые механизмы организации интернет-судов и использование искусственного интеллекта в судебной деятельности, обобщение правоприменительной практики и статистика могут быть интегрированы и в России при модернизации российской судебной системы и механизмов судопроизводства.

Литература

1. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского ин-та управления. 2019. Т.19. №6. С.36-47.; Журкина О.В., Максименко Е.И. Цифровое правосудие на примере интернет – судов Китая // Вопросы российского и международного права. 2020. Т.10. №6 -1. С.138-143. DOI: 10.34670/AR.2020.63.35.051.
2. Бурдина Е.В. Задачи судов в условиях современных вызовов //Судебная власть в современном обществе (Судья. Общество. Государство): сб. науч. Трудов по мат.-м. Всерос. Научн.-практ. Конф. 23 .10.2020 г./ Совет судей РФ, комиссия Совета судей РФ по связям с советами судей субъектов РФ, Совет судей Тамбовской области, журнал «Судья» /Отв. Ред. Н.А. Бурашникова. Тамбов. 2020. С.26-31.
3. Журкина О.В., Максименко Е.И. Там же. С. 138 -143.
4. Журкина О.В., Максименко Е.И. Там же. С. 141.
5. Ontario Courts Finally Go Digital (Almost) // Slaw, 2019. URL: http://www.slaw.ca/2019/02/03/ontario-courts-finally-go-digital-almost/ The Electronic Filing System in Singapore – Tackling the «Human» Elements. URL: https://www.coursehero. com/file/38843043/UNPAN031797pdf/ (дата обращения: 1.06.2021 г.).
6. What we can learn from Asia's courts of the future // World Economic Forum. URL: https://www.weforum.org/ agenda/2018/11/what-we-can-learn-from-asia-s-courtsof-the-future (дата обращения: 01.06.2021 г.).
7. Волков К. Суд да интеллект // Российская газета. Федеральный выпуск. №54 (8405). 2021. 15 марта.
8. Петровский С.В. Может ли искусственный интеллект заменить судью // Независимая газета. 2021. 7 апреля.
9. Момотов В. «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации» // URL: http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/36912 (дата обращения: 01.06.2021 г.).
10. Момотов В. «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации». Там же.
11. Официальный сайт // URL: http://www.trud.ru/article/12-12-2019/1383981_v_kitae_uzakonili_sudebnye_prigovory_vynosimye_iskusstvennym_intellektom.html (дата обращения: 01.06.2021 г.).
12. Официальный сайт // URL: http://www.trud.ru/article/12-12-2019/1383981_v_kitae_uzakonili_sudebnye_prigovory_vynosimye_iskusstvennym_intellektom.html. (дата обращения: 01.06.2021 г.).
13. Трощинский П.В. Право Китая в трудах российской науки (с перечнем действующих законов КНР). М.: Изд. Дом ВКН, 2020. С.57-95.; Непейвода Н. Правосудие на кончиках пальцев: опыт КНР // URL: zakon.ru›…pravosudie_na_konchikah_palcev_opyt_knr… (дата обращения: 01.06.2021 г.)

УДК 34.347

ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СМАРТ-КОНТРАКТОВ

© 2021 г. Т.Ю. Кулик

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

Уже не один год говорят не только об использовании электронных средств связи для заключения договоров, но и о смарт-контрактах как новом этапе применения электронных технологий во взаимоотношениях сторон. В первую очередь, смарт-контракты получили распространение в сфере предпринимательской деятельности, поскольку именно для предпринимателей актуальны те преимущества, которые предоставляет использование смарт-контрактов (обеспечение безопасности информации, ее неизменности, экономия времени и финансовых ресурсов). Вместе с тем, новые возможности подразумевают и реформирование правового регулирования, в частности законодательства, которое уточняет особенности доказывания отношений, возникающих в связи с заключением и исполнением смарт-контрактов.

Ключевые слова: *доказательства, смарт-контракты, электронное взаимодействие, предмет доказывания, электронные доказательства, арбитражный суд.*

For more than one year they have been talking not only about the use of electronic means of communication to conclude contracts, but also about smart contracts as a new stage in the use of electronic technologies in the relationship of the parties. First of all, smart contracts have become widespread in the field of entrepreneurial activity, since it is for entrepreneurs that the advantages provided by the use of smart contracts are relevant (ensuring the security of information, its immutability, saving time and financial resources). At the same time, new opportunities also imply the reform of legal regulation, in particular legislation, which clarifies the specifics of proving relations arising in connection with the conclusion and execution of smart contracts.

Keywords: *evidence, smart contracts, electronic interaction, subject of proof, electronic evidence, arbitration court.*

Развитие информационных технологий ставит перед законодателями и правоприменителями новые вопросы, разрешение которых напрямую влияет на формирование единообразной судебной практики. Суды сталкиваются уже с проблемными вопросами, которые появляются в случае нарушения прав и законных интересов участников правоотношений. Усугубляет ситуацию еще и то, что стороны, согласно действующим правилам доказывания, закрепленным в Гражданском и Арбитражном процессуальном кодексах РФ (далее – ГПК РФ и АПК РФ), должны доказывать те обстоятельства, на которые они ссылаются. Очевидно, что процесс доказывания должен проходить в рамках предмета доказывания, определенного судьей при помощи лиц, участвующих в деле. Однако не всегда нарушения очевидны и само правоотношение определенно подчиняется конкретной норме (чаще – нормам) права. Сложности могут возникать при рассмотрении споров, связанных с заключением и исполнением смарт-контрактов. В последние годы количество научных статей, посвященных правовой природе и особенностям заключения смарт-контрактов, значительно возросло.

В настоящее время в теории права подходы к дефиниции смарт-контрактов только формируются. В зависимости от того, какие критерии смарт-контрактов берутся за основу, меняется и его определение.

Впервые термин «смарт-контракт» предложил тогда еще аспирант Вашингтонского университета Ником Сабо (Nick Szabo). Было это более 20 лет назад, но и сейчас в доктрине нет единого подхода к пониманию природы сматр-контрактов.

Так, в российской научной литературе смарт-контракты определяются как «соглашения, заключение и исполнение которых осуществляется без участия человека» [1], или «запрограммированный договор» [2]. Тем самым подчеркивается, что смарт-контракт существует исключительно в цифровой среде. Однако такая точка зрения все же сводится к эволюции гражданско-правового понятия договора под влиянием информационно-коммуникационных технологий. При этом само появление смарт-контракта А.И. Савельев связывает с третьим этапом развития общества, когда договорное взаимодействие осуществляется с использованием автоматизированных информационных систем.

Как файл машинной информации рассматривают смарт-контракты Л.Г. Ефимова, И.Е. Михеева и Д.В. Чуб [3]. Они же акцентируют внимание на необходимости определения правовой природы смарт-контрактов, поскольку именно это является отправной точкой для дальнейшего развития правоприменительной практики.

Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова наиболее, на наш взгляд, верно характеризуют сущность цифровых активов, смарт-контрактов и цифровых прав. Они пишут, что это не просто электронный документооборот в том виде, в котором он существовал еще с начала 90-х годов прошлого столетия. Это качественно новое правовое явление, которое существует исключительно в информационном пространстве [4]. Характеризуя сущность смарт-контрактов, они рассматривают его как компьютерный алгоритм. Таким образом, смарт-контракт в их понимании – это даже не сделка как таковая, а способ выполнения транзакции, обусловленный выполнением ряда оговоренных условий, которые и считывает алгоритм. Следует отметить, что именно эта точка зрения, по сути, исключает судебное рассмотрение спора, т.к. в таком случае само возникновение спора фактически исключено [3]. Такая точка зрения присутствует и в зарубежной правовой доктрине. Например, во Франции смарт-контракт рассматривается как «доказательство заключения договора и технический порядок его исполнения», а не сам договор как таковой [3].

Предпочтительней является подход, согласно которому смарт-контракт – это лишь специальный способ заключения и исполнения гражданско-правового договора. Это полностью вписывается в нормативное понятие «договора», закрепленное в ГК РФ (ст. 420), который определяет его через «соглашение», акцентируя внимание на предмете и направленности соглашения, а не на способе заключения и исполнения договора. Никакой новой договорной конструкции использование компьютерного алгоритма не создает. Наоборот, с использованием технологии блокчейн, используемой в смарт-контрактах, может быть заключен практически любой поименованный или непоименованный гражданско-правовой договор. Исключения законодателю еще предстоит прямо закрепить в гражданском законодательстве. Пока же отсутствие единства мнений относительно природы смарт-контракта не дает однозначно говорить, какие договоры могут или не могут заключаться с использованием блокчейн технологии.

Именно эта точка зрения в настоящее время является наиболее предпочтительной при определении правовой природы смарт-контракта. Представляется, что осмысление правовой природы смарт-контракта невозможно без учета его информационной сущности. Каково бы ни было понимание этого уже правового явления, сведение его только лишь к материально-правовой, а именно гражданско-правовой, природе не отражает специфики смарт-контракта и не дает ответы на вопрос, каким образом стороны смарт-контракта будут доказывать возникновение и исполнение прав и обязанностей, вытекающих их него. «Сильные» стороны смарт-контракта, к сожалению, могут создать сложности при рассмотрении и разрешении в суде возникающих споров.

Рассмотрим некоторые проблемы, с которыми на практике могут столкнуться суды, рассматривая споры, вытекающие из смарт-контрактов.

Во-первых, спор может возникнуть по поводу самого наличия договорных отношений. Следовательно, в предмет доказывания обязательно будет входить подтверждение заинтересованной сторон факта договорных отношений. Первое, что необходимо предоставить в обычных, не цифровых, договорных отношениях, – это оригинал договора, заверенного подписями сторон. Электронный документооборот уже создал для судов определенные трудности при рассмотрении подобных споров. В теории процессуального права до сих пор не выработано единого понятия относительно понимания копии и подлинника электронного документа, хотя эта проблема далеко не нова. Заключение же смарт-контракта ее только усугубляет. Основа смарт-контракта – это определенный компьютерный протокол. Какой бы точки зрения не придерживались теоретики относительно правовой природы смарт-контракта, его цифровую составляющую признают все.

Однако сам процесс доказывания договорных отношений будет зависеть от того, признавать ли смарт-контракт специальным видом гражданско-правового договора (т.е. имеет ли он материальную природу) или же это просто способ заключения традиционного договора. В первом случае необходимо будет предоставить суду возможность ознакомиться с самим смарт-контрактом непосредственно при рассмотрении дела. Что опять ставит вопрос – достаточно ли будет «видоизменить» смарт-контракт, сделать его пригодным для восприятия судьей, что программисты могут сделать, или в этом случае судья будет иметь дело лишь с копией документа. Если же судья пожелает ознакомиться со смарт-контрактом в том виде, в котором он существует в цифровой среде, то обеспечить читаемый вид этого документа сложно. Во втором случае сторонам можно будет ограничиться приведением доказательств вне рамок самой компьютерной программы. Например, доказательств проведения преддоговорных контактов, переписки при согласовании существенных условий. Сам же смарт-контракт подтвердит уже лишь факт непосредственного заключения или исполнения договора, т.е. будет рассматриваться во взаимосвязи с иными доказательствами.

Как уже было показано, отсутствие понимания того, что является подлинником, а что копией электронного документа, в данном случае только усугубляет ситуацию.

Второй, не менее важный, вопрос связан с необходимостью непосредственного восприятия судьей всех доказательств по делу при его рассмотрении. Для того чтобы проанализировать смарт-контракт, который является продуктом исключительно цифровой среды, помимо обеспечения технической возможности, необходимо легитимировать сам процесс изучения такого доказательства, а именно закрепить в процессуальных кодексах отдельный вид доказательств – электронные доказательства. Конечно, в настоящее время электронные документы представляются, и достаточно часто, при рассмотрении споров как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции. Но в качестве отдельного вида средств доказывания законодатель их не закрепляет, относя к письменным доказательствам. АПК РФ, в отличие от ст. 55 ГПК РФ, содержит открытый перечень средств доказывания, что позволяет отнести смарт-контракты к иным видам документов и материалов (ст. 64).

Но такой подход нельзя признать эффективным, поскольку прямое закрепление электронных доказательств повлечет принятие новых норм, в рамках которых можно будет отразить специфику таких средств доказывания, особенности их непосредственного изучения судьей при рассмотрении дел (например, только с помощью технических средств). Официальное закрепление в процессуальных кодексах понятия оригинала электронного документа, смарт-контракта исключительно на электронном носителе позволит разрешить долгий научный спор относительно правового режима таких документов. Пока же нормы о письменных доказательствах применяются и к предоставленным электронным документам. Очевидно, что в этом случае законодатель руководствуется нежеланием бесконечно увеличивать количество норм процессуальных кодексов, останавливаясь на регулировании наиболее важных аспектов. Но с учетом современного уровня развития информационных технологий такой подход едва ли можно назвать оправданным.

Литература

1. Савельев А.И. Договорное право 2.0: "умные" контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32.
2. Федоров Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30.
3. Ефимова Л.Г., Михеева И.Е., Чуб Д.В. Процессуальные аспекты использования смарт-контрактов в гражданском обороте по праву России и зарубежных стран // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 235.
4. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с. С. 5.

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 34.07

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО ПРОКУРОРАМИ ТРАНСПОРТНОЙ ПРОКУРАТУРЫ

© 2021 г. Т.А. Комахидзе

Южная транспортная прокуратура
344019, г. Ростов-на-Дону,
пл. Свободы, 2/1

Southern Transport Prosecutor's Office
2/1 Svobody Sqr.,
Rostov-on-Don, 344019

В статье автор рассматривает актуальные вопросы прокурорского надзора, осуществляемого транспортными прокурорами, за исполнением законов органами, уполномоченными на проведение ОРД.

В первую очередь, автором, исходя из специфики ОРД, предложено выделить в отдельный вид прокурорского надзора надзор за ОРД, что должно найти отражение в действующем законодательстве.

Рассматривая полномочия прокурора при проведении рассматриваемого вида надзора, автор приходит к тому, что они слишком сужены, что негативным образом сказывается на его эффективности и оперативности. В связи с этим, в статье предлагается расширить полномочия прокурора, наделив его правом давать согласие на заведение дела оперативного учета, самостоятельно отменять незаконные постановления органов ОРД, давать согласие субъектам ОРД на обращение в суд для ограничения конституционных прав граждан, а также беспрепятственно знакомиться с информацией о лицах, которые внедрены в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках, а также о лицах, которые оказывают содействие органам на конфиденциальной основе. При этом источник получения такой информации может не раскрываться прокурору.

Ключевые слова: *прокурорский надзор, оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, оперативно-разыскные материалы, полномочия, сведения, незаконные постановления, представление, ответственность.*

In the article, the author examines the current issues of prosecutor's supervision carried out by transport prosecutors, over the execution of laws by bodies authorized to conduct ORDS.

First of all, the author, based on the specifics of the ORDO, proposed to allocate the supervision of the ORDO to a separate type of prosecutor's supervision, which should be reflected in the current legislation.

Considering the powers of the prosecutor in conducting this type of supervision, the author comes to the conclusion that they are too narrowed, which negatively affects its effectiveness and efficiency. In this regard, the article proposes to expand the powers of the prosecutor, giving them the right to independently cancel illegal decisions of the ORD bodies, as well as to freely get acquainted with information about persons who are embedded in organized criminal groups, about full-time secret employees, as well as about persons who assist the bodies on a confidential basis. At the same time, the source of obtaining such information may not be disclosed to the prosecutor.

Keywords: *prosecutor's supervision, operational-search activity, operational-search measures, operational-search materials, powers, information, illegal decisions, representation, responsibility.*

Значение оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) колоссально в борьбе с преступностью, в её раскрытии и предупреждении. Поэтому возникает необходимость в постоянном повышении её эффективности, а также контроле за соблюдением прав и свобод человека в процессе её проведения.

В связи с этим в нашем государстве существует прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие. Однако, как видим из названия, законодатель объединил в одном виде надзора различные виды деятельности, подразумевающие различную правовую базу. В их основе лежит отдельная группа федеральных законов.

В 2020 году в Южном транспортном регионе по результатам проверок транспортными прокурорами выявлено 169 (18) незаконных решений, из них о прекращении ДОУ – 167 (16), о заведении ДОУ – 1 (1), о постановке лица в качестве разрабатываемого по ДОУ – 1 (0). На незаконные решения принесено 153 (18) протеста, каждый из которых рассмотрен и удовлетворен, соответствующие постановления отменены. На незаконность 16 решений транспортными прокурорами указано в представлениях, направленных в

правоохранительные органы.

Всего прокурорами изучено 5 078 ДОУ и ОСМ (6 113). Число выявленных нарушений закона увеличилось на 1,8 % (с 2 063 до 2 101).

Активизирована деятельность по надзору за исполнением законодательства об оперативно-разыскной деятельности при выявлении и пресечении преступлений коррупционной направленности. В этой сфере выявлено 208 (118, + 76 %) нарушений закона, для их устранения принесено 14 (2) протестов на незаконные решения о прекращении дел оперативного учета, направлено 63 (34, + 85 %) требования, 29 (20, + 45 %) представлений, по результатам их рассмотрения к дисциплинарной ответственности привлечено 47 (30, + 56 %) лиц [1].

Надзор за ОРД отличается своей спецификой от надзора за органами дознания и предварительного следствия, обусловленной особенностями ОРД, которая подразумевает по своей сути тайное вторжение в сферу конституционных прав и свобод граждан, законных интересов юридических лиц, использование гласных и негласных методов получения информации, широкое использование конфиденциальных источников информации.

В связи с этим, автор разделяет точку зрения А.И. Королева [2, с.151] о том, что прокурорский надзор за ОРД представляет собой отдельную отрасль прокурорского надзора. Поэтому следовало бы внести изменения в Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре) [3], а именно в ч. 2 ст. 1 и в главу 3, закрепив надзор за осуществлением ОРД в отдельную отрасль прокурорского надзора.

Основное предназначение прокурорского надзора за ОРД состоит в обеспечении верховенства закона, защите прав и свобод человека и гражданина при помощи выявления и ликвидации различных нарушений закона, с последующим привлечением виновных лиц к ответственности, установленной законодательством.

В рамках ОРД проводятся оперативно-разыскные мероприятия (далее – ОРМ), которые проводятся исключительно при наличии оснований, перечень которых установлен в Федеральном законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) [4]. Стоит акцентировать внимание на том, что сведения, которые получены в результате применения оперативных средств, не расцениваются как истинно достоверные, поскольку они могут отражать как факты, существующие в реальности, так и факты, которые воспринимаются субъектом ошибочно, то есть имеют вероятностную характеристику. Но, так или иначе, они всё равно проверяются в дальнейшем. Такие сведения называются оперативными и в случае соблюдения требований по их документированию, они могут передаваться в органы расследования или в суд в пределах правового института представления результатов ОРД.

Опираясь на положения Закона о прокуратуре, предметом прокурорского надзора за ОРД является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, порядка, закреплённого законом для проведения оперативно-разыскных мероприятий, а также законности решений, выносимых уполномоченными на проведение ОРД органами. Так как формирование практики принятия решений и проведение ОРМ в целом, происходит исходя из положений ведомственных актов, то оценка их соответствия законодательству составляет непосредственную обязанность прокурора.

Учитывая степень криминализации современного общества, в качестве самостоятельной задачи ОРД, стоит рассматривать задачу по охране и защите участников досудебного и судебного производства, особенно актуально обеспечение безопасности потерпевших и свидетелей, осуществляемое на принципах конспирации, наступательности и т.д.

На эту тему высказывались многие ученые-правоведы, подчёркивая обязательность процедуры использования ОРД в этом направлении и важности её закрепления в российском законодательстве в качестве отдельной формы оперативно-разыскной деятельности – оперативно-разыскного обеспечения обвинения.

Вследствие неопределённости в законодательстве некоторых функций ОРД, компетенций и полномочий самой прокуратуры появляется ряд вопросов в практике прокурорского надзора рассматриваемого вида.

Например, при проверке материалов ОРД транспортный прокурор фактически лишён полномочий по надзору, поскольку ФЗ об ОРД не устанавливает обязанность органов ОРД по согласованию, уведомлению прокурора в случае обращения их в суд для дачи разрешения на проведение ОРМ, которые требуют судебного решения. Напротив, установление такого порядка отразилось бы на оперативности и эффективности прокурорского надзора в рассматриваемом направлении.

Более того, субъекты ОРД не обязаны уведомлять прокуроров о заведении дела оперативного учета и его прекращении, в результате чего надзорные возможности последних достаточно сжаты.

Полагаем, прокурорский надзор за исполнением законодательства об оперативно-разыскной деятельности мог быть более эффективным, в случае если бы законодатель расширил полномочия

прокурора при осуществлении данного надзора. Однако же на сегодняшний день прокурор не имеет права в одностороннем порядке отменить незаконные и необоснованные решения органов, уполномоченных на проведение ОРД. Кроме того, он также не уполномочен оказывать влияние на выбор методики и тактики проведения ОРД, обязывать оперативные подразделения к проведению тех или иных оперативных мероприятий. А о заведении того или иного дела оперативного учета иногда узнает при очередной проверке исполнения законов при осуществлении ОРД, зачастую с одновременным получением информации о его прекращении.

Как результат, прокурор может вносить представления по причине отсутствия проведения надлежащей оперативно-разыскной работы, которая проводится без реализации имеющихся полномочий, сил и средств, оперативных служб, отсутствия требуемого ведомственного контроля. Руководители поднадзорных органов, получив такие представления, обязаны устранить выявленные нарушения, а также рассмотреть вопрос относительно дисциплинарной ответственности виновных сотрудников и сообщить о принятых мерах прокурору, который внёс представление в срок установленный законом.

На наш взгляд, необходимо внести изменения в ФЗ об ОРД, расширив полномочия прокурора, предоставив ему право самостоятельно отменять незаконные постановления органов ОРД, давать согласие на обращение в суд с ходатайством об ограничении конституционных прав граждан, с одновременным наделением субъектов ОРД обязанностью по уведомлению прокурора о заведении и прекращении дела оперативного учета, что будет способствовать более оперативному прокурорскому надзору.

А.А. Майдыков и А.О. Шикунов [5, с.55], опираясь на сложившуюся практику, указывают на то, что руководителями территориальных органов, уполномоченных на осуществление ОРД, не всегда в полном объёме выполняются требования прокурора, а зачастую и вовсе игнорируются. А в ответах на представления прокурора они отчитываются о проведении оперативного совещания, на котором обсуждались поступившие замечания. Кроме того, часто виновные лица не несут никакой ответственности, одним из оснований является то, что к виновным сотрудникам ранее уже применялись меры.

Кроме того, в последнее время наметилась тенденция в ОРД, когда сотрудники массово увольняются по собственному желанию, дабы избежать ответственности за допущенные противоправные деяния. В этом случае прокурор должен принимать меры по пресечению нарушения закона со стороны оперативных сотрудников, лежащих в основе нарушений законодательства. В подобных ситуациях важно не допустить уход от ответственности виновных лиц. Однако если они не виновны, вину не представляется возможным доказать, то встаёт вопрос об ответственности лиц, которые их уволили либо вынудили уволиться.

Итак, предметом рассматриваемого прокурорского надзора является законность решений, которые принимают органы, осуществляющие ОРД. На этот счёт Л.В. Григорьева [6] указывает, что на практике встречаются случаи злоупотребления законом со стороны сотрудников оперативных подразделений, в результате чего члены организованных преступных групп и преступных сообществ избегают уголовной ответственности. А также для целей подрыва деловой репутации физических и юридических лиц, негласно проводится сбор информации о них. Подобные нарушения, бесспорно, встречаются на практике, но их нельзя абсолютизировать. Такие случаи тоже должен учитывать прокурор в ходе осуществления надзора и своевременно на них реагировать в рамках законодательства.

Вместе с тем, как уже было отмечено, сфера прокурорского надзора довольна, широка и не ограничивается лишь проверкой законности решений, которые принимают органы, осуществляющие ОРД.

Актуальным на сегодняшний день является вопрос о нарушениях норм законодательства при проведении оперативно-разыскных мероприятий (ОРМ). Это касается таких ОРМ, в ходе которых ограничиваются конституционные права граждан, например, прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи, нарушение тайны почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, неприкосновенность жилища и др.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации [7] и ст. 13 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [8] каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Данное право может подлежать нарушению только после вынесения соответствующего решения суда. Поскольку на их проведение требуется разрешение суда, практика исследуемого надзора свидетельствует о том, что иногда соответствующие ходатайства на проведение ОРМ не имеют достаточных оснований. Либо же перед судом ходатайствуют о проведении мероприятий, которые не отражены в законе. Зачастую в них не указываются конкретные обстоятельства, свидетельствующие об их необходимости и

подтверждающие соразмерность ограничения прав граждан на тайну телефонных переговоров и сообщений, конституционно признаваемым целям таких ограничений. Транспортные прокуроры неоднократно выявляли случаи, когда в ходатайствах фактически указано только на факт заведения дела оперативного учета. Иногда в своих постановлениях руководители органов, осуществляющих ОРД, приводят неправильную квалификацию преступного деяния, явно ее завышая. Например, с целью вписаться в регламентированные ст. 8 ФЗ об ОРД рамки о в возможности прослушивания телефонных и иных переговоров только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений.

Проблемным аспектом, негативно сказывающимся на эффективности прокурорского надзора за ОРД, является непонимание и, как следствие, отсутствие должного отношения к данному виду надзора со стороны органов, уполномоченных на проведение ОРД. Некоторые должностные лица этих органов высказываются в негативном ключе о самом виде надзора и полагают, что он лишь создаёт помехи для нормальной оперативно-разыскной деятельности.

И, напротив, стоит отметить отсутствие надлежащих знаний у самих прокуроров о специфике оперативной работы и придание этому надзору второстепенного значения.

В совокупности, приведённые выше факты отрицательно отражаются на эффективности рассматриваемого вида надзора.

Исходя из этого, мы убеждены в том, что необходимо выстроить эффективное взаимодействие между органами прокуратуры и органами, осуществляющими ОРД, определить тактику проведения совместных мероприятий, основной целью которых будет предупреждение нарушений закона.

Как видим, назрела объективная потребность усилить роль прокуратуры в указанной сфере. Прокурор с помощью мер прокурорского надзора вполне может оказать содействие по выполнению задач ОРД.

Недостаточная щепетильность сотрудника транспортной прокуратуры чревата нарушением прав человека органами ОРД, совершением противоправных деяний. Как верно отмечает А.К. Шабанова [9, с.160], «опыт объективно говорит о том, что, как только исчезает надзор со стороны, сразу появляются серьезные нарушения». Но, чтобы обнаружить факты нарушений, прокурору должна быть предоставлена возможность детально ознакомиться с материалами оперативно-разыскной деятельности.

Так, невзирая на то, что прокурор имеет право знакомиться с материалами, имеющими отношение к ОРД, существует ряд сведений, доступ к которым ограничен для прокурора, к ним относятся: сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе. Сведения об этих лицах могут быть получены прокурором только с их согласия, оформленного в письменном виде, исключение составляют случаи, которые требуют привлечение их уголовной ответственности.

Конечно, с одной стороны, можно понять логику законодателя, стремящегося очертить границы прокурорского надзора за ОРД, но в приведенном случае из-под надзора уходит вся информация о деятельности «конфидентов» и её результатах.

Понимая важность для ОРД наличия негласных источников информации, мы полагаем, что проверке должна подлежать информация о фигурантах, их взаимоотношениях, в том числе с представителями государственных органов, нарушителях закона и др., наличии психических отклонений, которые могут оказать большое влияние на проводимые ОРМ, их целесообразность и эффективность в каждом конкретном случае. Д.А. Бабичев [10, с.282] по этому поводу отмечает, что отсутствие в делах оперативного учета соответствующих проверочных материалов является нарушением законности.

Согласно негласной статистике по вопросу критериев оценки деятельности уполномоченных прокуроров, в течение календарного года проверке подлежит лишь примерно 25-30% от всего объёма оперативно-разыскных материалов [11]. В этой связи автор разделяет мнение Р.В. Мушегова о том, что деятельность, имеющая правоограничительный характер, должна в полном объёме подлежать вниманию контролирующих органов.

Таким образом, законодатель не выделил прокурорский надзор за исполнением законов об оперативно-разыскной деятельности в самостоятельный вид, однако, по мнению автора, такая возможность существует исходя из специфики и содержания прокурорской деятельности в этом направлении. Исходя из этого, нами предлагается внесение изменений в Закон о Прокуратуре РФ.

Кроме того, в результате рассмотрения актуальных проблем прокурорского надзора за законностью оперативно-разыскной деятельности прокурорами транспортной прокуратуры, мы приходим к выводу о недостаточности объема правовых полномочий прокуроров. Мы предлагаем в первую очередь предлагает наделить правом прокурора самостоятельно отменять незаконные постановления органов ОРД, давать согласие субъектам ОРД на обращение в суд с ходатайством об

ограничении конституционных прав граждан, а также закрепить за ним возможность получать сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе. Также наделить субъектов ОРД обязанностью уведомлять прокуроров о заведении дела оперативного учета и его прекращении.

Сформулированные в статье предложения по совершенствованию законодательства по рассматриваемой теме окажут позитивное влияние на оперативность и эффективность прокурорского надзора.

Литература

1. Докладная записка «Об итогах работы Южной транспортной прокуратуры за 2020 год» от 29.01.2021 № 20-25-2021/494.

2. Королев И.А. Прокурорский надзор за оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью – вопрос законодательного разграничения // Закон и право. 2019. №6. С.150-152.

3. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Майдыков А.А., Шикунов, А.О. Значимые проблемы прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, на современном этапе развития общества в Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №8 (60). С.53-66.

6. Григорьева Л.В. Проблемы организации прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности // Журнал №5 (Vol. 69). 2020.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

9.Шабанова А. К. Система прокурорского надзора за исполнением законов субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 160-162.

10. Бабичев Д.А. К дискуссии о проблемах организации прокурорского надзора за законностью решений в оперативно-разыскной деятельности // Вестник КГУ. 2018. №4. С.282-286.

11. Мушегов Р.В. Некоторые вопросы прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью. // URL: https://docviewer.yandex.ru/view/86894254/?page=3&* (дата обращения: 20.06.2021).

ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 34.09

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

© 2021 г. Н.В. Федоренко, Д.М. Дорофеева

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются вопросы применения поликультурной медиации в образовательной среде, приведены примеры, статистические данные и последствия неспособности на начальном этапе урегулировать конфликт. Анализируются способы предотвращения конфликтов посредством общения молодежи с поликультурным медиатором.

Ключевые слова: *медиация, поликультурная медиация, образовательная среда, экстремизм, профилактика, молодежь, конфликт.*

The article considers the application of multicultural mediation in the educational environment, provides examples, statistics and the consequences of the inability to resolve the conflict at the initial stage. The article analyzes the ways of conflict prevention through communication between young people and a multicultural mediator.

Keywords: *mediation, multicultural mediation, educational environment, extremism, prevention, youth, conflict.*

В предшествующие десятилетия поликультурная медиация рассматривалась как действие, направленное на разрешение конфликтов и предотвращение дискриминации по отношению к мигрантам, прибывающим в Европу в поисках «лучшей жизни». В настоящий же момент проблема поликультурности приобретает особую актуальность и привлекает внимание многих. Законодательно процедура медиации отражена в Конституции РФ [1], а также в Федеральном законе "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" [2].

Проблема поликультурности приобретает в настоящее время всё больший вес и является адекватной реакцией на столь радикальные вызовы как нарастание глобализации, межличностные, межгрупповые, межэтнические конфликты, различные дискриминационные явления.

Трудности межэтнического взаимодействия и этнические конфликты являются актуальной проблемой современного общества. В разнообразии философских, исторических, культурных и религиозных взглядов, представлений и верований сегодня, как никогда ранее, стало важным понимание того, необходимо учиться находить единство и гармонию, без которых все это богатство не только не имеет смысла, но и небезопасно для человека и его будущего [3].

Любые конфликты нуждаются в разрешении, в противном случае напряжение нарастает, а проблемы только увеличиваются.[4]

Межэтнической культурой, к сожалению, с рождения человек не обладает. Способствовать ее формированию должны образовательные учреждения. Их важнейшая функция заключается в подготовке подрастающего поколения ко взрослой жизни. Преподаватель должен приобщить ребенка к общечеловеческим ценностям. С начальных классов дети должны изучать культуры других народов, знакомиться с их языком, национальными костюмами, едой и так далее. Ребёнок должен понимать, что быть другой национальности не зазорно, это не должно быть поводом для травли, или буллинга. А для этого необходим диалог культур, межэтническое общение [5].

К сожалению, в настоящее время проблема межнациональных конфликтов возрастает. Дети не могут найти общий язык со своими сверстниками. Чаще всего незащищенным остается тот, чья национальность в коллективе представлена в меньшем количестве. Отсюда возникает озлобленность детей, с которой они не могут совладеть. Впоследствии это может привести к серьезным психологическим травмам, которые угрожают не только коллективу, в котором находится человек, но и его сверстникам, семье и государству.

По этой причине в Российской Федерации возросла тенденция правонарушений и преступлений, совершаемых молодежью. Так, согласно статистике Главного информационного центра МВД по России с 1994–1996 г., судимость учащихся и студентов увеличилось с 48,5 до 61,2 тысяч человек (на 25,7 %) в 1996 г., а в 2019 г. Данный показатель составил 59,16 тыс. человек, что подтверждает

наличие проблемы профилактики преступлений в молодежной среде более 25 лет. В 2020 году преступления совершили 34,7 тысячи учащихся и студентов. Это на 15% меньше, чем за аналогичный период 2019 года. Такое незначительное снижение обусловлено тем, что увеличивается количество неформальных молодежных организаций с преобладанием корыстной ориентации. Для этого необходимо уделить особое внимание проведению профилактики данного негативного феномена, включая и профилактику преступлений экстремистской направленности.

Профилактические мероприятия в сфере молодежного экстремизма зависят от правильного понимания этого сложного общественного явления [6].

Понимая причины зарождения источников экстремизма среди молодежи, необходимо ввести в учебно-воспитательный процесс организационные, социально-психологические направления противодействия экстремистским взглядам молодой личности. Причины возникновения экстремизма среди молодежи находятся не столько в общественных условиях, сколько в интеллектуальной и нравственной ограниченности личности, отстаивающей подобные взгляды. Особенность экстремизма молодого поколения вызвано прежде всего возрастом. Наивысшая активность проявления преступного поведения – в возрасте от 15 до 18 лет. [7]

Одним из важнейших направлений борьбы с молодежным экстремизмом является профилактика, то есть принятие мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности. Это обусловлено тем, что, по данным МВД России, в среднем до 80 % участников группировок экстремистской направленности составляют лица в возрасте до 30 лет [8].

Путь к взаимопониманию проходит не только через знания, представления, но и через чувства, умение видеть в каждом человеке носителя общечеловеческих ценностей: добра, любви к ближнему, высокой духовности и морали. А это понимание есть результат культуры межэтнического общения. В этом контексте поликультурное образование призвано сформировать у учащейся молодежи систему ценностей, связанных с реальностью модели мира. Медиатор сможет помочь им овладеть способами и навыками последовательной мыслительной деятельности в интеркультурной коммуникации; дать учащимся представление о них самих, смысле их существования, важнейших жизненных проблемах человека и человечества; сформировать личностные качества, необходимые человеку при его интеграции в иную культуру, навыки толерантного поведения в мультикультурном обществе [9].

Реализаторами такого образования выступают поликультурные или межкультурные медиаторы. Межкультурные медиаторы являются ключевой персоной в интеграции мигрантов. Они помогают разрушить социальные и культурные барьеры, вызывающие изоляцию мигрантов от местного населения, что вызывает у последних презрение, ненависть и бессмысленное насилие.

Поликультурные или межкультурные медиаторы функционируют в национальных правовых рамках, основанных на законах иммиграции и принципах интеграции мигрантов в принимающих обществах.

Поликультурные медиаторы выступали посредниками между мигрантами и различными учреждениями, однако роль и статус медиатора не были до конца сформированы из-за различного отношения к проблеме миграции в политике разных европейских стран.

Можно выделить ключевые компетенции поликультурных медиаторов, которые присущи представителям социальных профессий, связанных с работой с людьми, находящимися в трудной жизненной ситуации:

– оказывать поддержку мигрантам: информировать мигрантов об общественных услугах, административных нормах;

– взаимодействовать с государственными органами как посредник;

– оказывать языковую поддержку: в этом случае медиатор может играть роль переводчика в любом учреждении, где важна межличностная и профессиональная коммуникации;

– информировать о правах и обязанностях мигрантов;

– ориентироваться в сфере образования: они должны предоставлять мигрантам информацию о системе образования и доступе к обучению;

– ориентироваться в сфере занятости как в ключевом вопросе интеграции мигрантов, сталкивающихся с огромными трудностями на рынке труда;

– предоставлять информацию о системе здравоохранения и ее финансировании, о профилактике здоровья;

– консультировать в социальных вопросах: медиаторы могут выявлять проблемы с социальной нестабильностью и нищетой, помогать найти финансовую поддержку;

– организовывать культурные развлечения: медиаторам может быть предложено укрепить позитивный имидж культуры мигрантов, чтобы повысить их самооценку;

– работать с членами семьи: посредники часто сталкиваются с конфликтами между детьми-мигрантами и их родителями.

Поликультурная медиация – это процесс, который будет зависеть от контекста, в свою очередь, условия и ситуации могут повлиять на стратегии, принятые во время поликультурной медиации. Медиаторы в данном случае должны обладать конкретными навыками и компетенциями, такими как навыки ведения переговоров, навыки кризисного управления, эмпатия и многие другие, которые должны быть сформированы заранее [10].

Основой профилактической деятельности в отношении молодежи, включая и несовершеннолетних, причисляющих себя к различным неформальным молодежным течениям антиобщественной направленности, является индивидуальный подход к каждому подростку, что обусловливает необходимость изучения особенностей личности.

Профилактика конфликтов на почве разницы культур может производиться силами участников образовательного процесса (учеников, педагогов, администрации школ, родителей), в семейном воспитании, а также в сообществе, месте проживания, общине. В данном процессе важную роль играют этнические национально-культурные автономии и поликультурные социальные центры [11].

Таким образом, в целях повышения эффективности профилактики экстремизма в молодежной среде необходимо системно (с участием всех субъектов профилактики) решать вопрос относительно занятости несовершеннолетней молодежи, приговоренной к мерам наказания, которые не связаны с лишением свободы; повысить эффективность осуществления наблюдения за поведением несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете; разрабатывать и проводить совместно с оперативными подразделениями мероприятия по выявлению и разобщению преступных группировок, вовлекающих в преступную деятельность лиц несовершеннолетнего возраста; осуществлять профилактическую деятельность с родителями и законными представителями несовершеннолетних, прежде всего находящихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении; модернизировать взаимодействие всех заинтересованных ведомств и структур в вопросах, связанных с профилактикой групповой и повторной преступности молодежи.

Литература

1. Конституция Российской Федерации 1993г. (в актуальной редакции) // Российская газета. 2020.
2. Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27 июля 2010г. №193-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. ст. 4162.
3. Валитова Р.Р. Толерантность как этническая проблема. М., 1997
4. Gewertz C. The Common Core explained // Education Week. Retrieved. 2015. URL: http://edweek.org/ew/issues/common-core-state-standards
5. Кукушин В.С. Воспитание толерантности личности в поликультурном социуме. Пособие для учителя. Ростов н/Д: ГинГо, 2001, 404 с.
6. Фантров, П. П. Социальная политика РФ: профилактика правонарушений несовершеннолетних как направление обеспечения национальной безопасности / Материалы Научной сессии (г. Волгоград, 20–24 апр. 2015 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ. 2015. С. 92–95
7. Защита прав и свобод несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве / Н.С. Денисова [и др.] // Евразийский юридический журнал. 2019. № 9. С. 305–310
8. Национальная безопасность России: контроверзы общества и государства / П. П. Фантров [и др.]. Волгоград, 2019. 190 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. №1. С.33
10. Baron R. M., Kenny D. A. The moderator–mediator variable distinction in social psychological research: Conceptual, strategic, and statistical considerations. Journal of Personality and Social Psychology, 1986, vol. 51 (6), pp. 1173–1182. DOI: http://dx.doi.org/10.1037/0022-3514.51.6.1173
11. Смолянинова О.Г., Коршунова В.В. Отношение участников образовательного пространства Красноярского края к медиативным практикам (Красноярск, Россия) // Science for Education Today. 2019. Том 9. №3.

УДК 347.961

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА НОТАРИАТА В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

© 2021 г. Ю.В. Федоренко, М.А. Элибекян, М.Р. Полозова

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются основные этапы становления института нотариата в России и за рубежом. Исследованы и проанализированы вопросы нормативных положений, законодательных актов, регламентирующих как основы деятельности нотариуса, так и контроль за соблюдением ими прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Ключевые слова: *нотариат, нотариальные услуги, ответственность, нотариальная деятельность, история нотариата, нотариальная защита, международная нотариальная помощь.*

The article examines the main stages of the formation of the institution of notaries in Russia and abroad. Issues of regulatory provisions, legislative acts regulating both the foundations of the notary's activities and control over their observance of the rights and legitimate interests of citizens and legal entities are investigated and analyzed.

Key words: *notary, notary services, responsibility, notarial activities, history of notaries, notarial protection, international notarial assistance*.

В современном постиндустриальном обществе нотариат является неотъемлемой частью правового государства наряду с развитыми системами государственного управления и гражданского общества. Одним из ключевых направлений деятельности нотариуса является защита прав и законных интересов граждан и юридических лиц, в связи с чем государство возлагает на органы нотариальной деятельности реализацию важнейших задач общества и государства, а также наделяет их автономностью и самостоятельностью в принятии соответствующих решений, но при этом сохраняя свои контрольно-надзорные функции в сфере нотариата.

Реформа нотариата должна основываться на историческом опыте России и развитых зарубежных стран.

Нотариат как правовой институт является одним из древнейших в мире, и начинает свои истоки формирования со времен Республики в Древнем Риме. Именно римское право послужило предпосылкой для создания специального органа, регулирующего право частной собственности, охраняющего и гарантирующего права и интересы граждан. Уже в это время появляются определенные институты должностных лиц, а именно:

1. Писцы (в переводе с латинского «нотариус» – писец), основной функцией которых было оформление распоряжений, судебных формул, ведение судебных журналов, выдача копий различных документов. Они состояли на государственной службе и получали за свою работу вознаграждение.

2. Институт табеллионов, на которых были возложены обязанности по формированию судебных документов и других юридических актов за вознаграждение, не находясь при этом на государственной службе.

В данную категорию людей могли вступить все свободные лица, которые в какой-либо степени были знакомы с основами права, а также некоторое время состояли в должности помощника. Поэтому табеллионов справедливо называют родителями нотариата [1].

В Средневековье в Европе развитие института нотариата было тесно связано с духовенством. В Италии полномочия по назначению ответственных лиц на должность нотариуса имели лишь император и глава Римской католической церкви – папа. В Германии и Франции нотариальные функции принадлежали исключительно духовенству, а нотариальные функции выполняли духовные писцы. С развитием монополии духовенства в нотариальном деле появляется новый институт – «право печати», имеющий абсолютную доказательственную силу [2].

Исторический анализ IX - XV в. демонстрирует небольшую значимость нотариуса в Германии. Его принимали как писаря, имеющего возможность фиксировать определённый ряд правоотношений, не имея конкретных нотариальных полномочий. Когда право назначения нотариусов стало входить в полномочия императора, они могли осуществлять свою деятельность во всей Германской империи. Ввиду отсутствия соответствующего правового регулирования нотариусами становились люди, не имеющие необходимого образования и опыта. Всё это привело к краху нотариальной деятельности. Благодаря подъёму экономики Германии увеличилось число гражданских договоров и, соответствен-

но, возникла необходимость в нотариальном удостоверении сделок. Первое легальные определение нотариата было в 1952 г. Тогда нотариат трактовался как орган, осуществляющий правосудие, оформляющий гражданские правоотношения, придавая им законность на всей территории государства, укрепляя демократические принципы.

Италия считается местом зарождения нотариата в Европе. Нотариальную деятельность в Италии отличает от других стран то, что она находится во всех областях жизни общества и государства. Сам же нотариус в Италии обладает широким сектором полномочий и является самостоятельным участником «превентивной юстиции».

В конце VIII-IX вв. Карл Великий установил специальную систему нотариата, которая была тесно связана с магистратурой, а также установил этапы отбора лиц, претендующих на должность нотариуса.

На первом этапе нотариус представлял роль секретаря суда, который составлял договоры и отдавал их на подпись судье.

На втором этапе нотариус наравне с судьями стал держателем Государственной печати и прямым представителем государственной власти, имеющим полномочия удостоверять договоры.

На третьем этапе были сформированы критерии, которым должен соответствовать потенциальный кандидат на должность нотариуса, а именно:

а) лицо обязано проработать не менее 6 лет в нотариальной конторе;

б) сдача специального квалификационного экзамена.

Основными направлениями деятельности нотариуса были следующие функции:

а) освидетельствование всех акты и договоров;

б) составление описи имущества, выдача разного рода свидетельств, совершение публичных продаж [3].

Должности нотариуса были несменяемыми. Статус нотариуса был настолько весом, что нотариальные акты имели, безусловно, доказательную силу и исполнялись без особого судебного решения.

Франция являлась страной классического латинского нотариата. Французский нотариат 19 века является прообразом современного нотариата, характеризующегося следующими чертами:

– нотариусы составляют описи имущества, выдают различного рода свидетельства, совершают публичные продажи;

– нотариусы несменяемы, число их и размещение определяется правительством;

– местожительство нотариусу указывает правительство, за самовольную перемену местожительства нотариус увольняется со службы;

– нотариусы не могут быть судьями, но им разрешается заниматься адвокатурой [4].

Это определило направление развития современного российского нотариата.

По нашему мнению, начало нотариальной деятельности в России было положено в период появления «Русской правды» как первого правового документа в Древней Руси, содержащего акты, законы, княжеские указы, другие документы, которые регулировали экономические, социальные и правовые отношения того времени. Анализируя частные грамоты, можно проследить процесс появления различий в понятиях движимого и недвижимого имущества и специфику их правового закрепления.

Предпосылками возникновения такого вида подъячих как площадные была правовая неграмотность населения, а также отсутствие людей, умеющих читать и писать. Площадные имели сходство с римскими табеллионами и нотариусами. В их должностные обязанности входило составление письменных актов, их регистрация в книге приказа, предъявление в Печатный приказ, где документ скреплялся государственной печатью, и за это взималась плата. Все это нашло законодательное закрепление в Соборном уложении 1649 года, принятым при царе Алексее Михайловиче.

В 1922 г. Положение о государственном нотариате РСФСР [2] закрепило статус нотариата, как самостоятельного государственного учреждения. Тогда полномочия нотариата было достаточно узким. В них входило ведение наследственных дел, засвидетельствование договоров, совершение актов [5].

Первые предпосылки возникновения международного правового сотрудничества в сфере нотариата произошли 14 мая 1926 г., когда ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об общий принципах организации государственного нотариата» [3]. Здесь произошло расширение функций нотариата. Появилась обязанность нотариальных контор проводить свидетельствование правильности переводов с иностранных языков [6].

Надо отметить, что проект положения о нотариате СССР, который был разработан до войны, так и не был принят. В послевоенное время все управление сводилось к назначению нотариусов, которые заверяли иностранные документы.

Несмотря на то, что проводилась достаточно обширная законотворческая и организационная работа в данной области, деятельность нотариусов в 1950-1951 гг., все же, отходила на второй план. Здесь функции нотариальных органов постепенно уменьшались, уменьшилось также число проводи-

мых нотариусом ревизий. Данная проблема имела основание в том, что произошло снижение миграции населения в СССР, из-за чего и возник спад количества засвидетельствований верности копий, подписей и т.д.

Репутация нотариата возросла в 1957 году, когда нотариальный орган становится более стабильной структурой в системе органов советской юстиции. На этом этапе становления международного сотрудничества в сфере нотариата повышается качество работы нотариусов, их авторитет в обществе.

Первый документ, который достаточно подробно и обширно регламентировал нотариальные функции, которые касались международных отношений, был принят 28 января 1966 г. Инструкция «О порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР» [4] закрепила в себе норму о том, что государственные нотариусы должны совершать нотариальные действия для иностранных лиц наравне с советскими гражданами. Если норма иностранного права не противоречила законодательству СССР, то она могла применятся. На документах ставилась надпись отделом нотариата Министерства юстиции союзной республики и консульским управлением Министерства иностранных дел СССР [7].

Впервые приоритет международных договоров в советском законодательстве закрепился в Законе СССР «О государственном нотариате» от 19 июля 1973г [8]. Данный акт полностью соответствовал практике оказания международной правовой помощи по гражданским делам.

В разные периоды времени деятельность нотариусов или лиц, выполнявших их функции, была либо регламентирована достаточно жестко, либо никак не регулировалась. Однако нотариусы всех исторических эпох были ответственными перед своими клиентами и являлись гарантом законности и справедливости в государстве, и в меру своих возможностей и полномочий способствовали «наиболее полному обеспечению прав и свобод человека и гражданина, созданию для личности режима правового регулирования» [9].

Поэтому исторический опыт нотариальной деятельности должен быть учтен нотариусами XXI века, чтобы быть в состоянии выдержать вызовы сегодняшнего дня. Основные составляющие этого исторического опыта выступают как основополагающие принципы деятельности нотариата: он должен быть независимым и не быть подверженным давлению государственных и муниципальных органов власти, юридических и физических лиц. Тем не менее, нотариус совершает все свои действия на основе закона и требований действующего законодательства, поэтому должен подчиняться существующим в государстве установкам, регламентирующих деятельность нотариусов.

Согласно вышеизложенному, объективные потребности гражданского общества в составлении юридически значимых документов вызвали появление элементов нотариальной деятельности и постепенное формирование института нотариата. Нотариус из простого писца и хранителя документов стал профессиональным и грамотным должностным лицом, способным придать частным документам официальный характер. На всем протяжении истории нотариата происходит постепенное изменение функций нотариата от простого фиксирования сделок к приданию оформляемым актам юридической силы. В современной России сложился институт нотариата европейского образца, в целом способный решать возлагаемые на него задачи, но это живой общественный организм, нуждающийся в постоянном совершенствовании.

Таким образом, развитие системы нотариата связано с процессами приватизации, общественными отношениями в сфере прав собственности, которым необходимы устойчивые юрисдикционные способы защиты, в том числе с помощью института частного нотариата.

Подводя итоги исторического исследования становления и развития нотариата, можно отметить следующее. История нотариата достаточно длительна и многогранна. Она имеет свои особенности, предпосылки возникновения, закономерности развития. Нотариат появился в первую очередь в странах, где происходила активная торговая деятельность. Увеличение количества сделок, улучшение хозяйственных отношений способствовало увеличению роли нотариата в обществе. Развитие нотариальной деятельности напрямую зависит от правового развития общества, его потребностей. Поэтому нотариальная деятельность имела различные полномочия и особенности в каждом этапе своего развития.

Литература

1. Галикеева И. Г. Из истории возникновения института нотариата в России // Правовое государство: Теория и практика. 2016. №1 (43). С. 60-65.
2. Пожарская Ю. В. Процесс развития нотариального законодательства России и Германии в XX веке // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. №5 (93). С. 146-151.
3. Пожарская Ю. В. Понятие нотариата и оценка его роли в германской правовой системе // Право и государство: теория и практика. 2012. № 9. С. 33—34.
4. Азнаев А.М. Из истории нотариата // Нотариус. 2007. № 5. С. 10-14.

5. Об общих принципах организации государственного нотариата: Постановление ЦИК и СНК ССР от 14 мая 1926 //СЗ СССР. 1926. №35. Ст. 252.
6. Инструкция о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР //Утвержденная приказом Министерства Юстиции РСФСР. 06.01. 1987. №01/16-01.
7. Положение о государственном нотариате: Декрет СНК РСФСР от 4 октября 1922 //Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.
8. О государственном нотариате: Закон СССР от 19 июля 1973 //Ведомости ВС СССР. 1979. №8. Ст. 121.
9. Положение о нотариальной части. СПб., 1892. Ст. 42.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СТАРЫХ ПРОБЛЕМ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА (*политико-управленческое Дежавю)*

© 2021 г. М.А. Аствацатурова[1], А.В. Понеделков[2]

[1]Пятигорский государственный университет
357532, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9

Pyatigorsk State University
9, Kalinina, Pyatigorsk, 357532

[2]Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
344002, Ростов-на-Дону, Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Service
70, Pushkinskaya St.,
Rostov-on-Don, 344002

Статья посвящена системным комплексным проблемам СКФО. Отмечаются явные дефициты и риски развития СКФО в течение 2010-2021 гг. при соотнесении их с ситуацией в общественных, межэтнических отношениях. Критически оцениваются планы федеральной и региональных властей по обеспечению «ускоренного развития СКФО», даются рекомендации по поддержанию сферы общественных, межэтнических отношений в стабильном состоянии на фоне общих стагнационных процессов.

Ключевые слова*: федеральный округ, политико-административное управление, планы развития, межэтнические отношения, общественные настроения, стагнация*

The article considers the system challenges of the North-Caucasian Federal District. Outlines vivid deficits and risks of the development of the North-Caucasian Federal District within 2010-2021 regarding the situation in social and interethnic relations. Critically assesses the plans of federal and regional authorites for ensuring so-called speed-up development of the North-Caucasian Federal District, gives recommendations on maintaning the sphere of social, interethnic relations in a stable condition in the midst of general stagnation processes.

Keywords*: federal district, political-and-administrative governance, development plans, interethnic relations, public moods, stagnation*

Современные мировые экономические, социальные, политические процессы наполнены многими противоречиями, которые существенно воздействуют на внутристрановые сюжеты в России. Санкции в отношении РФ со стороны США и стран ЕС, диссонансы геополитических структур, пандемия коронавируса COVID-19 наносят ущербы стабильности и поступательному развитию Российского государства.

В этих условиях федеральный центр предпринимает шаги по стабилизации экономической и социальной инфраструктуры, а также по сохранению экономического, политического и социального суверенитета. Целевые идеи Президента РФ В.В. Путина в этом направлении отражены в посланиях главы государства 2020-2021 гг., базовые принципы которых аутентичны современным запросам общества. Федеральный центр стремится обеспечить демократическую эволюцию политической системы на базе консервативно-охранительной доктрины. Гражданская консолидация россиян при сохранении

этнокультурного разнообразия российского общества выступает двуединой целью «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», новая редакция которой утверждена главой государства в 2018 г. [1].

Осуществление политики РФ в сфере межэтнических отношений, воплощается в общероссийском и региональных контекстах с учетом рельефной дифференциации российского политического, экономического, социального пространства. Выраженная специфика государственной национальной политики отмечается на Северном Кавказе, что подтверждается «доказательной этнополитологей» и «доказательной этнополитикой». Весь постсоветский период на Северном Кавказе является периодом беспрецедентной (как успешной, так и рисковой) национально-государственной, национально-территориальной Реконкисты и национально-культурного Ренессанса. В 2010 г. образован Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), который является уникальным пространством политики и управления в сфере межэтнический отношений. Убедительные исследования «в сторону СКФО» закономерно фиксируют прямую связь всех экономических, политических, социальных явлений, тенденций, закономерностей с этноидентификационными практиками [2]. Президент РФ В. Путин на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в Нальчике в 2019 г. отметил свойства северокавказского сообщества, которые необходимо учитывать в политике и управлении [3].

Тезис об этнодентификационной самоценности сообществ СКФО можно было бы считать научно-поисковым и даже демагогическим эвфемизмом, если бы интересы народов и потребности этнических сообществ постепенно упрощались и нивелировались. Однако долголетнее изучение этносферы северокавказских социумов, пристальное проникновение в этнополитические сценарии и этнокультурные сюжеты красноречиво подтверждают несостоятельность надежд на нейтрализацию национального вопроса. Возьмем на себя смелость утверждать, что этническая идентичность была, есть и будет важнейшей среди комплекса социальных идентичностей жителей региона, а этничность как феномен и институт будет и далее применяется в социальной и политической конкуренции. Проявления этнических озабоченностей меняются формально, но не сущностно, а уровень этнокультурной грамотности и этнополитической компетентности северокавказских сообществ возрастает.

2019-2021 гг. в СКФО отмечены стабилизацией общей ситуации, что обусловлено целевой политико-управленческой деятельностью федерального центра, аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО. В качестве важнейших позитивов стоит выделить достижение высокого уровня национальной и человеческой безопасности, ликвидацию незаконных вооруженных формирований и их пособников, искоренение сепаратистских настроений, снижение числа преступлений террористической, радикальной направленности. В регионе достигнут определенный баланс между силовым управлением и управлением через традиционные историко-культурные механизмы. Федеральный центр в течение последнего десятилетия добился усиления своего присутствия в регионе, а также определенной нейтрализации этноклановых и этнократических региональных систем и ликвидации ряда коррупционных группировок [4]. Происходит ротация первых рядов региональных глав и управленцев. В большинстве субъектов РФ СКФО в 2014-2021 гг. (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Северо-Осетинская Республика-Алания, Ставропольский край) состоялась смена глав, обновился управленческий корпус.

Отметим также активизацию гражданского общества, которое структурировано в таких формах, как общественные палаты, консультативные советы, уполномоченные по правам человека, площадки гражданского активизма, публичной политики, общественного контроля, форумы, консорциумы. Осуществляется активное гражданское структурирование населения на базе этнической идентичности в виде национально-культурных организаций и автономий, домов национальных культур и центров дружбы, этнических и конфессиональных советов, советов старейшин, советов стариков, казачьих кругов, советов мира и дружбы. Все это состоялось в реинтеграции региона и в его интеграцией с другими российскими регионами на базе традиционных российских ценностей, российского патриотизма и российской гражданской идентичности [5].

Стоит указать, что общий градус межэтнических противоречий существенно снизился, что можно рассматривать как позитивную тенденцию, обусловленную объективными и субъективными факторами. Этнонациональные интересы, прошлые «этнические травмы» сместились по значимости на последние позиции в общественных настроениях. Существенно улучшился региональный имидж СКФО, который все в большей степени является объектом культурного, исторического, экологического, туристического, курортно-рекреационного и досугового интереса граждан РФ. Все эти выводы многократно зафиксированы в мониторингах, прогнозах, сценариях, которые составляются компетентными учеными СКФО и других регионов России и которые внушают оптимистические надежды [6].

Но вместе с тем, межэтнические отношения отмечены периодическими локальными негативами в связи с множеством этнотерриториальных, этнополитических, этноконфессиональных проблем. Опасения вызывает рост интерес граждан к нетрадиционным религиям при попытках заменить светское право религиозными догмами и практиками. Продолжает действовать «этническое распределение»

постов и этнократическая система управления, которая объективно детерминирована, но вряд ли имеет перспективы эффективности. В 2018-2020 гг. в связи с поправками в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» политизировался дискурс родных языков. Также весьма оживились этническая память, этническая мифология и конкуренция праздничных и памятных дат, историко-культурных объектов, природных сакральных комплексов, а также «конкуренция этнонимов» в преддверии Всероссийской переписи населения 2021 г.

В то же время, в научном сообществе отмечается некоторая инерционность, «усталость» методологии и концептуальных подходов, исчерпание категорий и понятий и бытование научных и наукообразных штампов. Вероятно, создалась потребность в новых готовностях и предрасположенностях научного поиска и в более достоверных и транспарентных прогнозах и рекомендациях в отношении СКФО. Здесь важно иметь в виду, что стационарные проблемы этнокультурного, этнополитического содержания: а) все больше прорастают в экономические, социальные, политические, управленческие, экологические сюжеты; б) все больше испытывают на себе воздействие экономических, социальных, политических, управленческих проектов.

2021 г. может стать очередным рубежным годом для нового взгляда на старые проблемы СКФО в общем контексте комплексных целевых усилий федерального центра по нейтрализации экономических и социальных вызовов современности. 2021 г. был предварён структурными трансформациями, которые предпринимал федеральный центр, стремясь улучшить ситуацию в СКФО. В канун 10-летия образования СКФО было ликвидировано Министерство РФ по делам Северного Кавказа и его функционал передан Министерству экономического развития РФ. Также проведен аудит деятельности экономических, социальных и управленческих структур округа, который выявил множество негативов, который, впрочем, типичны и для других регионов РФ [7]. Выводы Счетной палаты РФ об итогах реализации инвестиционных проектов в СКФО свидетельствуют о неудовлетворительных результатах [8].

Новое прочтение старых и хронических проблем СКФО состоялось в июне 2021 г. в ходе правительственного десанта в СКФО под руководством председателя Правительства РФ М. Мишустина с участием ключевых министров РФ, полномочного представителя Президента РФ в СКФО, глав субъектов РФ СКФО. Большой политико-управленческий пул был сконцентрирован в особо охраняемом эколого-курортном регионе Кавказских Минеральных Вод (Пятигорске, Ессентуках) и воплотился в оперативном мозговом штурме.

Закономерно, что все противоречия СКФО хорошо известны региональному бюрократическому истеблишменту, экспертному сообществу и населению и их очередное номинирование представляют собой некое политико-управленческое Дежавю (фр. déjà vu – уже виденное, увиденное второй раз). В течение десятилетий они тормозят развитие округа, негативно влияют на социальное самочувствие населения, на уровень гражданской консолидации, а также на степень доверия населения власти – региональной и федеральной. На совещании Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития СКФО указаны острые дефициты развития, которые, впрочем, неизменны со дня образования СКФО в 2010 г, это:

- высокая дотационность субъектов РФ СКФО, общая слабость социально-экономической инфраструктуры, отсутствие ощутимых результатов социально-экономического развития, высокая зависимость от федеральных дотаций, слабость инвестирования в основной капитал, неэффективное использование бюджетных средств;

- торможение крупных институциональных, инфраструктурных экономических и социальных и бизнес-проектов, низкий уровень муниципального управления особенно в отдаленных сельских (горных и степных) районах, задолженность по коммунальным платежам при плохом состоянии жилья, дорог, коммуникаций;

- высокий уровень безработицы (в 2,5 раза выше, чем средний по России в отдельных субъектах – самый высокий по РФ), усиленный эпидемией коронавируса, низкий уровень заработной платы, низкий уровень жизни, высокая младенческой смертности, почти на треть (29%) выше, чем в целом по стране, неисполнение мер социальной защиты населения;

-отсутствие эффективных социальных лифтов для молодежи, узость рынка труда и инфраструктурных возможностей для качественного образования, медицинского обслуживания, трудоустройства, карьерного роста, обеспечения жильем молодежи.

Тезисы председателя Правительства РФ подтверждают негативную реальность развития округа: неисполнение инвестиционных программ, несостоятельность свободных экономических зон и территорий опережающего развития, ущербного кластерного принципа организации экономики, социальной сферы, а также и очевидные провалы региональной кадровой политики и др. В дополнение к указанным негативам подчеркнем такую проблему, как продолжение (в замедленном темпе в связи с неблагоприятными экономическими условиями и пандемией) оттока из региона русских и русскоязычных граждан в другие регионы РФ, а также и коренного населения в силу низкого уровня жизни, безработицы, недоступности социальных лифтов и качественных социальных услуг и др.

Председатель Правительства РФ М. Мишустин выделил приоритетные направления развития СКФО. Это, прежде всего, туризм как опорное направление для экономики Северного Кавказа и развитие агропромышленного комплекса. На совещании вновь была поставлена задача «ускоренного социально-экономическое развитие регионов Северного Кавказа, создать в этих регионах точки экономического роста, приблизить уровень жизни к общероссийскому. В округе проживает около 10 миллионов человек. И они должны чувствовать внимание государства, видеть, что жизнь на Кавказе становится лучше» [9]. Отметим, что эти тезисы мы также рассматриваем как политико-управленческое Дежавю, так как на протяжении последних 10 лет именно их называют в качестве перспектив развития СКФО.

Новый этап обращения к проблемам округа на федеральном уровне внушает некоторые надежды на то, что российская власть вновь осмыслит опасности стагнационного состояния СКФО и сможет реализовать намеченные планы, которые, впрочем, на наш взгляд, не отличаются особой убедительностью [10].

В этой связи оставляем за собой право вновь подчеркнуть целесообразность:

– развивать аутентичные региональные модели российских политико-управленческих доктрин устойчивого развития при акцентировании объединяющих гражданских ценностей [11];

– использовать рубежные общественно-политические события и контрапункты общенационального масштаба (выборы, послания главы государства, всенародные голосования, всероссийские переписи населения и др.) для гражданского сплочения населения;

– находить эффективные техники и технологии ответственного, проектного управления, приемлемые в условиях северокавказского трайбализма, социального и политического контроля;

– обеспечивать ротацию политико-управленческого, бюрократического корпуса, вовлекая в государственную гражданскую службы и в местное самоуправление талантливую творческую молодежь региона;

– обновить техники и технологии сохранения человеческого капитала и управления человеческими ресурсами при усилении публичности политики и управления [12];

– сохранять положительные тренды рождаемости и общего демографического развития путем реального осуществления социальной защиты многодетных семей, молодых семей [13];

– обеспечить открытость и информационное сопровождение обновленных планов развития округа и широкое обсуждение их реализации в среде экспертов, гражданских активистов, СМИ, референтных лиц;

– осуществлять и координировать постоянный мониторинг состояния, настроений и ожиданий регионального сообщества, а также общественного дискурса округа;

– нейтрализовать негативные проявления этнократических, этноклановых единиц управления и самоуправления, усиливая интернациональный характер региональных политических систем;

– рассматривать межэтнические отношения и этнополитические процессы в контексте экономики, социальности с учетом существенного социального, имущественного расслоения населения;

– проводить политико-управленческие решения по изменению границ и переподчинению территорий и населенных пунктов или образованию новых муниципальных районов только после профессиональной экспертизы и широкой коллективной поддержки гражданского общества.

Литература

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666"О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" с изменениями от 6 декабря 2018 г. // URL: https://base.garant.ru/70284810/.
2. Аствацатурова М.А. Этнополитические заметки из дневника Северо-Кавказского федерального округа // Вопросы политологии. 2019. В. 7 (47). Т. 9. С. 1433-1441.
3. Заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям в Нальчике. 29 ноября 2019 г. Президент России // URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62160/audios.
4. Чайка в должности полпреда в СКФО займется борьбой с коррупцией и исполнением нацпроектов. ТАСС. 27 января 2020 г. // URL: https://tass.ru/politika/7619037
5. Иванова С.Ю. Миссия образования в реализации стратегии формирования российской идентичности в полиэтничном социуме // Российская гражданская и цивилизационная идентичность: теоретические подходы, экспертиза и механизмы формирования: Сборник научных трудов по материалам регионального научно-методического семинара. Ставрополь, 23 октября 2019 г. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019.103 с.
6. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад. Научное монографическое издание / Отв. ред. М.А. Аствацатурова. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2018. 190 с.; Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Северо-

Кавказском федеральном округе. 2019 г. Экспертный доклад. Научное монографическое издание. / Под общ. ред. В.А. Тишкова, отв. ред. С.Ю. Иванова. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 2019. 128 с.

7. Дегтярев В.А. Концепция 2020: неутешительные итоги // Университетские чтения. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Ч.1. Пятигорск: ПГУ. 2020. С.100-105.

8. Институты развития Северного Кавказа нуждаются в перезагрузке. Счетная палата РФ. 8 апреля 2021 г. // URL: https://ach.gov.ru/checks/instituty-razvitiya-severnogo-kavkaza-nuzhdayutsya-v-perezagruzke

9. Совещание с членами Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа. 15 июня 2021 12:00 Пятигорск, Ставропольский край. Правительство РФ // URL: http://government.ru/news/42494/.

10. Крючкова Е. Инвестициям выпишут путевку на Кавказ. Власти обещают поддержать частные вложения в макрорегион. // Коммерсантъ. №101 от 16.06.2021. С. 2 // URL: https://www.kommersant.ru/doc/4857378?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1623850016000.

11. Факторы, приоритеты и механизмы устойчивого развития регионов Северного Кавказа / Под ред. Н.В. Медяник, О.В. Михайлюк. Пятигорск: ПГУ. 2916. 186 с.

12. Кайль Я.Я., Епинина В.С., Зудина Е.В. Механизмы управления человеческими ресурсами в системе публичного управления на уровне субъекта РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. Ростов-нД: ЮРИУ РАНХиГС. 2018. С. 20-26.

13. Демографическое развитие России: проблемы и перспективы. Сборник информационно-аналитических материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием.26 апреля 2021 г. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2021. 320 с.

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 342.56

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ «СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ: МОНОГРАФИЯ / В.К. АУЛОВ, Е.В. БУРДИНА, Г.Т. ЕРМОШИН и др. / Под ред. Ю.Н. ТУГУНОВА. М.: РГУП, 2019. 404 с.

© 2021 г. А.П. Фоков

Российский государственный университет правосудия 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69а

Russian State University of Justice, 69a, Novocheremushkinskaya, Moscow, 117418

Настоящая статья представляет собой рецензию на научно-монографическое издание Аулова В.К., Бурдиной Е.В., Ермошина Г.Т. и др. «Судебная власть: институционально-правовые аспекты» / Под ред. Ю.Н.Тугунова. М.: РГУП, 2019. 404с. В монографии рассматриваются методологические аспекты исследования феномена «судебная власть» в современной правовой теории, «органы судейского сообщества» как элемент организации судебной власти, организационно-правовые основы противодействия коррупции в судебной деятельности. Авторами издания исследуются вопросы статуса судьи и нормативно-правового регулирования дисциплинарной ответственности судей в современной России.

Ключевые слова: *конституция, судебная власть, органы судейского сообщества, статус судьи, дисциплинарная ответственность судей, противодействие коррупции в судейской деятельности*

This article is a review of the scientific monographic publication by Aulov V.K., Burdina E.V., Yermoshin G.T., and others "Judicial power: institutional-law aspects" / Ed. by Yu.N. Tugunov. M.: RSUP, 2019. 404p. The monograph examines the methodological aspects of the study of the phenomenon of "judicial power" in modern legal theory, the bodies of the judicial community as an element of the organization of the judiciary, the organizational and legal foundations of combating corruption in judicial activity. The authors of the publication study the issues of the status of judges and the legal regulation of the disciplinary liability of judges in modern Russia.

Keywords*: constitution, judicial power, bodies of the judicial community, judge status, disciplinary liability of judges, anti-corruption in judicial activity*

Исследование теоретических проблем судебной власти в условиях продолжающейся судебной реформы, укрепление гарантий судебной системы как одной из ветвей государственной власти становятся первостепенной задачей отечественной юридической науки.

В этой связи достаточно актуальным и интересным представляется научный труд коллектива работников Российского государственного университета правосудия В.К.Аулова, Г.Т.Ермошина, А.С. Мамыкина, Н.А.Петухова, Е.В.Рябцевой, Ю.Н.Тугунова и А.Г.Щукина, посвященный глубокой научной проработке «феномена» судебная власть и ее элементов: органов судейского сообщества, противодействие коррупции в судебной деятельности, вопросы статуса судьи и дисциплинарной ответственности судей в современной России.

Н.А. Петухов – заместитель председателя Верховного суда РФ – председатель Военной коллегии Верховного суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения проблем правосудия РГУП;

Е.А. Бурдина – заведующая кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП, в 2016 году защитила докторскую диссертацию по теме: «Правовая природа, организация и деятельность органов судейского сообщества в судебной системе России», доктор юридических наук, профессор;

Г.Т. Ермошин – старейший работник Высшего Арбитражного суда РФ, в 2016 году защитил докторскую диссертацию по теме: «Статус судьи в Российской Федерации», доктор юридических наук, доцент;

Ю.Н. Туганов – Федеральный судья (в отставке), главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия РГУП, профессор кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП, доктор юридических наук, профессор;

В.К. Аулов – Федеральный судья в отставке, в 2012 году защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Дисциплинарная ответственность судей: генезис, понятие и процедуры», кандидат юридических наук, доцент;

А.С. Мамыкин – доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП, кандидат юридических наук, доцент;

Е.В. Рябцева – доцент кафедры доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности РГУП, в 2005 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве», кандидат юридических наук, доцент;

А.Г. Щукин – судья Забайкальского краевого суда.

Степень разработанности темы исследования достаточно высокая, т.к авторы монографии за многие годы научной и практической деятельности опубликовали множество материалов, в той или иной степени посвященных заданной теме исследования.

В новой книге, во введении, авторы совершенно справедливо отмечают, соглашаясь с научной позицией М.Н.Марченко, профессора МГУ им. М.В.Ломоносова, о том, что «… среди нерешенных проблем судебной власти в настоящее время, по-прежнему остаются вопросы, касающиеся общего понятия судебной власти, определения ее юридической природы и характера, установления свойственных судебной власти как родовому явлению и соответствующему ему понятию признаков и черт, вопросы определения характера и особенностей взаимоотношения судебной власти с другими ветвями государственной власти» (С.6-7) [3].

Проведенное исследование базируется на глубоком анализе научных работ классиков и современников, посвящённых методологии формирования и развития судебной власти в ее единстве, независимости от других ветвей государственной власти.

Обобщая степень разработанности темы исследования, отмечаем, что авторы монографии в контексте ее теоретической и методологической составляющей значительно расширили и наполнили новыми знаниями наше представление о феномене «судебной власти», «органах судейского сообщества», предложили законодательные новации, способные укрепить авторитет судебной власти, меры по противодействию коррупции в судейской среде и усилении дисциплинарной ответственности судей и аппарата судов.

Научная новизна монографии состоит в глубокой проработке и обобщении международного опыта развития судебной власти в современных условиях, научном анализе закономерностей совершенствование судебной системы путем объединения высших судов РФ, формирования апелляционных и кассационных судов, определении единства и многообразия статусов судей в РФ, статуса судьи в отставке, сравнительно-правовом анализе тенденций дисциплинарной ответственности судей, а также противодействия коррупции судей.

Эмпирическую основу научного труда составили результаты изучения деятельности Российского государственного университета правосудия (РГУП), материалы Высшей квалификационной коллегии судей РФ (ВККС РФ) и Совета судей РФ, региональных советов судей и квалификационных коллегий судей РФ, Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ.

В работе исследованы малоизученные материалы об «Объединении высших судов РФ» и делается вывод о том, что указанное объединение высших судов было необходимо для укрепления судебной власти, гарантий защиты прав и единства в судебной системе (С.8-34).

Авторы монографии сформулировали новое понятие деятельности органов судейского сообщества в РФ как элемента организации судебной власти (С.35 – 83). Достаточно интересно авторское толкование конституционно-правовых категорий «суд» и «судья» в единстве существования и различного содержания (С.84-212).

Предложения о совершенствовании законодательства о дисциплинарной ответственности судей требует осмысления, но перспективы улучшения правовых норм данного института действительно необходимы в связи с высоким ростом совершения судьями проступков и правонарушений (С.213 – 325).

В этой связи, новое видение выработки организационно-правовых мер на противодействие коррупции в судебной деятельности заслуживает одобрения, так как в условиях современного технического прогресса можно действительно исключить большое число коррупционных проявлений в судейской среде (С.326-373).

В монографии представлены достаточно объемная библиография (С.377-398) и обширный перечень законов и нормативных правовых актов, регулирующих статус судьи в Российской Федерации, которые позволяют оценить объем выполненной работы (С.399 – 404).

На основе проведенного исследования авторы признали, что после принятия 5 февраля 2014 года в Конституцию РФ Президентом РФ подписан одобренный Государственной Думой и Советом Федерации Федерального Собрания РФ ФКЗ №3-ФКЗ «О Верховом Суде Российской Федерации», а также ряд законов, определяющих порядок формирования и статус объединённого Верховного Суда РФ.

Так, подводя итоги 2014 года, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев сообщил, что в практике двух судебных систем обнаружено 65 значительных расхождений.

В данной связи Председатель объединенного Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, выступая на Международном юридическом форуме стран Азиатско-Тихоокеанского региона в 2015 году, отметил, что «объединение судов способствовало и тому, что Верховный Суд РФ стал более продуктивен в работе над своими правовыми позициями, анализе судебной практики» (С.8-9).

Действительно, в настоящее время в Верховном Суде РФ отмечается единообразие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по различным категориям дел, в том числе и в экономической сфере. Обзоры судебной практики, опубликованные на сайте Верховного Суда РФ, стали более полноценными и содержательными для правоприменителей - судей.

Представление об органах судейского сообщества в Российской Федерации тесно связано прямо и непосредственно с осуществлением принципа разделения властей, с независимостью и самостоятельностью судебной власти и системой ее гарантий.

В литературе существует различное понимание судебной системы и статуса судьи, органов судейского сообщества: совета судей и квалификационных коллегий судей.

Как представляется, по результатам исследования авторы предложили наиболее верный вывод о том, что «органы судейского сообщества в Российской Федерации представляют собой созданные для обеспечения независимости судей и самостоятельности судов, имеющие независимое публично-правовые образования судей, имеющие независимое организационно-финансовое положение в судебной системе Российской Федерации и наделенные государственно-властными полномочиями по формированию кадрового корпуса судей, продвижению их в карьере, привлечению к ответственности и участию в обеспечении деятельности судов» (С.83).

Наиболее обширный раздел монографии посвящен анализу, а затем оценки статуса «Судьи в системе судебной власти».

Действительно, в науке не определен статус судьи как носителя судебной власти – в судейском корпусе суда, статус судьи как лица, замещающего государственную должность Российской Федерации (субъекта РФ), статус судьи как члена судейского сообщества – в судейском сообществе, статус судьи как личности с особым режимом реализации конституционного права «вершить правосудие».

Действующее законодательство о судебной власти не дает единого представления ни о системе судейских должностей, ни об объеме полномочий по каждой из судейских должностей. Порядок продвижения лиц, замещающих государственную должность судьи, по карьерной лестнице судейских должностей не регламентирован. Нет никаких качественных или количественных критериев, определяющих право и последовательность занятия того или иного положения в иерархии судейских должностей. Собственно говоря, нет и самого понятия иерархии судейских должностей как строго определенного перечня должностей с увеличивающимся объемом административных полномочий, последовательное движение по которому означало бы карьерный рост судьи.

Думается, что в этих условиях необходимо поддержать авторов монографического труда о том, что вполне возможно устранить неясность толкований законодательства о статусе судьи, а для этого необходимо разработать и принять федеральный конституционный закон «О статусе судей Российской Федерации», где четко прописать единые для всех судей нормы, регулирующие статус судьи. В отдельных статьях или разделах определить те положения, которые определяют многообразие статусов судей разных судов. Указанное, по мнению авторов, устранит дублирование и разночтение положений о статусе судей и повысит эффективность регулирования статуса судей в Российской Федерации (С.134 – 135).

Определенная новизна монографии присутствует и в определении статуса мирового судьи в системе судебной власти, где по результатам исследования авторы полагают необходимым разорвать порочную зависимость мировой юстиции от воли исполнительной власти субъектов РФ, а также законодательно укрепить статус мирового судьи в системе судебной власти (С.134 – 149).

Как отмечают исследователи, необходимо устранить законодательный пробел в правовом регулировании оценки компетенции и карьерного продвижения судьи (С.150 – 167), исключить неясность толкования закона при получение «статуса судьи в отставке» по достижении срока полномочий, установленного законом, по собственному желанию или по иным основаниям, предусмотренным законом (С. 201 – 212).

Исследование институционально-правового аспекта судебной власти не может быть полным без анализа такой ее составляющей как дисциплинарная ответственность судей. Именно правовые и этические аспекты этого вида ответственности индивидуальных носителей судебной власти требуют постоянного изучения.

Полагаем, что авторы монографического труда представили стройную систему дисциплинарной ответственности судей в ее динамике и развитии во времени, именно так и выглядят разделы исследования: историко-правовой – анализ нормативного регулирования дисциплинарной ответственности судей в России (С.213-254), сравнительно-правовой анализ тенденций развития дисциплинарной от-

ветственности судей государств Евразийского экономического союза (С.254-274), коррупционное правонарушение и дисциплинарный проступок судьи: соотношение понятий (С.275-287).

По результатам исследования авторы монографии предложили скорректировать законодательство о дисциплинарной ответственности судей и закрепить такие правовые категории как «коррупционное поведение», «поведение судьи», «коррупционное правонарушение».

Тем самым, полагают исследователи, появится возможность исключить в дисциплинарной практике такого рода «дополнительную» оценку (квалификацию) дисциплинарного проступка судьи (С.287 -288).

Небольшой по объему раздел монографии посвящен судебному управлению (администрирование судами) (С.288-325).

Действительно, в мировой практике существует множество различных систем назначения судей, и, заметим, нет единой модели, которая могла бы быть полезной для родного Отечества.

В Российской Федерации органы судейского сообщества в лице экзаменационных комиссий и квалификационных коллегий судей активно участвуют в кадровом формировании судейского корпуса, и, казалось бы, все идеально. На самом деле, полагает Е.В.Бурдина, (один из соавторов монографии), при наличии широкой компетенции квалификационных коллегий судей необходимо исключить конкуренцию, конфликт и избыточность функций. Далее исследователь полагает, что конфликты между такими функциями коллегий как назначение судей и привлечение их к дисциплинарной ответственности или дача согласия на возбуждение в отношении судьи уголовного дела, между назначением судей и их аттестацией умаляют авторитет судебной власти.

Поэтому, считает Е.В.Бурдина, должны строиться структура, количественный состав коллегий и их аппарат и только тогда можно рассчитывать на объективность оценок квалификационных коллегий при осуществлении ими множественных полномочий.

Подобные рекомендации содержатся в Европейских стандартах (С.319-320).

Наконец, раздел монографии, посвященный «Организационно-правовым основам противодействия коррупции в судебной деятельности» состоит из анализа международного и национального регулирования противодействию коррупции в судебной деятельности (С.326 – 349) и организации работы по противодействию коррупции в суде (С.350 – 373).

Современная методология сравнительного правоведения дает возможность проанализировать особенности законодательства в сфере противодействия коррупции в судебной деятельности, и, совершенно очевидно, общим для всех теоретических моделей является имплементация международно-правовых норм антикоррупционной направленности в отечественное законодательство.

Основополагающим международно-правовым актом в сфере борьбы с коррупцией является Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года. Данная Конвенция ратифицирована Россией в соответствии с Федеральным законом от 8 марта 2006 года №40-ФЗ.

Авторы монографии отмечают, что Россия до настоящего времени не ратифицировала ст.20 Конвенции ООН, предусматривающую ответственность публичных должностных лиц за «незаконное обогащение», что, по мнению авторского коллектива, существенно снижает профилактику коррупции в судейской среде.

Достаточно интересно предложение исследователей о том, что, не затрагивая коррупционного законодательства, возможно создать «Модель базового правового регулирования» вопросов коррупции и управления конфликтом интересов в определенной области общественных отношений, например в уголовном, гражданском законодательстве, и тем самым снять напряжение в обществе при возникающих конфликтах в судейской среде.

Можно согласиться с предложениями авторского коллектива по модернизации «Судебной власти в России» с учетом современных реалий бытия или не соглашаться по конъюктурным соображениям, но прежде всего отметим, что сформулированные и внедренные методологические установки и идеи на монографическом уровне в целом реализованы, а научно-исследовательская цель достигнута.

Литература

1. Монографическое издание Аулова В.К., Бурдиной Е.В., Ермошина Г.Т. и др. «Судебная власть: институционально-правовые аспекты» / Под ред. Ю.Н.Тугунова. М.: РГУП, 2019. 404с.

2. Клеандров М.И**.** Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 320 с.

3. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебное право. М., 2007. С.8.

4. Правосудие в современном мире: монография / В.М.Лебедев, Т.Я.Хабриева, А.С.Автономов и др. / под ред. В.М.Лебедева, Т.Я.Хабриевой, 2-е изд. М.: Норма, 2018.

5. Тимошин Н., Председатель Высшей квалификационной коллегии судей РФ на семинаре – совещании с представителями квалификационных коллегий судей субъектов РФ 18 июля 2018 г. // Российская газета. 2018. 9 августа.

6. Яковлев В.Ф. Статус судьи есть статус власти // Государство и право. 2004. №1.

НАШИ АВТОРЫ

Аствацатурова Майя Арташесовна – директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», доктор политических наук, профессор. maya.astv@gmail.com

Ахмедханова Самира Телхатовна – доцент кафедры уголовного права, Северо-Кавказский институт ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», кандидат юридических наук, gamzat940@mail.ru

Баталова Бэла Султановна – магистрант 2 курса Северо-Кавказского института ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», gamzat940@mail.ru

Безуглая Анна Артуровна – доцент кафедры конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, 8 4722 30-12-63

Безуглый Сергей Николаевич – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук. 8 4722 30-12-63

Белоусов Дмитрий Евгеньевич – магистрант 2 курса программа «Финансовый контроль и аудит использования ресурсов» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал. dbelousov-17-01@edu.ranepa.ru

Берестовой Дмитрий Александрович – аспирант кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». berestovoy_7@mail.ru

Буханова Екатерина Андреевна – преподаватель факультета экономики ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал. bukhanova@uriu.ranepa.ru

Бухарова Ирина Викторовна – доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Ростовского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Ростове-на-Дону; доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук, 2909195Irina@mail.ru

Габрелян Саркис Сергеевич – аспирант кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения». 8 863 272-63-76

Гаврицкий Александр Васильевич – заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук, доцент. 8 863 297-58-72

Гайбарян Олег Михайлович – доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. oleg346879@mail.ru

Гомелева Екатерина Викторовна – доцент кафедры «Экономика, учет и анализ» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук, доцент. katya.ternickova@yandex.ru

Горбунова Наталья Вадимовна – доцент кафедры исторических наук и политологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат исторических наук. natagor.rnd@mail.ru

Григорьева Алёна Андреевна – магистрант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», kafedra37@bk.ru

Дзюба Любовь Михайловна – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат философских наук. gr_process38@mail.ru

Диденко Марина Сергеевна – ассистент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». mn2303@mail.ru

Дорофеева Дарья Михайловна – магистрант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru

Евграфова Ольга Владимировна – доцент кафедры экономической теории и международных экономических отношений Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия», кандидат философских наук. dia7@bk.ru

Кизим Анатолий Александрович – профессор кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», доктор экономических наук, профессор. Arko1980@mail.ru

Кирищиева Ирина Рафаэлевна – профессор кафедры «Экономика, учет и анализ» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», доктор экономических наук, доцент. irina_raf@list.ru

Кича Мария Вячеславовна – доцент кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», кандидат юридических наук. 8 863 297-58-72

Клочкова Александра Леонидовна – старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». klochkova_alexa86@mail.ru

Кметь Инна Андреевна – магистрант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». gr_process38@mail.ru

Колесников Руслан Валерьевич – аспирант ФГБОУ ВО «Сочинский государственный университет». koleso-ruslan@mail.ru

Комахидзе Теймураз Арчилович – заместитель начальника отдела по надзору за процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и таможни Южной транспортной прокуратуры. 8 863 251-04-01

Кручина Александра Павловна – студент Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия». kruchina_ap@mail.ru

Кулик Татьяна Юрьевна – доцент кафедры процессуального права ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал, кандидат юридических наук, доцент, 8 863 203-63-64

Лисицкая Мария Вячеславовна – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», mv.lisitskaya@mail.ru

Мархгейм Марина Васильевна – заведующая кафедрой конституционного и международного права юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», доктор юридических наук, профессор, 8 4722 30-12-64

Масликов Иван Степанович – старший преподаватель кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». maslikov_is@mail.ru

Михайлов Стэфан Геннадьевич – аспирант 1 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». 8 (863) 263-84-14

Мосиенко Владимир Павлович – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент. gr_process38@mail.ru

Мосиенко Татьяна Александровна – профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент, kafedra37@bk.ru

Мухиддинов Камолхон Содикжон угли – магистрант ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», kafedra37@bk.ru

Непранов Руслан Григорьевич – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. gr_process38@mail.ru

Орлова Диана Алексеевна – студент бакалавриата Юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». nelli_o@mail.ru

Панчихин Кирилл Сергеевич – магистрант 2 курса очной формы обучения, юридического факультета Ростовского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», sparko008@yandex.ru

Полозова Марина Руслановна – магистрант Юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». arzhanova1997@bk.ru

Понеделков Александр Васильевич – заведующий лабораторией проблем повышения государственного и муниципального управления, заведующий кафедрой политологии и этнополитики ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Южно-Российский институт управления – филиал, доктор политических наук, профессор, ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Працко Геннадий Святославович – профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»; профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»; заведующий кафедрой гражданского права и процесса, профессор кафедры «Теория государства и права» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», доктор философских наук, доктор юридический наук, профессор. nashum82@mail.ru

Риполь-Сарагоси Людмила Геннадьевна – доцент кафедры «Экономика, учет и анализ» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук, доцент. ripboris@yandex.ru

Сароян Илья Владимирович – аспирант ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», iliasaroyan@yandex.ru

Севумян Варлен Николаевич – доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, доцент. sevar_@mail.ru

Тесленко Евгений Сергеевич – доцент департамента образования Троицкого филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат юридических наук. tes-evgenij@yandex.ru

Толмачева Виктория Олеговна – магистрант по направлению «Менеджмент», профиль «Международный Бизнес» кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». victoria-_tolmacheva@mail.ru

Тынянский Дмитрий Владимирович – аспирант ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». Edt_1996@mail.ru

Федоренко Наталия Владимировна – заведующая кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, gr_process38@mail.ru

Федоренко Юлия Вячеславовна – доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук, gr_process38@mail.ru

Филатов Сергей Викторович – доцент кафедры исторических наук и политологии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат исторических наук. filatovsv@rambler.ru

Фоков Анатолий Павлович – главный научный сотрудник Центра исследования проблем правосудия ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, эксперт международной организации по борьбе с коррупцией (ГРЕКО). fokovam@yandex.ru

Шагинян Сергей Георгиевич – заведующий кафедрой «Экономика и менеджмент» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», доктор экономических наук, профессор. em@rgups.ru

Шатверян Нелли Григорьевна – доцент кафедры гражданского Юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». nelli_o@mail.ru

Элибекян Милена Артуровна – магистрант Юридического факультета ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». milia01@mail.ru

Эрганов Юрий Тарасович – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», sirius077@list.ru

Ядута Светлана Алексеевна – главный специалист отдела по профилактике коррупционных и иных нарушений законодательства о муниципальной службе управления кадровой политики администрации города Белгорода. svetlanayaduta@yandex.ru

Яковенко Зоя Михайловна – доцент кафедры «Экономика, учет и анализ» ФГБОУ ВО «Ростовский государственный университет путей сообщения», кандидат экономических наук. zoyar-gups@mail.ru